

[Polaris]

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

ВЕК ГИГАНТОВ

Полное собрание сочинений

Том V

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Salamandra P.V.V.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том V

**Виктор
ГОНЧАРОВ**

**ВЕК
ГИГАНТОВ**

Salamandra P.V.V.

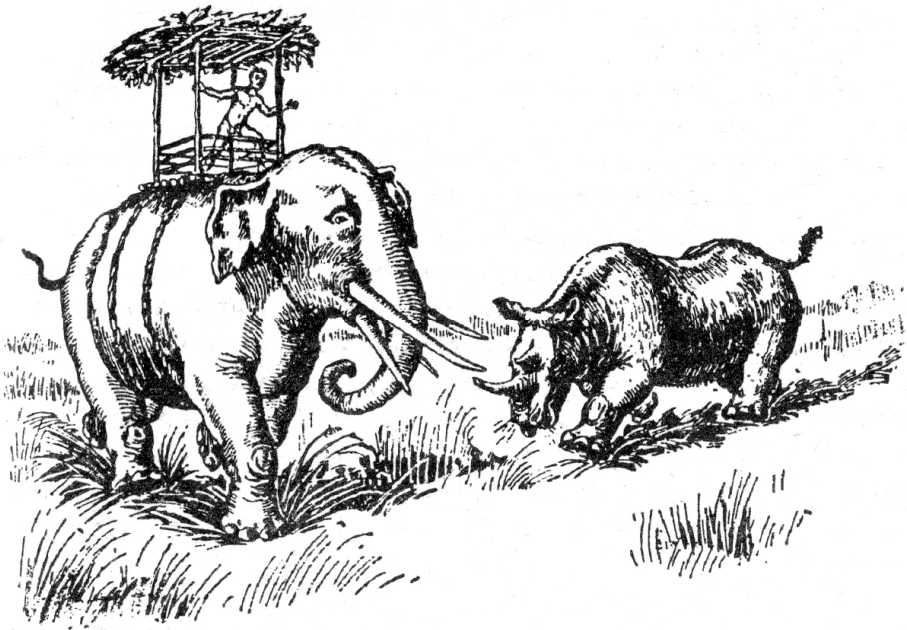
Гончаров В. А.

Век гигантов: История про то, как фабзавук Николка из-за фокусов ученого-медика Скальпеля попал в гости к первобытному человеку. Подг. текста и прим. А. Шермана. Рис. П. Ермолова. – (Полное собрание сочинений в шести томах, т. V). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 265 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика).

В пятом томе собрания сочинений одного из пионеров советской фантастики В. Гончарова представлено заключительное произведение из дилогии о докторе Скальпеле – увлекательный палеофантастический роман «Век гигантов».

ВЕК ГИГАНТОВ

История про то, как фабзавук Николка из-за фокусов
ученого-медика Скальпеля попал в гости к первобытному
человеку

*Пионерам, фабзайчатам и комсомольцам
посвящает автор эту книгу.*

Скальпель занимается морокой. — Через мороку в плиоцен. — Исполинская саламандра. — Стена из скорпий. — Голос первобытного человека. — Николка сражается с гигантским львом. — Конфуз Скальпеля. — Первобытная собака. — Пантера. — Если бы не эти проклятые брюки, я бы — ого!

— А знаете, я вас могу переселить на время в самое что ни на есть первобытное общество,— это объявил ученый медик Скальпель, входя в тесную комнатку знаменитого фабзавука и строя, по обыкновению, на своем лице причудливый переплет из загадочных улыбок.

Фабзавук в это время, покончив с медицинскими науками, поглощал с азартом, свойственным лишь тем людям, которым доступ к знанию был прегражден в течение долгих веков и которые сами, рабочими своими руками, смели эту преграду, — фабзавук Николка с большим азартом теперь поглощал уже новые науки.

— ...Могу переселить в первобытное общество, — повторил конец своей фразы доктор Скальпель, кряхтя и взгромождаясь на Николкин диван, сооруженный из старых газет и ящиков.

Николка оторвал глаза от книги, задумчиво-ласково посмотрел на чудака Скальпеля, потом на муху, планирующую к докторской лысинке, и с шумом захлопнул Тахтарева на самом интересном месте.

— Дудки! — сказал он, как отрезал. — Хотите чаю? Простили те времена, когда я над книгами засыпал... Засыплетесь теперь вы с вашими фокусами... Чай холодноват, хотите — подогрею?..

— Не засыплюсь... Не подогревайте, давайте, какой есть... Не засыплюсь. Проще пареной репы... Вы над чем теперь мудрствуете? Ага, над первобытным человечеством! Я так и знал. — Скальпель взял Тахтарева, перелистал. — Я так и знал, — повторил он решительно и загадочно вместе с тем.

— Мудреного ничего нет, — ухмыльнулся Николка, — у

меня все окно завалено книгами по палеонтологии и палеоэтнологии. С улицы видать сразу, чем я занимаюсь.

— Пускай так,— немного разочарованно произнес Скальпель и засвистал:— Фью... фью... Даю голову на отсечение, — геологию Боммели вы уже проглотили?

— Готова! — подтвердил Николка. — От крышки до крышки. Занятная книжища.

— ...И вымерших животных Ланкестера? — предположил Скальпель, беря с окна соответствующую книгу.

— Готова,— снова поддакнул Николка.

— И Кунова, Левину, Дорш?..

— Есть все три выпуска.

— Здоровое дело! — одобрил Скальпель. — Итак, хотите, я вас переселю в первобытные времена?

— Валяйте, — дурашливо-быстро согласился Николка. — Только дайте сначала Ваньке Сванидзе письмо написать.

— Пишите. Я подожду. — Скальпель учтиво повернулся к фабзавуку спиной и залистал «Потонувшие материки» Добрынина.

Проползла минутка, другая... Ученый муж продолжал рассеянно шевелить страницы названной книги, а Николка, вытаращив глаза, глядел ему в спину.

— Вы... что сегодня кушали? — наконец, спросил он.

— Окрошку и котлеты, — с охотой отозвался врач, обобщившись.— А вы уже написали?

— Чудачите! Можно подумать, что вы сильно угорели!

— Не угорал. В полном здравии.. Ну, отвечайте скорее, да серьезно: познакомиться хотите со своими предками?

Никогда еще Николка не видал своего друга в таком странном состоянии; что он любитель шуток и фокусов — это было известно всей фабрике, но чтоб он позволил себе морочить головы людям менее себя образованным, — этого никогда еще не случалось.

«Хотя бы улыбнулся, сатана!» — думал Николка и напряженно старался разгадать загадку.

А Скальпель серьезно и с нетерпением ждал ответа.

— Ну, ну, мужчина, решайтесь,— гудел он.

— Вы чего, собственно, хотите? — вспыхнул, наконец, Николка.— Хотите, чтобы я поверил вашей мороке?

— Сами вы морока,— обиделся вдруг врач.— И чая вашего не хочу пить. И незачем было туда мух пускать. Вот возьму и уйду...

— Пойдите, — поймал Николка докторскую руку. — Объясните, как это вы думаете переселить меня в общество, которое уже не существует?

— Проще пареной репы, — сразу сдался врач и снова уселся, а свободной рукой машинально стал размешивать чай, в котором действительно плавали две мухи. — Возьму и переселю. А когда переселю, и вы в этом сами убедитесь, — тогда объясню... Ну, говорите, согласны?

— Согласен! Согласен, черт вас побери! — вскричал Николка. — К праотцам, так к праотцам! А вы... меня будете сопровождать?

— Если хотите, буду...

— Хочу. Дуйте... Ну, раз, два!

— Подождите, подождите. Не так скоро... — Скальпель вынул из кармана хрустальный шарик, усадил сбитого с толку фабзавука на газетно-ящичный диван и предложил: — Смотрите пристально на этот шарик. Ни о чем не думайте и ничего не говорите.

— Ага, гипноз?

— Там видно будет,— неопределенно отвечал врач.— Внимание!

Шарик заблистал в его руке перед самым носом Николки. Потом... потом ворчливо-добродушный голос врача стал глохнуть, удаляться куда-то, но послушный Николка не отрывал глаз от мерцающего шарика и вскоре заметил странное явление: шарик превратился в звездочку; звездочка, подмигивая лукаво, поплыла вверх, дальше... дальше, к потолку, за потолок... в синее небо...

...Звездочка растаяла, исчезла, и возле него прозвучал совсем близкий голос врача:

— Вот мы с вами в кайнозойской эре развития земли,— в конце ее, приблизительно в плиоценовой эпохе, отстоящей от нашего времени с лишком на один миллион лет...

Николка стряхнул с себя оцепенение, вызванное мерцающим шариком, но, желая подурочить гипнотизера, плотно закрыл глаза.

— Да вы проснитесь, — убеждал врач. — Небось, выпались?

«Черта с два я сплю!..» — подумал Николка, сдерживая смех, и в ту же секунду оторопел, почуяв на лбу влажное, жаркое дыхание, а в носу — запах воды и растительности. Он открыл глаза.

— Мать честная... — были первые его слова, в которых заключалось изумление, не передаваемое никакими словами. — Вы мне должны объяснить эту чертовщину!.. — не медленно и с большим жаром обратился он к своему спутнику, почему-то имевшему за поясом сванидзевский кинжал, а за плечами Николкину винтовку. — Сейчас же объясните, в чем дело!..

— Со временем, со временем, мой друг... — невозмутимо отвечал Скальпель, храня на лице причудливую сеть из загадочных мин.

— Но ведь я не сплю? Скажите, я не сплю?.. — волновался Николка, нещадно теребя себя за нос.

— Оставьте в покое свой нос... — менторски важно произнес врач. — Вы, т.е. я и вы, значит, мы находимся в плиоцене кайнозойской эры.

— Бабушке своей расскажите!.. — вспыхнул Николка.

— Сделал бы это с большим удовольствием, но моя бабушка в плиоцене не жила... — будто сожалея, отвечал ученый медик.

Тогда Николке ничего более не оставалось, как примириться с новыми обстоятельствами и внимательно осмотреться.

Поистине, произошла какая-то чертовщина!

Они стояли на берегу тихо ропщущего озера под лазурным куполом неба. Берег был густо покрыт осокой, а выше — лесом древовидного папоротника. Никаких признаков жилья; ни деревень, ни городов, ни, тем более, Николкиной комнатухи, заваленной Тахтаревыми, Добрыниными, Боммели и прочими «первобытниками», — ничего

этого и в помине не было. Куда все это девалось, одному Скальпелю было известно!.. В зарослях папоротников кишело многообразное царство гадов, большей частью знакомых Николке из его собственной жизни; змеи, лягушки, жабы, ящерицы имели здесь своих представителей, лишь размерами тела уклоняющихся от современных типов: так, лягушки были ростом с хорошо откормленных кур; змеи походили на гладкие бревнышки, ящерицы же — на детенышей крокодила. В прибрежной осоке бродили хохлатые цапли, ловко орудуя длинным клювом, как портной ножницами; юркие водяные курочки гонялись за летающими и скачущими насекомыми, испуская жизнерадостные крики, вполне отвечающие всей обстановке; в воздухе носился голубой зимородок в компании себе подобных, резко взывая к кому-то: «тип-тип!». Невидимая выпь издавала свое глухое «ипрумб-ипрумб», похожее на мычание обиженного быка, и над всем этим звонкоголосым миром высоко в небе парил исполин-кондор, покрывая своей бегающей тенью сразу пол-озера.

Мимо друзей грузно прошлепала к воде нарядная ящерица, величиной немногим менее крокодила; она смутила Николкину любознательность и даже, пожалуй, отвагу.

— Кто это? — тихо спросил он, давая ей дорогу.

— Пустяки. Исполинская саламандра. Безобидное животное... — отвечал Скальпель со сверкающими удовольствием глазами, а когда «безобидное животное», напившись из озера, сослепу или намеренно наскочило на него, он испуганно забормотал, тыча перед собой винтовкой: — Ну ты, ну ты... подальше... Хотя ты и питаешься маленькими рыбками и червяками, но все же...

После столь выразительной, хотя и недоконченной фразы саламандра — животное, в общем, в высшей степени отвратительное со своей черной кожей, жирно усаженной бородавками и висячими складками — шмыгнула в кусты.

Других достопримечательностей на этом берегу Николка не обнаружил, и его внимание всецело перенеслось на противоположный берег, находившийся не далее, как в четверти версты от них; там в камышах шумно плескалось

огромное неуклюжее животное с жирным туловищем и широкой тупой мордой. Скальпель, по описанию Николки, — сам он на таком расстоянии ничего не видел, — признал в нем гиппопотама.

Гигантский лев, свалившись неизвестно откуда рядом с гиппопотамом, заставил последнего с ревом нырнуть в озеро, а врача вздрогнуть и взять винтовку к плечу.

— Спрячемся, мой друг, — осторожно сказал он, — этот первобытный лев отличается необыкновенной свирепостью, на глаза ему не следует попадаться.

— Ничего первобытного я здесь не вижу... — разочарованно прогудел Николка. — Звери, как звери. Такие водятся и в наше время. Просто мы где-нибудь под тропиками или в большом зверинце...

— ...Ну, нет, — отвечал врач, заставляя своего друга опуститься рядом с собой под перистую крону папоротников. — Такого льва вы нигде не увидите, кроме как в плиоцене; не увидите и исполинской саламандры... Впрочем, что касается последней, то подобную ей вы и теперь встретите в Японии, но японская на целый фут короче первобытной; эта в длину имеет больше четырех футов, тогда как японская достигает только трех. Мы, несомненно, находимся в достаточно первобытных временах...

Николка, однако, очень мало доверял словам врача и от поры до времени, когда тот не глядел в его сторону, безжалостно терзал себя за распухший нос.

— Фокус или сплю, — повторял он про себя и злился на ученого медика, злоупотреблявшего его терпением.

Спустя некоторое время Скальпель выглянул из-под прикрытия.

— Ну-с, лев скрылся, — сказал он, — можно продолжать путь; пойдемте искать своих предков...

С неохотой и большим недоверием поднялся Николка вслед за ним; ему вообще не хотелось двигаться до тех пор, пока странное их переселение не будет объяснено. Но врач, улыбаясь, молчал, — его улыбки подмывали на дерзости, — молчал и Николка, теряясь в догадках.

«Ладно, мы еще с тобой поквитаемся», — думал он, безмолвно следуя за медиком от озера к густой стене лиственных деревьев, высившихся в полуверсте от берега.

Папоротники тянулись вплоть до леса. Возле самой опушки они уступили место ленте молодого дуба и березок, столь щедро увитых лианами с двухвершковыми шипами на стеблях, что подступ к лесу делался совершенно невозможным ни для человека, ни для животных. Над этим живым проволочным ограждением возвышались мощные стволы вяза, дуба и березы, хранившие под сенью своей ту влекущую к себе прохладу, которой так не хватало вне их, на пространстве от озера к опушке.

Друзья уперлись в скорпиозную стену, остановились и многозначительно взглянули друг на друга. Собственно, многозначительный взгляд был у одного Скальпеля, в ответ ему следовал взгляд настороженный и подозрительный.

— Вам очень хочется в лес? — спросил Николка, и в голосе его была насмешка, так как Скальпель исходил потом в своем пиджаке и плотных брюках; на Николке же красовались одни трусики и сандалии.

— О да, мой милый, — вздохнул врач, — здесь такая духота, что я жалею, почему мы не искупались в озере?..

— Мы еще искупаемся, — отвечал Николка, которому вдруг стало жалко врача, и он, забыв о недавнем своем гневе, с усердием принялся отыскивать лазейку в неприступной чаще.

Лазейки нигде не было; вдоль всей опушки тянулась естественная изгородь; ни в ту, ни в другую сторону, казалось, не было ей конца; солнце же, как нарочно, поднималось все выше и выше, воздух накалялся, паря в то же время и отнимая у Скальпеля последнюю возможность облегчать свои страдания через потоотделение. Николка прибег к помощи сванидзевского кинжала, но этим добился только того, что в одышке и усталости вскоре сравнялся с врачом.

— Идемте к озеру, — решительно молвил отдохнувший Скальпель, — будем ждать у воды появления своих пред-

ков.

Но когда приятели отвратили распаренные и обожженные лица от ненавистных колючек и уже занесли ногу по направлению к многообещающему озеру, до их слуха донесся протяжный и жалобный стон со стороны леса.

— Это за колючей стеной, — быстро определил Николка.

— Стонал человек, — высказался врач, — мне-то уж известно, как стонет человек.

Стон повторился еще протяжнее и еще жалобнее.

— Это — собака, — безапелляционно утвердил Николка.

— Сами вы... — хотел выругаться врач и оборвал, потому что стон перешел в хватающий за сердце вой.

— Ну? — подмигнул Николка, еще более убежденный в своей догадке.

Скальпель покрутил головой и не сдался:

— Человек. Первобытный человек. Надо ему помочь.

Легко было сказать «помочь», однако как это сделать? Николка уселся на землю, любопытствуя, что предпримет ученый медик.

— Дайте сюда кинжал, — мрачно попросил тот.

Николка передал кинжал.

— Смотрите, — предупредил он, — не делайте напрасных движений, вы и без того красны, как... «пареная репа».

Сравнение не было удачным, зато попало в цель: Скальпель запыхтел от обиды и даже не нашел в ответ острого словца. Молча отойдя на несколько шагов и смерив взглядом высоту колючей изгороди, он произнес как бы про себя: «метра четыре» — и косо взглянул на фабзавука.

— Давайте обратно кинжал!.. — сразу вскочил тот, поняв его план и устыдясь неповоротливости своей мысли.

Существо за живой преградой, услышав, должно быть, движение, усилило призывные вопли, подхлестывая тем энергию приятелей. Впрочем, это касалось одного Николки: врач, дав мысль, безропотно подчинился инициативе молодого фабзавука; он опустил на землю и оттуда с удо-

вольствием следил за его ловкими движениями.

— Все-таки это — собака, — стоял на своем Николка, принимаясь за дело.

— Если это собака, — возражал упрямо врач, — то она такая же, как и мы с вами, разве только моложе нас на миллион с лишком лет. Я хорошо знаю, как стонет человек.

Пока Николка для выполнения плана врача рубил молодые деревца, которые избежали пленения со стороны цепких лиан только потому, что были посеяны ветром несколько поодаль от леса, Скальпель философствовал вслух:

— Вот поди ж ты! Что значит «человек — общественное животное»? Смотрите, как активировало мою мысль страдание ближнего. Ведь я бы никогда не додумался до такого трюка, а тут — в три счета...

«Посмотрим, каков есть твой ближний», — смеялся в душе Николка, одну за другой валя на землю четыре пятиметровых березки.

Философствование Скальпеля прервалось насильственно. Он вдруг вскочил вне всякой связи с ходом своих мыслей и с прытью пионера кинулся к Николке:

— Скорей, скорей! Я слышал рев льва!.. Он бежит к нам!.. Скорей лезем!..

Не верить врачу не было оснований: слишком красноречиво дергались мышцы его лица, и Николка опрометью бросился к тернистой изгороди, нагрузившись сразу тремя деревцами, — последнее приволок на себе Скальпель. Они поставили торчмя срубленные березки, прислонив их к изгороди. Первым вскарабкался по ним Николка; втянув три березки вверх, а вместе с последней обмершего Скальпеля, он взглянул вдаль, на озеро, и сразу заметил в нем темное пятно — кудлатую голову огромного льва, перебившегося вплавь на этот берег.

Нужно ли говорить, что в столь поспешном бегстве друзья не считались ни с целостью своей одежды, ни с раемостью кожи: Скальпель оставил на колючках клочки своих брюк и пиджака, фабзавук изодрал в кровь голые руки и ноги.

Наверху, на кронах деревьев, удушенных в грозных объятиях лиан, стоять было легко, благодаря березкам, положенным в ряд. Естественная стена имела толщину не менее пяти метров и отличалась большой устойчивостью. Тут Скальпель отдышался и пришел в себя.

Лев, может быть, совсем и не думал о преследовании двух жалких двуногих, жизнь которых могла прерваться от двух легких ударов его могучей лапы, но фабзавук, движимый мстостью за свою изодранную кожу, поднял ружье, когда хищник вылез на берег. Раздался выстрел — Скальпель с большим опозданием надумал удержать фабзавука от мести, — рука стрелка дрогнула — пуля только рассекла мускулистое бедро льва...

Такого ужасающего рева друзья во всей жизни не слышали. Все живое на берегу — копошащееся, прыгающее, ползающее и бегающее — в один миг замерло, трепеща перед косматым богом. Гигантскими прыжками, сопровождавшимися гулом и треском, лев стал приближаться к месту грома, поранившего его.

— Теперь держитесь, — предупредил побледневший врач, — этот лев в один прыжок достанет нас.

— Не надо было толкаться... — огрызнулся Николка.

Он еще раз прицелился, стараясь удержать легкое дрожание руки. Лев был в десяти шагах и собирался сделать последний прыжок, сжав в стальную пружину покрытое бурами мышц тело; в это время новая пуля пронзила его насквозь от плеча к крупу. Прыжка стальной хищник не сделал, заменив его диковинным сальто-мортале в воздухе, но он упал на ноги и приготовился к новому прыжку, — на его белой бороде выступила кровавая пена.

— Стреляйте в глаз! В глаз стреляйте! — умолял Скальпель.

— А вы его придержите, чтобы он не вертелся... — бросил Николка и выстрелил в упор. Тяжелая туша упала подле его ног, на живую изгородь. Стрелок отпрыгнул, сшиб Скальпеля, сам провалился по пояс, получив новые царапины на память от шипоносных лиан, и все это проделал на-

прасно, так как грозный хищник больше не подавал признаков жизни: у него был разmozжен череп.

— Вы — молодец! — похвалил врач, успевший подняться без одной штанины и вернуть себе свой старый вид — вид «пареной репы». — А я, признаться, на вашем месте никогда бы не попал в такую подвижную и ужасную цель...

Николка презрительно передернул плечами.

— Попадали и в худшую цель, а это — что? Простой лев...

— Ну, не скажите — «простой». Не простой, а пещерный. В наше время таких громадин не водится, все вымерли.

— А почему они вымерли? — спросил Николка с сожалением в голосе.

— Вследствие изменения климата, — отвечал Скальпель, причем в его голосе не чувствовалось ни малейшего сожаления. — Мы с вами находимся сейчас в плиоцене кайнозойской эры. В конце же плиоцена (это вам, наверное, уже известно) начался ледниковый период — период, во время которого покрылась льдами большая часть земли. О причинах этого обледенения в настоящую минуту не место говорить...

— Конечно, не место... — подхватил с готовностью Николка, который не любил слушать то, что он уже знал. — Вы лучше поспешите к своему «ближнему», он ждет вашей помощи...

Его острые глаза давно различили в тени вековых дубов, по ту сторону изгороди, большую собаку, по форме головы похожую на немецкого дога. Она беспомощно лежала на земле, ущемленная в крупе стволом упавшего дерева.

— Да, да, мой пациент... — спохватился врач. — Где он?

Николка предупредительно спустил вниз две березки и помог спуститься Скальпелю.

Разочарование врача не вышло из граней приличия, зато смущение превзошло всякие грани.

— Это же собака!.. — в полном недоумении воскликнул он, завидев своего «пациента».

— Я так и говорил, товарищ доктор, — лукавя глазами, подтвердил фабзавук. — Собака, очень большая собака и очень хорошая собака, кроме того, придавленная к земле гнилой березой... Очень несчастная собака, и в голосе у нее — страдание первобытного человека.

Скальпель, несмотря на чарующую прохладу, которой, наконец, добился, от смущения снова распарился и так вспотел, что влага почти что брызнула из кожи его лица.

— Стыдитесь, — сурово заметил Николка, — вы, как чюдотворная икона, источаете слезы.

Собака, при виде двуногих, приближавшихся к ней весьма непринужденно, сделала попытку свирепо зарычать и тут же жалобно завывала, повредив резким движением ущемленный круп.

— Ну-ну, цуцок, цуцок, — успокоил ее врач, — лежи смирно, мы к тебе с добрыми намерениями.

Он хотел погладить ее по голове и едва успел отдернуть назад руку: страшные клыки щелкнули в двух сантиметрах от его пальцев.

— Надо ей предварительно связать пасть, а то мы ее освободим, а она нас после искушает. — Сказавши это голосом, исполненным отваги, Скальпель отошел в сторону больше, чем на два сантиметра.

Николка смело приблизился к несчастному животному, держа в руке ремешок от скальпельских брюк. Собака опять зарычала и опять, причинив себе боль, завывала. От подошедшего к ней двуногого исходил запах крови; это был смешанный запах — самого двуногого и закланного недруга собак — льва. Рев разъяренного хищника она слышала, слышала и гром, издаваемый двуногим; что между ними произошла стычка и что из стычки двуногий вышел победителем — свидетельством тому служили острые выделения умершего льва, дошедшие до ее обоняния. В Николке собака признала победителя страшного зверя, и когда он, миролюбиво ворча, опустился на землю рядом с ней, она приветствовала его легким визгом и пожаловалась на тяжелое бревно, лишившее ее свободы. Николка смело опустил руку на голову собаки.

— Клянусь своими брюками, собака знает человека! — крикнул издалека Скальпель, делая шаг вперед.

Но собака, «знающая человека», опять недружелюбно зарычала, и он остановился в отдалении: от второго двуногого не пахло кровью льва.

Николка уверенно и быстро накиннул на морду животного петлю из ремешка и снова заговорил миролюбиво-успокаивающе. Умными глазами собака глянула в зрачки человека и не увидала в них ничего угрожающего. Она доверчиво ткнулась в руку, связавшую ей пасть.

— Смотрите, какая умная собака! — восторгался Скальпель. — Утверждаю, что она знает человека.

— Не сядьте в лужу, — предостерег фабзавук.

Скальпель оглянулся, никакой лужи не увидел и понял, что предостережение молодого друга скрывало в себе аллегория.

Когда задние ноги собаки были освобождены из-под груза, делавшего ее неподвижной, она попыталась вскочить, но весь ее зад вихлялся, как неживой.

— Придержите ее, — попросил Скальпель, — я посмотрю, целы ли кости.

Через пять минут тщательного исследования он возгласил:

— Позвоночник цел, кости ног — невредимы. Собака не может ступать на задние конечности вследствие двух причин: первая — от истощения, так как она пролежала без пищи довольно долго; вторая — от паралича этих самых конечностей, происшедшего на почве долгой бездеятельности и продолжительного давления; паралич скоро исчезнет, и собака будет бегать по-прежнему.

— Если бы у меня была шапка, — сострил Николка по поводу торжественности врача, — я бы снял ее, но так как шапки у меня нет, я просто приветствую вас: — Гип! Гип! Ура!!

При этом он сделал рукой пионерский жест приветствия, а Скальпель с одной штаниной на ноге в ответ раскланялся грациозно, как на сцене.

Чтобы доставить докторскому «пациенту» усиленное питание, Николка полез обратно на колючую изгородь. Нелегко было тупым сванидзевским кинжалом выкромсать из туши льва кусок мяса. Николка провозился над этой операцией больше десяти минут. Когда он, поджаренный со всех сторон на солнце, поднял кверху, под свежее дуновение откуда-то вырвавшегося ветерка, обожженное лицо, его слух поймал необычайный шум в стороне, где остался Скальпель. Он не успел подняться с корточек, — и в этом было его счастье, — как почти над ним гудящей стрелой, запрокинув рогатую голову назад, а ногами совсем не касаясь шипоносных лиан, по воздуху пронесся олень. Олень перелетел через четырехметровую изгородь, упал на ноги и стремглав, объятый паникой, помчался к озеру. Справедливо ожидая появления преследователя, фабзавук склонился грудью к трупку льва, и в тот же миг через него мелькнула белой шерстью на животе громадная кошка с удлиненной мордой. Кошка сверкнула на фабзавука зелеными глазами, горевшими яростью, и, спрыгнув вниз, заныряла красно-желтой спиной в чащу папоротника. Николка поднялся, наконец, захватив под мышку вырезанный кусок.

— Эгей, доктор! — окликнул он Скальпеля, который лежал пластом в трех шагах от исходившей в бешеном лае собаки.

Скальпель поднял голову:

— Где пантера? Это была пантера...

— Если это была пантера, — отозвался Николка, — то она может вернуться, если не догонит оленя.

— Это верно, — забеспокоился Скальпель, — отсюда надо удирать.

Собака, на передних лапах, продолжала бесноваться, но лаяла она не в сторону исчезнувшей пантеры, а в глубь леса. Вдруг она зарычала, как перед боем, и шерсть на ее загривке вздыбилась перпендикуляром. Николка поспешно спустился, когда из-за двухобхватных стволов появилась вторая красная шкура той же кошачьей породы. В один прыжок она была около Скальпеля, второй прыжок был бы фа-

тальным, но он не состоялся. Скальпель, забыв, что винтовка употребляется, главным образом, как огнестрельное оружие, шваркнул ее в прижавшуюся к земле пантеру, а сам пустился наутек. Однако он не убежал далеко, так как брюки его, потерпевшие аварию на колючках, самым неожиданным образом упали вниз и спутали ему ноги... Если бы

вся эта сцена не грозила завершиться драматически, Николка повалился бы от смеха. Теперь он этого не сделал. Застыв бронзовым изваянием, он схватил кинжал за острый конец и ждал чего-то. Пантера, получившая в морду винтовку, несколько замешкалась на месте, и к ней бесшумно подоспела собака, с трудом вставшая на все четыре лапы. Длинные белые клыки вцепились пантере в зад, когда она отделилась от земли. Прыжок опять не состоялся, не состоялся он и в третий раз, когда, отбросив в сторону собаку, еле державшуюся на ногах, пантера была в двух шагах

от Скальпеля. Не состоялся прыжок потому, что Николка поймал, наконец, долгожданный момент и метнул в разъяренного хищника вращающийся кинжал. Этому приему он научился у своего сожителя и товарища по училищу — грузина Вано Сванидзе. Кинжал, пущенный сплеча с громадной силой, на лету приобрел еще дополнительную центробежную силу — вследствие вращения острого конца клинка вокруг тяжелой рукоятки. Длинный клинок, войдя в правое плечо пантеры, вышел через левое, и если он не убил ее, зато сразу лишил движения, сковав передние конечности в плечевых суставах. Собака, щелкнув челюстями, за один раз разорвала пантере горло... Напрасно Николка с таким усердием возился над трупом льва! Неблагодарная собака даже не взглянула на преподнесенный ей кусок, — напившись до отвала горячей крови гигантской кошки.

— Если бы не эти проклятые брюки, — оправдывался Скальпель, — я бы — ого! — догнали бы вы меня черта с два!..

Жуткий лес. — Собака-Керзон. — «Тур, или ур, говорю». — Динотерий и махайродус. — Ну, зверь! — Николка ранен. — Пещера хищника. — Палеонтологическое открытие Скальпеля.

Высокоствольный лес, под который друзья вступили, подавлял своим диким и величественным видом. Лишь где-то наверху, в густой кроне ветвей, на высоте не меньше пятидесяти-шестидесяти метров, гомонил далекий мир пернатых; внизу же, где черная земля с чахлыми дерновинками травы была исковеркана чудовищными лапами-корнями, меж громадин стволов висело жуткое безмолвие. Здесь царили вечные сумерки, и сырой неподвижный воздух был насыщен едкими выделениями насекомых и невидимых зверей. Что звери эти существовали не в одном только напряженном воображении людей XX века, а и в действительности, свидетельствовало поведение собаки, не отстававшей от друзей ни на одну пядь и поднимавшей то и дело загромок с глухим грозным рычанием. Под вывороченными бурей великанами-стволами, в ямах-норах, под скрученными лапами корней, в глубоких дуплах тысячелетних деревьев крылись лесные тайны, и на них чуткая собака не переставала реагировать, умными глазами поглядывая на своих двуногих спутников.

Земля, по которой они осторожно и боязливо ступали, была пересечена путаными тропинками и тропами, разветвлявшимися все больше и больше, чем темней и дремучей становился лес. Было очевидно, что все эти лесные дороги сходились к какому-то одному месту на оставшейся позади опушке и что в непроходимой стене из скорпиозных лиан и молодых деревцев должна была все-таки существовать лазейка или даже целый пролом, дающий выход из леса к озеру.

Друзья шли молчаливо и в молчаливом согласии необыкновенно дружно избегали всех мало-мальски подозри-

тельных темных мест. Скальпель, если судить по его сосредоточенному лицу и по набегавшей периодически гармошке из морщин на высоком — вплоть до макушки — челе, — Скальпель, должно быть, разрешал какую-то сложную проблему. Николка ничего не разрешал, зато внимательно следил за собакой, которая, вследствие своей слабости, еще не могла бегать, но все-таки постоянно опережала двуногих. Она — друзья окрестили ее Керзоном, в честь славного английского государственного мужа, способствовавшего своим выступлением увеличению мощи Союза, — она представляла собой мускулистое животное, ростом достигавшее величины средне-упитанного телка; ее длинную четырехугольную пасть с выпуклыми челюстными мышцами украшали острые, почти полуторавершковые клыки, оттопыривавшие ей губы. Лучшего защитника, когда он окрепнет, трудно было вообразить себе в этом жутком первобытном лесу, и Николка всячески воздействовал на него в смысле удержания подле себя, замечая, что с каждым новым часом собака все больше и больше уходила вперед. Эта тенденция развивалась в ней параллельно с восстановлением ее сил.

Николкино воздействие заключалось в мягком уговаривании Керзона не покидать бедных двуногих, попавших из-за сумасбродства одного из них в таинственные дебри первобытного леса. Он заметил, что звуки человеческого голоса воспринимались собакой как-то необычно вдумчиво и внимательно, и не только воспринимались, но и получали ответную реакцию в виде подвывания, взвизгивания и лая.

— Собака знает человека, — оторвавшись от решения неизвестной проблемы, твердо сказал Скальпель, — только, надо думать, она привыкла беседовать с двуногими на своем языке, т.е. я хочу сказать, что люди, в среде которых она вращалась, умели беседовать с ней на ее собачьем языке. Вы же этого не умеете и не понимаете ее речи, а я уверен, она что-то хочет нам сказать. Не так ли, Керзон?

Замечание Скальпеля было вызвано тем, что Керзон, все время следовавший впереди друзей, вдруг остановился

и дальше не пожелал идти, а Николка, пытавшийся уговорить его, получил в ответ сложную отповедь, состоявшую из приглушенного рычания, легкого визга и лая.

— Ладно, ладно, — отвечал фабзавук, — понимаем: опасность?.. так, что ли?

Керзон завилал хвостом и после этого нерешительно тронулся в путь.

— Мы стрелять будем... — продолжал ободрять Николка понурого пса. — Понимаешь? Бах-бах, и готово. Ты только не бойся, иди...

Собака, будто понимая, уверенней пошла вперед, но, пройдя шагов двадцать, вдруг остановилась, безмолвно ошетинилась и застыла, только кончик ее мускулистого хвоста судорожно дрожал. Заинтригованный Николтса осторожно приблизился к ней и так же резко, как она ошетинилась, вскинул винтовку к плечу, ощущая в сердце холодок: шагах в тридцати от них, уставя морду в землю, стояло бородатое чудовище саженного роста, с изогнутыми рогами, от конца до конца имевшими больше сажени. Это, без сомнения, был бык, но какой бык! Его рост лишь немногим не достигал роста слона!

Отступать было поздно, потому что гигантский бык, казалось, только и ждал появления Николки. Он вихрем сорвался вперед, едва тот успел вскинуть винтовку. Николка наспех выстрелил и юркнул за дерево. На быка выстрел произвел лишь моральное действие, заставив его остановиться и в недоумении покрутить рогатой головой. Попала ли пуля в цель или не попала, стрелок не знал; но в следующий момент животное обрушилось на остолбеневшего Скальпеля. Если бы не Керзон, осиротел бы фабзавук в первобытном лесу... Несколько шагов оставалось исполину до несчастного медика, и в это время в жирный круп его врезались полуторавершковые клыки. Бык растерялся: он был окружен неприятелем с трех сторон; на которого из них броситься? Инстинкт подсказал ему, что самый опасный тот, что за деревом, тот, от которого исходили гром и молния, но неприятель, напавший сзади, был еще более опасен, так как висел на нем, вцепившись глубоко в мясо. Бык

перевернулся на месте, рогом стараясь достать зубастого врага. Однако это не помогло. Так же не помогло и лягание, потому что длинная нога никак не могла достать копытном висевшую непосредственно на крупе и не разжимавшую челюстей собаку. Окаменевший Скальпель с жутким интересом следил за исходом борьбы, совершенно забыв, что он теперь без брюк и что представилась редкая возможность показать свое искусство в беге. Николка ловил момент, удобный для выстрела. Когда разъяренное животное с зловещим ревом снова обернулось, чтобы зубами уже достать собаку, он выстрелил ему в ухо. Эффект был полный: бык мгновенно обрушился на морду, потом перевернулся навзничь. Умная собака вовремя разжала зубы и отпрыгнула в сторону.

— Тур... — сказал Скальпель, когда Николка с лукавой улыбкой подходил к нему.

— Что?

— Тур, или ур, говорю, — бормотал ученый медик.

— Ничего не понимаю...

— Проще пареной репы... Бык, говорю, называется туром, или уром... Таких больших быков не существует больше в Европе. Последний из них был убит вблизи Варшавы в 1637 году... Некоторые теперешние быки происходят от этой дикой породы, но они значительно изменились по внешнему виду...

— Ага... — догадался Николка. — Палеозоология?

— Да-да. Тур, или ур, запомните. Юлий Цезарь описал его в свое время, около 2000 лет тому назад. «Тур немного меньше слона, — говорит он, — вообще походит на быка, отличается большой силой и проворством. Его никогда нельзя приручить. Он не щадит ни животного, ни человека, которые попадают ему на глаза. Убить тура — высшая честь для германца... Рога его, украшенные серебром, служат чашами на их пиршествах»...

— Большими пьяницами были германцы, если пили из таких чудовищных чаш, — глубокомысленно заметил Николка, отходя к собаке, которая за время короткой лекции врача успела добраться до внутренностей тура.

По скальпельским часам шел 6-ой час вечера, и друзья единогласно решили, что им также пора закусить.

Пока Скальпель возился над филейной частью тура, Николка собрал сухого валежника и хвороста и развел костер, воспользовавшись для этой цели своей патентованной зажигалкой. Керзон, наевшись до отвала, лежал около, положив морду на передние лапы и внимательно наблюдая за действиями двуногих, но как только в воздухе зазмеился легкий дымок, он тревожно поднялся, готовый каждую минуту к бегству. Вспыхнувший огонек заставил его завять и отпрянуть в сторону. Николка подозвал собаку и приказал ей лечь на старое место. Та послушалась не сразу; шерсть на ее спине продолжала нервно дрожать.

— Не знакома еще с огнем,— сказал Скальпель, любивший всех опережать,— то есть она знает его, но лишь как грозное стихийное явление, а не как ласковый огонек домашнего очага... Делайте отсюда нужный вывод.

Друзья поджарили добрый кусок мяса, держа его на конце сванидзевского кинжала прямо над огнем. Запасливый врач нашел в ободранном своем пиджаке пакетик с солью. Мясо первобытного тура очень пришлось им по вкусу, и завтрак вышел на славу.

Воспользовавшись отвлечением внимания, Керзон отполз-таки от костра и лег в стороне, не спуская тревожных глаз с игриво-коварного пламени. Его не столько пугало непонятное явление огня, сколько дым раздражал обонятельные нервы и портил обоняние.

К концу завтрака внимание повеселевших путешественников было привлечено грозным рычанием Керзона. Он встал на ноги и жадно втягивал в себя воздух с той стороны, куда лежал их путь. Николка схватился за винтовку. Скальпель нырнул в дупло гнилого пня.

Керзон вел себя весьма странно: юлил беспокойно вокруг фабзавука, судорожно-сдавленно лаял и искал укромного местечка, где бы можно было последовать примеру старшего двуногого. В конце концов, он все-таки остался около человека с громоносным оружием.

Спустя несколько минут послышался оглушительный рев, похожий на звук гигантской трубы, грузный треск ва-
лежника и гул сухой, потрескавшейся почвы.

— Спрячьтесь, мой друг, — высунул нос из своего при-
крытия ученый медик, — это, должно быть, взбесившийся
мастодонт.

— Тогда он раздавит вас вместе с пнем, — резонно воз-
разил Николка.

— И то, — сообразил храбрый Скальпель, — уж я лучше
спрячусь за дерево...

Но он не успел привести в исполнение своих слов, ус-
пел только покинуть пень и присоединиться к фабза- вуку.

Словно буря разразилась в тысячелетнем бору... Со-
трясая до верхушек окрестные деревья-исполины, а мало-
мальски подгнившие и молодые уничтожая и кроша, пря-
миком на друзей вынеслось взбесившееся животное около
полутора сажен ростом и в длину больше двух сажен. Ви-
дом своим оно походило на слона, но короткий хобот и бив-
ни, круто загнутые к земле на его нижней челюсти, гово-
рили, что это не слон.

— Динотерий! — сообразил Николка и, без всяких цере-
моний сграбастав в охапку начинавшего окаменевать вра-
ча, скрылся с ним за ближайший надежный ствол. Собака
последовала за ними.

На спине динотерия, впустив зубы в его мясо, сидела
громадная кошка с красной шкурой, украшенной черными
пятнами; со спины гиганта ручьями сбегала кровь.

Едва только зверь поравнялся с деревом, за которым
укрывались друзья, кошка сделала грандиозный прыжок и
спружинила на всем лету к туше убитого быка. Освобож-
денный динотерий унесся, подобный лавине, а красный хищ-
ник остался на туше, подозрительно оглядываясь по сторо-
нам.

— Это махайродус, — шепнул Скальпель, — злющее жи-
вотное.

Николка навел винтовку на любителя легкой поживы
и не заметил, как мимо его ног неслышно скользнула ра-
зъяренная собака.

Махайродус, завидев противника, прижался к трупу быка и обнажил клыки. Это было страшное оружие: клыки далеко выступали за челюсти — два сверху и два снизу — каждый из них имел около трех вершков! Собака была выше хищника и сильнее его по телосложению, но клыки ее пасовали.

Прежде чем Николка успел выстрелить, враги сцепились. На стороне собаки, кроме ее силы, стоял ум, — прекрасно вооруженная кошка отличалась безрассудством. Она сверкнула в воздухе красной лоснящейся шкурой, целя клыками в загривок собаки. Загривок мгновенно убрался, и саблевидные клыки звякнули впустую...

— Стреляйте, — не терпелось Скальпелю, потому что место действия пододвинулось к ним почти вплотную: долго ли отвратительной кошке между делом перехватить пополам человеческую ногу!

Николка боялся зацепить собаку, которая сама перешла в наступление. Она прыгнула не хуже махайродуса, но ее слабые, вследствие долгой неподвижности, ноги не держали собственной тяжести, и она тяжело упала, ткнувшись мордой в землю. Во мгновение ока хищник был на ней. Почему-то ему не удалось сразу вонзить своих сабель в чужой позвоночник, и оба зверя покатались остервенело ревушим клубком к подножию убежища друзей. В течение трех следующих минут ничего нельзя было разобрать: клубок катался, пятная землю кровавыми цветами, летели клоки красной и белой шерсти, хрипкое рычание переплеталось с прерывистым ревом. Потом собака снова очутилась под хищником; из всех органов тела единственно подвижным у нее была голова с обнаженными клыками, но зато какая это была подвижность! Везде, куда только хищник ни направлял своих сабель, он встречал неизменно мощную пасть собаки... Обе головы были окровавлены до глаз...

Когда Николка заметил, что челюсти Керзона щелкают уже с меньшей энергией, он решил выступить. Как раз кровавый клубок в это время подкатился к самому дереву, и махайродус находился спиной к нему. Николка выставил

левую руку, поймал хвост хищника и изо всех своих непочатых сил дернул за него, — правой рукой — прикладом винтовки — он оттянул по зубам перевернувшуюся к нему в тот же миг зловещую пасть. Было слышно, как треснули клыки от этого удара, и к корням дерева полетело два трехвершковых кинжала... Собака, воспользовавшись последним моментом, вскочила на ноги и мертвой хваткой вгрызлась в шею хищника, в место соединения затылка с позвонками. Жалевший заряда, Николка прикладом добил извивавшуюся в агонии кошку. Все-таки она успела агоническим движением всадить в его грудь стальные когти.

— Ну зверь! Ну зверь!.. — пыхтел Скальпель, осторожно обходя не подававшую признаков жизни, но все еще скалившую зубы кошку. — Дорого бы я дал, чтобы нам не пришлось впредь встречаться с таким зверем...

Потом... став в позу, ученый медик прочитал следующую главу из палеозоологии:

— Мой молодой друг! Махайродус — страшное животное, из семейства кошек, появившееся на земле в начале третичного периода. Своей величиной и убийственным вооружением оно превосходило даже льва и бенгальского королевского тигра. Высшего расцвета род махайродуса достигал в последующую за плиоценом дилювиальную эпоху — эпоху обледенения, затем он как-то сразу вымер. Причина его вымирания загадочна и непонятна, ведь более слабые львы, тигры и пантеры остались жить вплоть до нашего времени. Единственно, что можно предположить для объяснения этого странного вымирания, это то, что махайродус был истреблен первобытным человеком, который, вероятно, объявил ему войну за его безрассудно-хищнические наклонности и за клыки, могущие служить и человеку прекрасным оружием...

Дождавшись паузы, Николка сказал строго:

— Точка! — и безмолвно указал Скальпелю на свою кровоточащую грудь и на израненную собаку.

Тут Скальпель показал, что он не только говорить может, но и действовать. Из одного кармана своего универ-

сального пиджака он извлек врачебно-хирургический набор, из другого — ящичек с медикаментами.

Сделав перевязку обоим пациентам и заметив Николке: «теперь вы можете схватить горячку», ученый медик зорко осмотрелся и, не видя больше объекта для своей плодотворной деятельности, откашлялся и непринужденно встал в позу.

— Динотерий,— начал он,— появился на земле...

— ...в начале третичного периода, — продолжал за него Николка, принимая ту же непринужденную позу.

Скальпель оскорбленно заморгал глазами и едко произнес:

— Ну-ка, ну-ка! —Только, мол, соврите, я вам совру...

Но фабзавук если что читал, то читал основательно и прочитанное помнил крепко. Он поднял брошенную перчатку и, не меняя позы, продолжал уверенно:

— Самым громадным *наземным млекопитающим*, когда-либо жившим на земле, можно считать динотерия. Хотя наш экземпляр, заставивший всеми уважаемого доктора, имярек, укрыться в гнилом пне, достигал только величины мастодонта, но при раскопках в земле попадались и более значительные экземпляры. В средние века кости динотерия очень часто принимались за кости какого-нибудь «святого угодника» и как таковые показывались народу за известную мзду...

— Не читал... — пробормотал Скальпель.— Я знаю подобное относительно костей мастодонта, но динотерия... Не читал...

Николка же, соврав ради «агитационного» эффекта, как ни в чем не бывало катился дальше:

— Ошибочно думать, что динотерий является прародителем слона. Это совершенно самостоятельная ветвь в мире первобытных млекопитающих. Он столько же похож на слона, сколько и на древнего тапира, т. е. на животное, близкое к свинье. Недаром же знаменитый ученый Кювье назвал динотерия исполинским тапиром. Его долго принимали — и тоже ошибочно — за морское животное. Ошибка эта лежала в сходстве челюстей и зубов динотерия с тако-

выми же у морской коровы. Но когда был найден полный скелет динотерия, ученые раз и навсегда признали в нем травоядное наземное животное. Наивысшего своего расцвета динотерий достигал в начале плиоцена, а затем почти внезапно — и загадочно в высшей степени — вымер. Можно предположить, что причина его вымирания лежит в первобытном человеке, с особенной любовью истреблявшем это животное. Я кончил.

— Нда-а... — протянул обескураженный Скальпель. — Все хорошо, но вот относительно причин вымирания. Человек-то, конечно, — человек, но необходимо еще принимать во внимание, что и сам динотерий представлял собою в высшей степени неприспособленное животное, слабо защищенное, а жил он как раз в эпоху расцвета гигантских медведей, львов и кошек... Любая жалкая кошка могла с ним сладить...

С последними словами Скальпель небрежно ткнул ногой труп окостеневшего махайродуса.

Стемнело значительно, — так, что близорукий медик не один раз вместо Николки адресовал свой вопрос к близстоящему дереву. Вырезав из туши быка — про запас — некоторое количество мяса, друзья подозвали собаку и отправились искать защищенного места для ночевки. Вместе с темнотой родилась новая лесная жизнь — из всех потаенных мест вылезли ночные чудовища. Отвратительный хохот гиен, гнусавый вой шакалов, яростный лай диких собак, раздирающее уши мяуканье кошек, леденящее кровь рыканье львов и рев исполинских медведей создали вокруг такую «жизнерадостную» музыку, что у Скальпеля на ходу дрожали колени, а рука фабзавука крепче сжимала винтовку.

Пришлось бы им заночевать где-нибудь под деревом, если бы из-за туч внезапно не выскочила полнолицая луна. Благодаря ее свету Николка заметил, что в одном месте леса густоветвистая крыша будто продырявилась. Туда он и взял направление.

Почва становилась каменистой; редели деревья; полнолицая луна стала чаще заглядывать на бледные лица ночных странников. Разноголосое зверье осталось где-то поза-

ди, — может быть, у трупа быка. Ровная площадь леса вскоре сменилась гористой, деревья совсем поредели. Друзья вышли в полный лунный свет.

Невдалеке возвышался каменистый утес, отражавший на себе лунные блики. Чей-то припадающий к земле силуэт прыгнул в сторону, когда они подходили к утесу. Собака не уделила ему никакого внимания, и Николка смело направился к черной впадине в отвесной стене утеса.

Края ниши были гладко отполированы и блестели при луне. Николка вскарабкался к отверстию. Два человека рядом могли поместиться в нем. Запалив зажигалку, он вошел внутрь; пахло специфическим едким запахом медвежьего логова; бросились в глаза многочисленные белые кости на полу. В потолке пещеры — трещина, через нее изливался лунный свет. Внутренние размеры пещеры могли бы вместить более десятка человек.

— Великолепное жилище! — крикнул Николка окаменевшему на всякий случай Скальпелю. — Хозяина дома нет. А санитария здесь соблюдена: в потолке вентиляция.

Скальпель разокаменел и, ворча, влез в отверстие.

Несмотря на предубеждение, убежище понравилось и ему. Только когда Николка собирался идти за хворостом для костра, он, найдя пещеру недостаточно защищенной, попросил придвинуть к входу ее большой овальный камень, лежавший в пещере. Совместными усилиями камень был придвинут, и теперь Николка насилу протиснулся из пещеры наружу.

Скальпель не сидел без дела. За время отсутствия своего друга он сгреб к одному месту, ближе к выходу, все кости, но не выбросил их, решив предварительно познакомиться с ними при свете огня.

Через несколько минут задорный огонек плясал в убежище друзей, сразу придав ему домашний вид. Собака лежала подле младшего двуногого, распоряжавшегося коварным огнем, как с молодым игривым щенком. Николка на кинжале жарил мясо; когда огонь подбирался к его голым рукам, собака сердито рычала и отодвигалась от костра вместо чародея двуногого. Скальпель, как некие драгоценно-

сти, перебирал кости; осмотрев каждую самым тщательным образом, он выбрасывал ее из пещеры с глубоким вздохом. Кости оленя, лося, овцы, быка, лошади, тапира, свиньи и слона были уже им названы, и вдруг — крик возмущения:

— Смотрите: «он» задрал человека!..

Скальпель держал в руках человеческий череп, и руки его дрожали.

Впрочем, негодование ученого медика скоро сменилось «ученым энтузиазмом».

— Этот человек, — воскликнул он, — стоял по развитию выше питекантропа! Знаете ли вы, мой друг, что такое был питекантроп?..

— Знаю, — отвечал фабзавук, — это — существо, стоявшее на грани между обезьяной и человеком. Внутренний объем его черепа равнялся 900 куб. сантиметров, тогда как соответствующий объем человекообразной обезьяны равен всего 400, а человека — 1500.

— Правильно! — вскричал Скальпель, и его нос оросился крупными каплями пота. — Теперь я вам скажу, что этот череп вмещает в себя около 1000 куб. сантиметров... Мы не напрасно пустились с вами в рискованное путешествие! Мы увидим зарю человечества! Мы изучим ее не по книгам, а по подлинной жизни! Ура! Да здравствует ги..!

Тут ученый медик оборвал.

— Вы что это хотели сказать? — подозрительно спросил его Николка.

— Я... тово... этово... — залопотал смущенный почему-то Скальпель. — Я хотел сказать — как это у вас кричат? Да... «Гип-гип-ура»...

— Ага, — кивнул головой Николка, — продолжайте дальше.

Не удовлетворившись одним черепом, Скальпель выбрал из кучи костей все кости человеческого скелета и опять заволновался:

— Хотя здешний обитатель — я подразумеваю обитателя этой пещеры, — хотя он подлец и изверг, каких мало, так как задрал человека, все же я не могу не отдать ему

должной благодарности... Он доставил мне целый скелет первобытного человека... Смотрите, этот человек держался совсем прямо — не как обезьяна, полусогнувшись, а как настоящий «гомо сапиенс», что, в переводе с латинского, значит: «мыслящий человек». Правда, его физиономия не ушла далеко от звериной морды, и, по всей вероятности, он был покрыт с головы до пят шерстью, и все-таки это — настоящий человек: его челюсти не имеют звериных клыков — раз, его бедренные кости строги и прямы — два, его таз — таз прямоходящего существа — три... Ура-ура! Гип-гип!..

3

Николка бунтует. — Скальпель устраивает демонстрацию с одним ботинком на ноге. — Утренняя экскурсия Николки. — Явления в долине. — Охота на гиппарионов. — Николка вспоминает армию Буденного. — Аметистовый питон. — Скальпель читает лекцию мастодонту.

— Ну, знаете что? Я больше не намерен с вами странствовать,— сказал Николка.

Да, это сказал Николка — хмурый, невыспавшийся и злой, сказал своему старому другу — медику Скальпелю, который только что восстал ото сна, хотя по собственным его часам время перевалило за полдень.

— Позвольте! Позвольте!.. Что же это такое?! Вы, конечно, шутите! — вскричал Скальпель, натягивая на ногу ботинок.

Действие происходило в медвежьей пещере. Николка, выпалив свои убийственные слова, не медля ни секунды, оставил спертую атмосферу ночного убежища; врач в одном ботинке кинулся за ним.

— Позвольте! Позвольте! Надо ж объяснить! В чем дело? — вопил он.

— Дело вот в чем, — зачеканил фабзавук, не глядя на медика. — Вот в чем. Или вы объясните мне сейчас же, каким таким образом мы переселились в этот первобытный мир, или вы не объясните... и тогда я покину вас, чтобы странствовать сепаратно...

С последними словами Николка нечаянно фыркнул, но далее продолжал с прежней суровостью:

— Я — материалист, как вам известно, вы же своей чертовщиной путаете мне голову... Первобытного мира на земле не существует, это — истина, и даже, если бы он существовал — предположим на секунду такую чушь — то ведь мы с вами из комнаты никуда не выходили. Я отчетливо помню, как вы все время сидели на моем газетном диване с ногами (что весьма не гигиенично), и только в последний

момент сползли с него. В свою очередь я не покидал своего стула. Следовательно, если бы даже на нашей земле существовал уголок, где остались бы со времен плейстоцена ископаемые звери и растения, то мы бы ни в коем случае не могли туда попасть не выходя из комнаты. Просто?

Собственно говоря, последний вопрос Николка адресовал самому себе, но ответил на него Скальпель с растерянной улыбкой:

— Проще пареной репы...

— Тогда вы должны мне сейчас же объяснить, в чем здесь дело.

Скальпель, загадочно улыбаясь, молчал; его улыбка подмывала на дерзости.

— Прощайте! — Николка круто развернулся на пятке и зашагал по направлению к лесу. Собака последовала за ним.

— Позвольте! — крикнул Скальпель.

— Ну? — обернулся Николка.

— Вы забыли взять винтовку

— У меня кинжал.

— Позвольте! — крикнул еще раз Скальпель.

— Ну? — опять обернулся Николка.

— Вы в какую сторону пойдете?

— А вам какое дело?

— Я пойду вместе с вами...

— Мы пойдем вместе лишь в том случае, про который я имел честь докладывать...

— Но ведь вы не можете запретить мне идти вместе с вами!

И Скальпель, как был в одном ботинке, важно зашагал вслед за фабзавуком. Он догнал его, и некоторое время друзья шли погруженные в гробовое молчание. Потом проронил угрюмо Николка:

— Вы забыли надеть второй ботинок..

— Черт с ним! — беспечно отвечал медик, из-под очков сверкая лукавыми глазами. — Что значит один ботинок, когда я могу потерять друга, а он меня?

Николка не выдержал роли и рассмеялся.

— Вот что, — сказал он, — наплевать мне на ваши объяснения. Хотите говорить, хотите нет. Я буду принимать жизнь такую, какая она есть, т. е. не мудрствуя лукаво... Я, собственно, и не имел в виду бросать вас на произвол стихий... стихий, которые, к слову сказать, вами же и были вызваны. Вы мне только скажите: долго ли вы намерены путешествовать, и есть ли выход из этого чудесного мира обратно, в XX-й век?

— Есть! Есть! — с готовностью на большее отвечал Скальпель. — А насчет конца нашего путешествия все зависит от вас: надоест, — скажите слово, и мы снова будем в вашей комнате. Может быть, уже надоело?

— Нет, — отвечал Николка, — мне — так же, как и вам, — хочется увидеть двуногих обитателей этой эпохи.

— Вот славно! — Медик расчувствовался и крепко пожал Николкины руки. — Я горд тем, что вами руководит та же идея, т. е. научная. Я...

— Ну-с, — прервал фабзавук излияния врача, — а вы мне все-таки объясните когда-нибудь это переселение?

— Объясню, — торжественно произнес медик. — Как только очутимся в вашей комнате — объясню...

— Даете слово?

— Даю... И могу поклясться своими брюками, оставшимися на колючках.

Ввиду столь серьезной клятвы Николка успокоился.

— Ладно, — сказал он, — а теперь идите обратно и ждите меня в пещере, я к вам приеду.

— Что-о?!

— Да-да, приеду...

— То есть, на чем?

— Увидите.

— Гм... — покрутил носом медик. — Долго я вас должен ждать?

— До тех пор, пока я не прибуду в пещеру... Собака пускай останется с вами, винтовка — тоже. Советую вам заняться раскопками. Вы, кажется, высказывались, что в полу нашей пещеры можно найти много интересного?

— Да-да, я займусь раскопками, — с увлечением вскричал Скальпель, сразу забывая о размолвке. — Там уйма научного материала... Идите себе и можете до вечера не возвращаться...

— Забаррикадируйтесь получше, — посоветовал Николка, — чтобы вас не слопа! во время ваших раскопок какой-нибудь любитель человеческого мяса...

Приятели расстались довольные друг другом. Один, с улыбкой на лице, в предвкушении научных открытий, пошел к пещере, другой, усмехаясь, отправился к лесу. Керзон, поколебавшись, вернулся за врачом, когда Николка прогнал его от себя, — кстати, на старшем двуногом теперь висела винтовка, а это что-нибудь да значило в собачьей психологии.

Весь план бурного объяснения был придуман Николкой еще во время бессонной ночи. Им он хотел добиться от ученого медика интригующего его признания. Но в план этот, конечно, не входил разрыв приятельских отношений и оставление беззащитного Скальпеля на волю хищного зверья... А сейчас Николка шел вот куда...

На заре, когда ученый медик еще спал, он вышел из пещеры освежиться и побродить. Недалеко от пещеры находился крутой обрыв. Внизу расстилалась роскошная зеленая долина, дремучие леса на высоте десяти сажен окаймляли ее с двух сторон. В долине сверкала змеистой полоской речушка, и многообразная жизнь трепетала вокруг — в кустарниках и на лугах. Николка заметил стадо игривых лошадок непосредственно под обрывом; здесь трава была особенно густа и сочна. В стаде выделялся своей красотой и силой вожак и ходившая с ним кобыла. Олень, в панике примчавшийся откуда-то, спугнул все стадо, оно колыхнулось, как море под напором урагана, — впрочем, тотчас же и успокоилось. Потом Николка заметил странное явление: исчезли вожак и его ближайшая возлюбленная, все стадо сгрудилось в одно место, жалобное призывное ржание стали испускать более пожилые члены его. Николка догадался, что две лошади провалились в какую-то яму. Выждав, когда осиротевшее стадо примирилось с потерей и

отошло от места катастрофы, он срезал в лесу три длинные и тонкие лианы без шипов, сплел из них надежную веревку и спустился с обрыва вниз. Прополз по крутому откосу сажен десять, пока нога не коснулась зеленой муравы. Он скоро нашел коварную яму, хорошо замаскированную густым кустарником. Это был естественный водоем, во время весенних потоков наполнявшийся водой. На дне, на груде истлевших костей, прижавшись друг к другу, стояли вожак-жеребец и его подруга. Они были невредимы, но выбраться из ловушки не могли, так как стены ее были почти отвесными, а глубина достигала сажени полторы. При виде лошадей у Николки блеснула мысль, и он ее поймал: вместо того, чтобы медленно брести по горам, лесам и долинам первобытной земли на своих двоих, почему бы ему со Скальпелем не завести себе экипажа? С этой мыслью он вернулся к пещере, но у входа вдруг вспомнил о своем ночном плане и порешил — раньше выполнить его, а потом говорить о проекте. Плана он не выполнил, наткнувшись на загадочное упрямство медика; в отместку он решил не говорить ему ничего о лошадях и обойтись без его помощи при выполнении проекта.

Теперь он шел к обрыву.

Выбрав еще с десяток длинных и гибких лиан, он во второй раз спустился вниз. Из лиан получились хорошие веревки, они-то и нужны были фабзавуку.

Лошади оставались на том же месте, — это были не лошади, а скорей плиоценовые предки их, так называемые гиппарионы, потому что ростом они не отличались большим, а на ногах имели по три пальца; все пальцы были покрыты копытцами, но только средние из них касались земли. Одним словом, перед Николкой находились ископаемые гиппарионы. Фабзавук сделал петлю из лианной веревки и, не размышляя много о разнице между лошадьми и гиппарионами, ловко закинул ее на шею вожака. Конечно, если бы сам пленник не делал усилий оставить яму, никогда бы фабзавук не извлек его на свет белый. Веревка трещала, но не рвалась. Зная, что на ровном месте самый премированный атлет не удержит лошади, Николка второй конец ве-

ревки закрепил предварительно вокруг ближайшего дерева. Гиппарион вылез из ямы и метнулся в сторону. Ловец выпустил веревку, в твердой уверенности, что она выдержит рывок лошади, но... она не выдержала... Издав победоносное ржание, вожак отправился разыскивать опекаемое им стадо, волоча за собой трофеи в виде оборванных лиан...

— Дурак! Болван! Идиот! — ругал себя Николка. — Откуда только такие дураки на свет появляются? Ну, разве можно было довериться одной веревке? Нужно было сделать две, три, а он... Эх, балда!..

С сокрушенным сердцем он приступил к извлечению второй лошади — красивой и полосатой, как зебра — «гиппарионши». На этот раз на шею животного упали три петли, и сами веревки были значительно укорочены, чтобы лошадь, очутившись наверху, не могла сделать большого разбега. Кобылка поднималась из ямы с большой охотой; можно было думать, что она хорошо понимала роль веревки. Но, почуяв волю, она забыла о них и, подобно своему возлюбленному, рванулась с места в карьер — подальше от коварной ямы. Однако лианы на этот раз не сдали, — петли затянулись на шее животного так, что у него глаза вылезли из орбит и дыхание из широко раскрытого рта стало выходить с хрипом. Полузадушенная лошадь упала на колени. Николка сорвал с себя трусики, извлек из ножен кинжал и, подкравшись к кобыле сзади, вскочил к ней на спину; вторым движением его было перерезать кинжалом веревки, натянувшиеся, как струны. Лошадь, все еще лежа, вздохнула полной грудью и вдруг сообразила, что на ее спине находится инородное тело — двуногий спаситель. Вскочивши молниеносно на ноги, она попробовала сбросить его, но тот словно прилип — недаром три года прослужил в коннице Буденного. Дикие пируэты и выкрутасы взбесившейся кобылки доставляли ему громаднейшее удовольствие. Не будучи в силах сдержать буйного восторга, он даже выпустил из своей глотки нечто похожее на ржание вожака-жеребца...

Убедившись, что пируэты ничуть не помогают, лошадь обернула оскаленную морду назад, к смуглой ноге неунывающего всадника, но получила в зубы такой удар кулаком, что, света не взвидя, понеслась стрелой по долине, вдоль реки, на простор необъятных лугов... Неожиданные повороты и резкие скачки, предпринимаемые ею из стратегических соображений, веселили Николку до колик в животе. Он тут же нарек своего резвого Пегаса «Живчиком» и твердо решил взять его с собой в XX век, чтобы подарить его от имени всего завода спортивному обществу «Пролетарий». В этом обществе состояла вся заводская молодежь его района, состоял и он сам, как выдающийся физкультурник... Да, это будет номер, когда он явится на завод черный, как негр, и верхом на необыкновенной полосатой лошади! Только... согласится ли Скальпель взять ее с собой?..

Выехав на ровное место, Николка разрешил совершенно укрощенной лошади идти, как ей хочется, и она понеслась упругой иноходью, обгоняя попутный ветер.

Сидя, как в удобной люльке, всадник размышлял, но обстановка первобытной жизни, как ему вскоре пришлось убедиться, совершенно не благоприятствовала мечтанию. Лошадь вдруг шарахнулась в сторону. Потом, вытянув голову вперед, застыла в каком-то болезненном оцепенении. Они снова въезжали в долину; густые кустарники со всех сторон закрывали горизонт. Николка не сразу разглядел причину своей задержки, а когда разглядел, почувствовал приступ озноба, невзирая на солнечное пекло...

На расстоянии десяти метров от них, свернувшись в гигантские кольца, лежала чудовищной длины и толщины змея. Она была красива своей голубовато-пепельной кожей, с пятнами светлого аметиста, и ужасна — громадной головой с хищно горящими круглыми глазами и загнутыми внутрь шилообразными зубами. Глядела она, без сомнения, на лошадь и на всадника, гипнотизируя их своим неподвижным, тяжелым взглядом. Что касается лошади, то это ей вполне удалось. Николка же схватился за отточенный кинжал — животный гипноз на него не действовал.

Змея, казалось, не двигалась, но переливающаяся в лучах солнца аметистовая кожа говорила за то, что движение совершалось, хотя и крайне незаметно.

Живчик наотрез окаменел, и Николка, несмотря на весь ужас положения, отметил с юмором сходство в характерах между его новым другом и старым. Вступать в бой он не чувствовал ни малейшего желания и готов был, пожертвовав конем, задать жару. Не зная о способности гигантских змей совершать грандиозные прыжки, он беспечно ждал только того момента, когда враг приблизится к нему достаточно близко, чтобы, прежде чем удрать, пустить в него свое метательное оружие.

Когда расстояние между ними сократилось до пяти метров, в шею змеи полетела с неумолимой точностью каленая сталь.

Победа Николке досталась удивительно легко: кинжал, пущенный спокойной рукой, пронзил шею змеи через горло и позвонки... Гигантские кольца развернулись с молниеносной быстротой, аметистовая голова конвульсивно забилась у самых ног лошади... Лошадь дернулась вбок, чуть не свалив всадника, и помчалась, не разбирая дороги... Стоило больших усилий остановить ее и вернуть обратно к трупу змеи — Николка совсем не хотел терять своего единственного оружия.

Змея лежала, вытянувшись во весь рост, и занимала в длину больше 10-ти метров; толщиной она была с тело человека...

— Питон... — вспомнил Николка название змеи. — Аметистовый питон... Подобные ему и до сих пор водятся в Ост-Индии, но, кажется, не имеют таких гигантских размеров... Ах, как жаль, что здесь нет Скальпеля!.. — вздохнул он. — Не мешало бы сейчас выслушать хорошенькую лекцию на «питонью» тему...

С большими предосторожностями он слез с трепетавшей лошади и спутал ей ноги, не доверяя ее привязанности. И даже этого ему показалось мало: новой лианой он привязал ее к дереву.

Извлекая кинжал из толстой шеи питона, фабзавук подивился его плотной и крепкой коже.

— Недурно было бы из этой кожи сделать седло, — решил он и, не откладывая решения в долгий ящик, тут же содрал со спины питона широкую и длинную полосу. Свернув кожу в трубку, он привязал ее к себе за спину и двинулся в обратный путь.

Издалека еще он слышал мерный голос, диктовавший что-то или произносивший лекцию. Ни в каком случае голос не мог принадлежать первобытному человеку, но ученому медику Скальпелю — да...

Уже сильно потемнело. При свете луны вырисовывался силуэт громадного мастодонта, а возле него, непосредственно под длинными прямыми бивнями, — силуэт ученого медика с очками на носу, с берцовой человеческой костью в руках и в нижнем белье.

— Итак, мой молодой друг, — наставительно обращался к мастодонту медик, — вы, несомненно, живете на заре человечества, в первобытной эпохе, именуемой плиоценом...

Мастодонт в знак понимания дружелюбно помахивал хоботом.

— Я — первый, проникший в седую громаду веков. Я — первый разгадал и установил связь между деятельностью первобытного человека и вымиранием известных видов животных. Я — тот, чье имя будет занесено золотыми буквами в скрижали всемирной истории. Поэтому рекомендую вам относиться ко мне с уважением, приличествующим моему ученому сану и вашей солидности... Ну, а теперь отнесите меня в пещеру, ибо я, при всей своей учености, продолжаю оставаться простым смертным и, как таковой, не только хочу спать, но и кушать.

Изумление Николки выперло через всякие рамки, когда исполин-мастодонт, осторожно, почти нежно, обхватив медика хоботом, понес его к пещере.

— Тише, тише, Малыш, — на ходу увещевал его медик, — имей в виду, что, если ты хоть чуточку оцарапаешь меня, вернется Николка и отрежет твой глупый хобот...

Болезнь Николки. — Горячечные видения. — «Трюки» ученого медика. — Метаморфоза пещеры. — Омоложенный Скальпель. — Учитесь доить коров! — Кража кузнечного молота. — Скальпель рассказывает про свои таланты. — Возврата в XX век нет! — Друзья спорят на политическую тему. — Пари.

Николка тяжело заболел, рана на груди нагноилась, и горячка, которой опасался медик, пришла со всеми своими последствиями. В первую же ночь после пленения гиппариона он слег. Бессознательное состояние продержало его у себя в плену в течение трех недель; краткие периоды сознания приходили изредка, но они еще более увеличивали тематическое содержание горячечных кошмаров.

Больной не понимал ни обстановки, ни своего состояния, ни странной, как ему казалось, деятельности врача, и, не отрываясь от бредовых галлюцинаций, продолжал думать, что бредит. Эти разумные проблески, поражавшие его больше, чем все вместе взятые горячечные видения, остались у него в памяти навсегда, и, выздоровев, он мог по пальцам пересказать все сюжеты, несомненно вырванные из действительности, касавшиеся загадочного поведения медика.

Однажды он видел, как Скальпель — совершенно голый, лишь в одном передничке — ползал в пещере на четвереньках и размазывал по полу густую серую грязь, — конечно, улыбаясь при этом загадочно. В другой раз тот же Скальпель с той же улыбкой принимал через отверстие в пещере от змеевидной руки прессованную в диковинные кирпичи глину и складывал ее в углу пещеры. В третий раз он же болтался на аляповатых пристройках под самым потолком пещеры у дымового отверстия и что-то мастерил. Похоже было на то, что он ломал потолок.

Николка мог насчитать до десяти «трюков», которые ученый медик выполнил за время его болезни. Но особенно

памятен ему был момент пробуждения; воспоминания о нем тоже остались навсегда.

Больной пришел в себя «по-настоящему», то есть после этого не впадая уже в бред, ночью. Он сразу вспомнил о стычке своей с махайродусом, о поимке Живчика и о последующей болезни, но сколько времени пролежал, не знал. Сквозь отверстие в потолке лился меланхолический свет перекосившейся луны. В этом еще не было ничего особенного. Луна и раньше, до болезни Николки, в пещеру заглядывала угрюмо и с перекошенной физиономией. Но тогда ее перекошенность «не выходила за пределы нормы», как говорил Скальпель; это была перекошенность ущербленной луны. А теперь? Теперь она, несомненно, страдала флюсом...

«Надо сказать Скальпелю, — подумал Николка, — кажется, согревающие компрессы помогают от флюса... я что-то в этом небольшой знаток...»

Собственно, состояние ночного светила его заинтересовало, так сказать, чисто академически, — постольку, поскольку раньше он не замечал у луны склонности к человеческим заболеваниям. Дело было не в луне. Поразило Николку другое: отверстие в потолке было значительно расширено — по крайней мере в десять раз — и имело почти правильную четырехугольную форму... Над последним стоило призадуматься.

Николка помнил, что в перерыве между галлюцинациями он видел Скальпеля болтающимся у потолка и ковыряющим его металлическим инструментом, похожим отчасти на долото. Неужели окно в потолке — дело рук Скальпеля? Интересно, черт побери! — ученый медик занимается пробуравливанием в камне окон! Скальпель работает не скальпелем, а долотом?! Ха-ха!..

Когда же очнувшийся впервые после трехнедельного небытия больной перевел взгляд с потолка на стены, он поразился еще более. Стены были тщательно обтесаны, почти отшлифованы и почти безукоризненно выбелены. Кроме того, против входа к стене было прикреплено чучело растопырившего крылья самца-фазана...

Николка передвинул изумленный взгляд ниже, и его ослабленная болезнью голова совсем отказалась вмещать в себя чувства изумления. В пещере стоял почти изящный стол, накрытый чем-то почти белым, и рядом с ним два колченогих стула. Еще дальше стояло нечто похожее на шкаф, а в самом углу — массивная койка, впитавшая в себя тело почтенного медика...

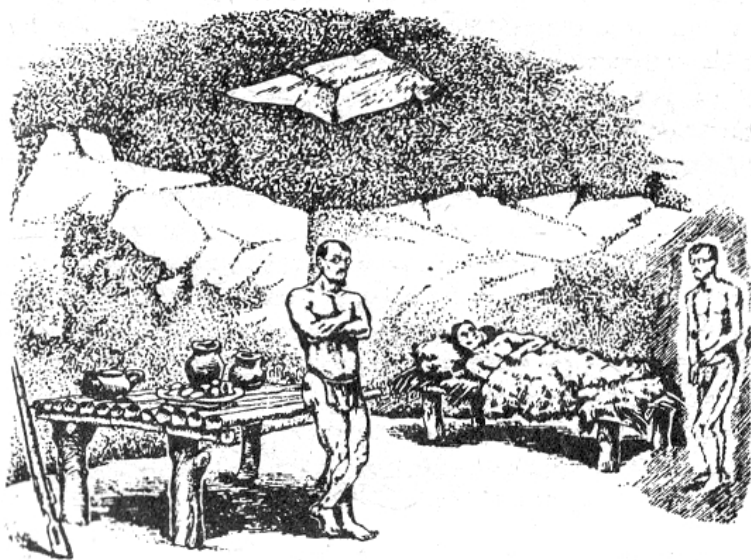
— Ай да Скальпель! Ну ловкач! — в последний раз изумился Николка и до утра окунулся в глубокий сон.

Утром он проснулся с сознанием, что его ожидает нечто необыкновенное. Чтобы приготовить себя к нему, он не сразу открыл глаза и не сразу обнаружил признаки своего выздоровления. Сначала — очень осторожно — он ощупал кожей спины свое ложе; это был роскошный густой мех, а в головах, несомненно, покоилась подушка из пуха и пера или, во всяком случае, из чего-то необычайно мягкого. Его ничто не покрывало, да и надобности к тому никакой не ощущалось: воздух в пещере был сухой и теплый.

Николка полуоткрыл глаза, а так как над ним висел потолок, то первым он и увидел его с четырехугольным отверстием посередине. Отверстие было закрыто стеклом... правда, пузыристым и не чистым, но все же стеклом... Через него теперь посылало свои животворные лучи солнце. Стены не сказать чтобы отличались особенной шлифовкой и белизной, но все же были достаточно выровнены и — до некоторой степени совершенно — выбелены. И фазан. Если он и не представлял собой образца чучельного искусства, то опять-таки больше, чем какая бы то ни было птица, походил на фазана, а не на косулю и не на зайца. То, что больной ночью принял за аляповатый шкаф, оказалось великолепно сложенной печкой... — Ай Скальпель! Ай да Скальпель!..

Николка осторожно повернул голову. За столом, имевшим поверхность, достаточно гладкую для того, чтобы с него не скатывались плоскодонные предметы, сидел собственной персоной ученый медик. Он выгодно отличался от того Скальпеля, которого Николка знал до болезни. Прежде всего, на нем был всего лишь один передник из голубой

змеиной кожи. Затем, тело его потеряло всякий намек на одутловатость, складчатость и неприятную бледность; дряблость мышц совершенно исчезла и даже лысинка заросла... Короче говоря, перед Николкой теперь сидел коричневокожий, мускулистый и стройный человек, находившийся в расцвете своих сил... Рецепт такого перевоплощения Николка знал: *вода, солнце, воздух, физическая работа и здоровое питание*. Скальпель всем и каждому не уставал рекомендовать этот рецепт, но сам никогда ему не следовал.

На столе, накрытом той же голубоватой змеиной кожей, перед Скальпелем стоял сосуд, до некоторой степени похожий на чайник, из *почти* белого фарфора, две кружки, имевшие с кухонными горшками весьма отдаленное сходство (а зачем им иметь это сходство?), тарелка, очень мало напоминавшая таз для варенья (на то она и тарелка!), в тарелке скромненько лежали (даю голову на отсечение!) очищенные картофелины, куриные яйца и сливочное мас-

ло!.. Мало того, — тут же лежал настоящий металлический нож с костяной рукояткой, а на полу около входа (пол, как две капли воды, походил на цементный!) — топор, кирка, лом, молоток и то самое долото, которым Скальпель во время болезни Николки ковырял в потолке... И все это (что особенно и удивляло!) существовало на фоне самых первобытных звуков, врывавшихся в пещеру через открытую настежь деревянную *дверь* (да, дверь!).

Николка глазам своим не верил. Неужели все это сделал Скальпель? Да за какой же тогда срок? Сколько же времени пролежал он от страшной царапины саблезубого хищника? Пускай даже неделю, разве за этот срок мыслимо натворить такую гибель чудес?! Абсолютно невыносимо! Без фокуса не обошлось!

В это время снаружи донеслось мычание коровы (настоящей коровы). Скальпель проворно сорвался с колченого стула и озорным комсомольцем выскочил в дверь.

«Новое дело!.. — подумал Николка. — Он даже коров успел завести...»

Однако, лежание ему порядком надоело. Шумная жизнь вне пещеры — мычание, лай, щебетание птиц — звала к себе и подмывала узнать о дальнейших проделках омоложенного Скальпеля.

Николка хотел подняться с постели так, как он обычно поднимался: дрыгнуть в воздухе ногами, запрокинуть их под себя, выгнуть спину и встать, — то есть сделать всклепку со спины... Ровным счетом ничего не вышло! Ноги не дрыгнули и не запрокинулись, а только чуть сдвинулись с места, спина не выгнулась и даже не пошевелинулась, а в голову ударило, будто десять пудов поднял.

— Батюшки! Неужели я с кровати не встану и обыкновенным манером? — ужаснулся Николка.— Что же со мною произошло?

До сих пор ему ни разу не приходилось серьезно болеть, и он не знал состояния поднимающихся после тяжелой болезни, но тут не одна болезнь играла роль. Когда он попробовал сесть на кровати «обыкновенным манером», его ноги не смогли опуститься вниз.

— Ч-черт! Фокусы Скальпеля!.. — догадался Николка: поверх его ног и груди были протянуты крепкие полосы универсальной змеиной кожи.

Против одного фокуса подействовал другой, — Николка сполз с подушки, подлез под змеиную кожу на груди, снова поднялся на подушку и освободил ноги. Эти манипуляции вызвали у него одышку и негодование против своей слабости.

Отдышавшись, он сел, наконец, на кровати. Теперь закрыжилась голова; снова пришлось делать передышку.

Негодование его перешло в бурное возмущение, когда он увидел собственные свои конечности... Какие это были ноги и какие руки! — Бледная кожа, дряблые, чуть заметные мышцы — ни тебе бицепсов, ни тебе грифа, ни икроножных — ни черта!.. Просто-напросто Скальпель заменил себя Николкой, а Николку собой!.. Ну, за эти фокусы он поплатится головой!..

Возмущение понемногу улеглось, и фабзавук понял всю нелепость своего предположения. Скальпель тут был ни при чем. Может быть, он еще спас ему жизнь. А болезнь длилась, вероятно, не одну неделю; три-четыре, наверное. За этот срок ученый медик смог бы при желании построить целый небоскреб, а не это жалкое подобие культурной домашней обстановки.

С громадным напряжением, останавливаясь ежесекундно, Николка вдоль стены добрался до стула. Стул приходился как раз против открытой двери. Солнце, зелень, синева неба, разноголосый шум животных... Буйно-трепещущая жизнь ударила ему в лицо. Он даже закрыл глаза в новом приступе возмущения против своей слабости и нового головокружения. Потом открыл их и жадно стал впитывать в себя детали резко изменившегося вида перед пещерой.

Местность непосредственно перед их жилищем — с десятком гигантов-дубов — была окружена высокой стеной каменной кладки. Кладка была грубая, первобытная, но камни, составлявшие ее, превышали весом десятки пудов. — Постройка циклопов, — подумал Николка. Стена подходи-

ла вплотную к утесу с пещерой, в одном месте ее была оставлена брешь, закрывавшаяся воротами из грубо связанных бревен. Внутри двора, на просторе, осененном размашистыми кронами дубов, бродили две коровы, пяток диких коз, лошадь, несколько свиней с поросятами и десятка два ярко-перистых кур с многочисленными выводками цыплят. Один угол двора был отгорожен и покрыт навесом из хвои; здесь стоял стог сена и большая глиняная кадка, очевидно, с водой. В другом углу, тоже за загородкой, был сложен горн, и рядом с ним возвышался предмет, который, по терминологии Скальпеля, вероятно, носил название наковальни.

Сам Скальпель бегал с хворостиной по двору, загоня одну из коров в специально для коров отгороженное пространство. О назначении технических приспособлений, находившихся в коровьем загоне, Николка никак не мог догадаться, несмотря на всю их простоту: в каменную стену, на высоте трех метров, было заложено под прямым углом толстое бревно, на нижней стороне его висели две уключины с железными блоками, через блоки перекинуты были веревки. Свободные концы веревок свешивались над землей, два другие оканчивались на двух вращающихся колесах, к осям которых были приделаны рукоятки, — по всей вероятности, то были лебедки. Скоро Николке довелось узнать о назначении коровьих приспособлений.

За воротами двора показался исполин-мастодонт, трубивший неистово в сознании собственного достоинства. Рядом с ним таял Керзон.

— А, Малыш пришел! — весело крикнул Скальпель и побежал отворять ворота.

Исполин, нареченный, по странной фантазии Скальпеля, «Малышом», горделиво покачиваясь, вошел внутрь. Между прямыми длинными бивнями его и хоботом был заземлен добрый стог полувысушенной травы, — отсюда вытекала его гордость. Скальпель закрыл ворота с помощью того же Малыша, попятившегося на них задом, и побежал открывать загородку с сеном. В последнюю испол-

ненный достоинства мастодонт свалил принесенную им траву.

Охапку травы Скальпель вынес во двор, прежде чем закрыть за собой сеновал. Часть ее он положил в стойло Живчика, другую часть — в стойло коровы, оставшейся во дворе, третью отнес корове, находившейся в загоне. Потом он стал в «рабочую позу» около своих диковинных снарядов, не подозревая, что любопытные глаза следят за всеми его действиями.

Когда корова вошла в надлежащий аппетит и достаточно забылась в акте самонасыщения, Скальпель ловко нырнул под нее, захватив с собою конец первой веревки; этим концом он обвязал туловище коровы под передними ее ногами. Затем он нырнул обратно, захватив конец второй веревки, пропущенной под задними ногами коровы. Второй конец также был укреплен вокруг ее туловища. После этого началась потеха. Скальпель бросился к своему подъемному механизму и бешено забегал от одного колеса к другому, накручивая на них обе веревки. Корова взревела благим матом...

Николка, несмотря на новый приступ головокружения, не удержался от громкого смеха. Он еще не знал, для каких целей Скальпель поднимает в воздух ополоумевшую от страха корову; но сразу увидел все несовершенство приборов. Ведь можно было оба колеса укрепить на одной оси, и тогда ученому медику не пришлось бы так бешено гонять от одного колеса к другому в тщетном старании равномерно поднимать и зад и перед несчастной коровы...

Скальпель остановился, когда между ногами коровы и землей расстояние достигло сантиметров десяти, вытер чело, орошенное потом, и сел под корову, привязав ей предварительно передние ноги к первой веревке, задние ко второй. Потом он поставил под вымя коровы глиняное ведро и начал сдаивать в него молоко...

Николка почувствовал себя дурно — не от причудливых операций Скальпеля с коровой, а от того же головокружения, повторившегося с новой силой. Слишком много воздуха, солнца, зелени и жизни было в природе. Слишком

ярко пылало солнце и опьянял воздух, слишком красочна была зелень и увлекательна жизнь. Казалось, до болезни природа меньше имела красок, меньше звуков, была проще и менее обаятельна. Ослабленный организм ненормально остро воспринимал действительность и не справлялся с богатством впечатлений.

Будто волоча за собой непосильное бремя, Николка пополз обратно к койке и растянулся на ней без мыслей, без желаний, весь покрытый испариной.

Через пару минут в пещеру вбежал жизнерадостный Скальпель с мотивом из неизвестной оперы на устах. Мотив его резко оборвался, и жизнерадостность испарилась, как только он увидел бледное и потное лицо своего пациента.

— Кто вам позволил вставать? — громко возопил он, моментально багровея.

Но пациент был слишком слаб, чтобы отвечать, и медик поспешил дать ему укрепляющих капель, напутствуя их сердитыми взглядами и ворчанием:

— С вами, как с малым ребенком: чуть не доглядишь — готово, умудрил чего-нибудь.. Будто мне только и дело — с вами нянчиться! А за птицей кто должен глядеть? Кто должен напоить Живчика? Кто Милку с Красавкой выдоит? Кто Малыша на работу отправит?.. Все я да я... А тут еще двуногое неразумное создание на руках. Ведь нарочно, кажется, привязал его к кровати. Думаю: очнется — поймет, что вставать нельзя; а он понял так, будто я с ним в завязалки играю... Этакое, прости господи, существо...

От капель ли Скальпеля, от его ли монотонного ворчания, от переутомления ли, или от всего этого вместе взятого — только Николка опять заснул.

Проснулся он от странного беспокойства, взглянул вверх и оцепенел: две пары глаз на волосатых мордах через потолочное стекло на него глядели. Не глаза, а глазища звериные... Николка крикнул — глаза пропали — в пещеру вошел Скальпель.

— Чего орете? — спросил он, улыбаясь.

Николка без улыбки ответил:

— Чьи-то глазища на меня через потолок смотрели.

— Вы это как? Серьезно? Без бреда? — беспокоился сразу Скальпель.

— Без бреда, — отвечал Николка. — Рожи словно человеческие, но волосатые.

— Те-те-те.. —многозначительно протянул Скальпель. — У меня этой ночью молот с наковальни свистнули... Ну, впрочем, о хозяйстве после, а сначала — как себя чувствуете?

Он выслушал, выстукал Николку и остался доволен:

— Через недельку разрешу встать.

— Дудки, — отрезал Николка, — сегодня встану, дайте только что-нибудь полопать.

— Не будем спорить, — дипломатически уклонился медик. Он дал Николке бульону, пару яиц, немного мяса, немного молока, — голода его совершенно не удовлетворил, но успокоил:

— Поменьше, да почаще.

Поевши, Николка опять заснул и проделал так ровно четыре раза, вплоть до ночи. Ночью он спал спокойно, без просыпа.

Утром он так хорошо почувствовал себя, что, закусивши еще раз, уже более основательно, вступил с медиком в длинный разговор. Разговор этот чуть было не закончился катастрофой.

Николка открыл диалог вопросом:

— Вы что, вместо научных изысканий хозяйчиком решились заделаться?

У Скальпеля почему-то дрогнули щеки, краска набежала на коричневое лицо.

— Я... видите ли... конечно, не против науки, но... случились некоторые обстоятельства, которые...

Медик остановился, но щеки его прыгали, глаза бежали.

— Видите ли... на этот вопрос я вам после отвечу, пока же спрашивайте о другом...

— Хорошо, — согласился Николка, объясняя смущение Скальпеля действием неприятного слова «хозяйчик». —

Тогда скажите: это все — стол, стулья, ограду, стекло, инструменты — сами вы сделали?..

— Сам, конечно, сам, — сразу оживился Скальпель, — без какой бы то ни было посторонней помощи, совершенно самостоятельно...

— Здорово! — похвалил Николка, однако с сомнением в голосе. — Но вот, чтобы вы совершенно самостоятельно сложили каменную стену, этому, извините, я никогда не поверю.

— А Малыш-то?! А мастодонт-то на что?! — вскричал Скальпель, захлебнувшись самодовольным смехом. — Конечно, я не таскал камней. Я даже не укладывал их. Все это сделал Малыш под моим непосредственным руководством... Умная bestия! Он мне и сено собирает и бревна таскает... Да что!.. Я его заставляю одного ходить на реку... Обыкновенно-то я сам хожу с ним, привязываю ему кадку к бивням и иду, а когда мне некогда или лень, отправляю одного; он мне воду приносит в хоботе. Наберет полный хобот и ни одной капли не прольет — все притащит.. Имейте в виду, что в хоботе — доброе ведро... Да вы лежите, лежите. Нельзя вам вставать. И молчите. Я вам все по порядку расскажу, без ваших вопросов...

— Ну вот! Начну с пещеры... Как видите, я ее привел в состояние, вполне пригодное для жилья... Поверьте, то была задача не из легких. У меня не было никаких инструментов, кроме кинжала, но какой он инструмент? — ни рубить, ни тесать, ни резать. Таким образом, на самых первых порах передо мной стал вопрос об инструментарии, хотя бы самом несложном. Вопрос этот я разрешил, найдя в обрыве, вам известном, самородное железо, легкоковкое. Из отдельного куска его я первым делом выковал себе молот: ковал камнями. Затем этот молот я закалил в огне и уже при помощи его делал все остальные орудия, как-то: топор, кирку, лом и проч... С таким инструментарием (правда, аляповатым, нечего греха таить!) уж легко было обтесать стены пещеры, которые кстати состоят из мягкого известняка, выровнять пол и увеличить отверстие в потолке. Пол, как вы сами видите, я залил цементом; цемент сделал

так: глинистый известняк смешал с найденным мною в долине вулканическим материалом, вроде пемзы, — пуццоланом, смесь пережег над огнем — и цемент готов. После этого в окно вставил стекло... Вы думаете, я его тоже нашел готовым? Ничуть не бывало. Сам сделал, сам, батенька, сделал. Нашел только минерал — полевой шпат, но с ним была длинная работа. Нужно было его расплавить сначала, затем смешать с известкой, остудить и пошлифовать изрядно. Стекло, как видите, вышло несколько грязноватым и нечистым, однако, в этом я уже не виноват: никакой посуды не было, плавил на плоском камке, а чтобы не стекло, камень обложил разведенным цементом и глиной. Так-то! Вы замечаете, как развернулась моя изобретательность в этом первобытном мире?..

— Здорово! — искренне изумился Николка.

— Ну вот! Теперь, когда жилище наше стало более или менее приличным, я начал подумывать о посуде. Нужна была подходящая глина. Я подумывал и искал ее и в это же время делал другую работу. Вы ведь знаете: надвигается зима, ночи стали очень прохладными, — я бы сказал, суровыми; явилась необходимость в печке. Я нашел глину, я нашел каменную соль. Для чего последняя — увидите после. Из этой глины ничего, кроме кирпичей, у меня почему-то не выходило.

— Надо было ее очистить взмучиванием в воде, — вставил Николка.

— Очень может быть, — отвечал Скальпель, — но у меня не было времени. Из глины, повторяю, я делал кирпичи. Кирпичи обжигал, Малыш таскал их в пещеру. Из кирпичей я сложил печь... Однажды Малыш, который очень любит гулять и гуляет каждый день, вернулся испачканным во что-то белое. Исследовав сие белое, я убедился, что вижу перед собой чистую каолиновую глину, из которой выделяется фарфоровая посуда...

— Дружище, — сказал я себе, — у тебя будет не простая, а фарфоровая посуда... И я начал лепить посуду. Лепить сравнительно легко, но вот обжигать... Плохо обжигать! Скажу вам, что из двух десятков приготовленных мною пред-

метов после обжига осталось только то, что вы видите на столе, да еще та кадка, которую я употребляю для воды. Короче говоря, все предметы во время обжигания трескались. Отчасти здесь играла большую роль моя неловкость, но, главным образом, от меня независящее обстоятельство: фарфор вообще трудно обжигается (поэтому-то он так и дорог). Кроме обжигания, нужно было покрывать посуду глазурью, чтобы она не пропускала воду. Для этого пошла соль. Глазуровать солью — самый простой способ глазуровки. Существует два способа: первый способ — это в то время, когда обжигаешь предмет, бросаешь в огонь соль; соль улетучивается, и влажные пары ее соприкасаются с глиняным предметом, глина соединяется с солью и образует на поверхности предмета стекло. Второй способ: сырой предмет покрывают слоем смешанного с водой песка и соли и потом сразу обжигают его. Я употреблял эти оба способа и почти всегда с одинаковым успехом: посуда большей частью ломалась...

В это время во дворе затрубил мастодонт, и Скальпель, оборвав речь, побежал открывать ему ворота.

Оставшись один, Николка подумал: какая необходимость заставила ученого медика основываться на зиму в первобытном мире?

Скальпель вернулся и доложил:

— Малыш с азартом таскает воду. Вот когда вы окрепнете, нам нужно будет сообразить насчет проведения к себе воды.

— Будто вы сто лет рассчитываете пробыть здесь? — возразил Николка.

На это Скальпель ничего не ответил, сделав вид, что не слышал, и продолжал свое повествование:

— Значит, инструментарный, жилищный и посудный вопросы были мной разрешены удовлетворительно. Мебельный вопрос я разрешил между делом, можно сказать, шутя. Правда, мебель вышла не очень изящная, но ведь я и не столяр. Оставался вопрос продовольственный. Нужно было сделать запасы на зиму. Сперва я думал настрелять

побольше зверья и дичи и засолить впрок мясо, но время показало, что стрелок я аховый, а патронов у нас мало...

— Сколько? — спросил Николка.

Скальпель замялся:

— Видите ли, я очень много расстрелял и расстрелял впустую: все мазал и мазал... очки, что ли, мешают — не знаю... Осталось всего десять зарядов.

Николка протяжно свистнул; медик, заалев, продолжал:

— Тогда я решил прибегнуть к другому способу — использовать Живчика, Керзона и огороженное пространство перед пещерой. Керзон у меня выслеживал дичь, поднимал ее, а потом мы вместе гнали ее к пещере. Таким образом нами были загнаны коровы, свиньи и козы (собственно, не козы, а сайги — порода антилоп, — водятся и в XX веке). Кроме того, я выучил Керзона ловить кур, не причиняя им вреда. Мы охотились обыкновенно на наседок: Керзон поймает наседку, а я переловлю цыплят. Наседкам я обрезаю крылья, чтобы они не перемахнули через стену. В две недели с продовольственным вопросом было покончено...

— Для чего вы подвергаете коров инквизиторским пыткам? — спросил Николка.

— Вы видели? — поднял брови Скальпель. — Когда это вы успели? Но если вы видели, то должны были догадаться, что доение диких коров — работа не легкая. Они брыкаются, бодаются, толкаются, как... черти. Дело в том, что телят их я пристрелил, а мясо засолил, так они мне мстят за своих телят и не позволяют доить себя...

Николка рассмеялся:

— Существует, как мне кажется, более простой способ. Достаточно привязать корову за рога к стене, а одну заднюю ногу к туловищу, тогда она ни бодаться, ни брыкаться не сможет.

— Хо-хо-хо!.. — взорвался Скальпель. — Попробуйте вы подоить дикую корову в таком состоянии, она вас так подоит, в другой раз не подойдете... Хо-хо-хо!.. Ваш способ,

милый мой, лишь к домашней корове применим, а не к дикой...

— Ну, я не коровий спец,— сдался Николка, и снова у него мелькнуло недоумение: для чего Скальпель столь фундаментально устраивается в первобытном мире?.. Свое недоумение он передал Скальпелю на решение. У того вмиг задержались щеки и побагровел нос. Выручил его Малыш, прибывший с новой порцией воды.

Но Николка уже заподозрил недоброе, и, когда медик вернулся в пещеру, он настойчиво стал добиваться ответа.

— Видите ли...— Скальпель побледнел, как земля от выпавшего снега. — Видите ли... когда вы заболели, я испугался за вашу жизнь... Подумать только: у вас было заражение крови, а у меня из медикаментов налицо лишь самые элементарные... Чем лечить вас?.. На меня обрушилась громадная ответственность... Я вас ввергнул в этот мир, по моей вине вы подвергали опасностям свою жизнь... И вот в начале вашей болезни я хотел повторить свой прием, — теперь уже для переселения вас и себя обратно в XX век, но...

— Что «но»?! — вскричал Николка.

— ...Ничего не вышло... — прошелестели бескровные губы Скальпеля.

— Навсегда?!

— Н-не знаю... но, может быть, и... навсегда...

С Николкой не сделалось дурно, дурно стало Скальпелю. Он пластом повалился на цементный пол. Николка, как мог, привел его в чувство и уложил в постель. Приятели чуть было не поменялись ролями... Хаос мыслей бушевал в мозгу фабзавука:

— А завод? А товарищи?.. А Россия? А революция?.. Как же это? Без него? — Правда, он лишь небольшой винтик во всем этом. Правда, ни завод, ни Россия, ни революция не погибнут без него. Но он-то, он-то как обойдется без них? Как он — человек XX века, века машины и электричества, он — стоявший на грани к социализму, как он сумеет примириться с какой-то неизвестной плиоценовой

эпохой, где махайродус является владыкой жизни, где нет людей, ни городов, ни заводов?!

Поднялся с постели врач и, попадая в ход мыслей фаб-завука, произнес торжественно и мрачно:

— Друг! Не будем впадать в уныние. Наша участь не так уж плоха. Была бы она во сто крат горше, если бы из людей мы являлись на этой земле единственными. Но мы — не единственные. Земля населена разумными существами, подобными нам, и я смело утверждаю, что эти существа по духу вам более близки, чем мне: ибо они не признают частной собственности, следовательно, они — коммунисты...

Николка сразу стряхнул с себя всякое отчаяние и, забыв о своей слабости, вскочил с постели, подобный резвой сайге.

— На основании чего делаете вы последнее утверждение? — спросил он, слегка волнуясь.

Врач отвечал торжественно и мрачно по-прежнему:

— На основании того, что они у меня украли молот.

— Но это могли сделать и обезьяны? — предположил Николка с тревогой в голосе.

— Нет, мой друг, сомневаться не приходится, что кража совершена первобытными обитателями этой земли и обитателями разумными. Об этом мне рассказал Керзон, поведали отпечатки ног вокруг стен и сами вы, когда рассказали мне о чьих-то глазищах, смотревших на вас через окно в потолке. Скажу вам более: я уверен, что в самом ближайшем будущем нас может посетить многочисленное общество первобытников. Нет сомнения, что укравшие молот были только разведчиками... Они вернутся и приведут сюда все общество. Вопрос только во времени: как далеко расположено оно отсюда.

У Николки на душе разлилась такая приятность, будто его угостили душистым липовым медом. Перспективы жизни в плейстоцене стали вдруг страшно заманчивыми. Но он поспешил вступить за репутацию первобытников, которые, как уверял врач, были ему родными по духу.

— Ловлю вас на логической ошибке, — сказал он, — вы предположили, что у наших первобытников еще нет частной собственности, и в то же время сказали, что они украли у вас молот. Должен вам пояснить, что там, где нет частной собственности, нет и слова «кража». Кража появилась вместе с частной собственностью, и это есть одно и то же.

Врач задумался на минутку. Угрюмые морщинки на его лице стали таять одна за одной, перегруппировываться в новые запутанные образования, и вскоре вместо них появился старый знакомый Николки — причудливый переплет из хитро-загадочных морщинок.

— Я делаю кое-какое различие между понятием «частная собственность» и понятием «кража», — наконец, сказал он, плотно усаживаясь к Николке на кровать. — Предмет, произведенный лично мною, собственными моими руками, не есть украденный у кого-нибудь. Я никому никогда не отдам его, и все-таки никто не может сказать мне, что я его украл.

— Дудки! — возразил Николка. — Раз вы говорите, что данный предмет, пускай даже произведенный лично вами без эксплуатации чьего-либо труда, вы «никому никогда не отдадите», то этим самым вы *крадете* у другого человека возможность пользоваться данным предметом...

Скальпель энергично возразил на это, на его возражение последовала очередная отповедь Николки, на отповедь — новое возражение... Приятели сцепились в ожесточенном споре, забыв о коровах, о лошади, о птицах, о Малыше, безнадежно трубившем у ворот, обо всем на свете.

К концу спора, когда на дворе уже стало темнеть, Николка договорился до того, что назвал Скальпеля «контриком» и «вообще антисоциалистом». Скальпель же, яростно возражая против такого обвинения, доказывал, что «он, во-первых, не контрик, а такой же социалист, как и Николка, только не большевик», во-вторых, что «социализм может быть осуществлен не раньше, как в 25 веке, а то и позднее» и, в-третьих, «он вообще не уверен в возможностях осуществления социализма»... В довершение всего

он предложил Николке торжественное пари:

— Вот мы встретимся с первобытным человечеством, которое, по всей вероятности, находится в стадии первобытного коммунизма; у него еще нет частной собственности, потому что нет никакой собственности, — мы познакомим это человечество с нашей техникой и культурой, отбрасывая отрицательные стороны последней; попробуй-ка вы после того насадить среди него социализм или, по крайней мере, удержать в чистоте и неприкосновенности его старый, первобытный коммунизм.. Даю голову на отсечение, что, как только первобытники вкусят плодов от нашей культуры — даже без отрицательных ее сторон, — среди них тотчас же выделятся способнейшие, и возникнет класс буржуазии...

Смеясь над «социологическим невежеством» Скальпеля, в своем пророчестве относительно «выделения способнейших» повторившего заблуждение старых экономистов, — заблуждение, которое даже современные буржуазные экономисты отвергают, — Николка пари принял, и приятели улеглись спать.

Друзья готовятся к встрече первобытных гостей. — Скальпель надеется разрушить устои первобытного коммунизма. — Одним прекрасным утром... — Скальпель в обезьяньем окружении. — Крушение надежд. — Плеченная обезьянка. — Мастодонт что-то вспоминает. — На восток, так на восток!..

Протекло две недели. Вопреки предсказанию врача, Николка встал не по истечении первой недели, а в середине ее, и к концу второй чувствовал себя по-прежнему здоровым. Ошибка врача оправдалась тем, что он привык делать свои медицинские предсказания на фоне «культурной» обстановки XX века, тогда как здесь обстановка не была «культурной», зато была первобытно-здоровой.

Зима приближалась. Хотя дни все еще стояли сравнительно теплыми, ночи давали себя знать стужей и утренними заморозками.

— Будет крайне студеная зима, — пророчествовал Скальпель, — не забудьте, что мы стоим на грани к ледниковому периоду; это — его веяния...

Благосостояние пещерных обитателей за две недели значительно возросло благодаря тому, что Николка своими техническими познаниями многое усовершенствовал из введений врача, многое сам ввел. Так, им было усовершенствовано гончарное дело путем устройства специальной печи, гончарного колеса и форм для лепки предметов; усовершенствовано кузнечное дело и введена заново выплавка железа из руд; из ближайшего лесного ручья проведена в пещеру вода по глиняным трубам, положенным в землю; сараи для сена, для продовольствия и для одомашненных животных заново отстроены; организована выделка и дубление кож и многое другое.

Приятеля лихорадочно готовились к встрече первобытных людей, о приближении которых Керзон, бегавший за десятки верст от пещеры, каждый день докладывал все бо-

лее и более выразительным ворчанием. Готовясь встретить их не с пустыми руками, приятели свои запасы продовольствия — в готовом виде и в виде живого скота, — запасы одежды, посуды и прочего увеличили до размеров, могущих удовлетворить десятки людей. В последние дни Николка с утра до ночи ковал топоры, вилы, копыя и наколочки для стрел, чтобы иметь возможность, во-первых, вооружиться самому и, во-вторых, дать хорошее вооружение гостям, если они придут. Он, кроме того, понаделал несколько десятков крепких и упругих луков и оборудовал столярный и токарный станки, имея твердую уверенность, что со временем он их поставит на динамо.

Скальпель трудился над другим. Он был озабочен, — в противоположность своему другу, пекущемуся о благах материальных, — приготовлением «духовных» благ для ожидаемых гостей. В программу этих благ у него входило: рисование, музыка, театр, танцы и даже чтение... Чтобы все это осуществить с практической стороны, требовалось изготовить писчебумажные и рисовальные принадлежности, музыкальные инструменты, грим, костюмы и буквари. С грехом пополам Скальпель уже изготовил: чертежные доски и грифель из аспидного сланца, карандаши из мела, деревянные кубики с буквами; неуклюжую балалайку, такую же гитару и барабан; добыл всевозможных растительных и минеральных красок и расчистил площадку перед пещерой, на которой предполагал осуществить театр и танцы...

У каждого из приятелей были свои тайные мысли.

Скальпель думал: где, как не на духовном поприще, скорее всего проявляются таланты, а раз выявляются таланты, значит, возникает неравенство; неравенство предполагает существование способнейших, которым отдается предпочтение во всем, и менее или совсем неспособных, на которых будет ложиться вся черная работа...

Николка мыслил чисто материалистически: предстоит, судя по первым признакам, суровая зима. Разбегутся животные — уже и сейчас они исчезают; пропадут плоды, овощи и фрукты. Сильные морозы будут препятствовать охоте. Запасов, которые они приготовили, на всю зиму, конеч-

но, не хватит, тем более, если к ним прибудет многочисленная первобытная орда. Значит, надо творить средства для более легкой поимки и охоты на животных.

Относительно необходимости духовных развлечений Николка думал словами Энгельса:

— Люди, прежде всего, должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, а потом уже заниматься политикой, наукой, искусством и т.д.

Содержание духовных развлечений его мало беспокоило, и над затеями Скальпеля он открыто смеялся.

Итак, приятели оба одинаково усердно готовились к встрече. Их уверенность в неизбежности этой встречи за последние дни выросла в спокойное ожидание, так как Керзон все резче и резче проявлял беспокойство в своем поведении и, кроме беспокойства, — растерянность. Его поведение только так и можно было понять, что он чуял приближение большой группы двуногих.

Одним прекрасным утром, когда на листьях деревьев лежал пушистый иней, мерцавший в лучах солнца, и вода на дворе покрылась корочкой льда, Николка, взяв ледяной душ, поинтересовался положением дел у своего друга.

— Как ваши духовные гостинцы? — спросил он, смеясь.

Скальпель, тоже принявший душ и поэтому красный, как помидор, вместо ответа задал аналогичный вопрос:

— А ваши технические гостинцы?

— Что ж, — отвечал Николка, — фабрики и завода я им пока не могу дать, но элементарное техническое образование дам.

— И я, — быстро подхватил Скальпель, деревянным гребнем расчесывая редкие волосяные всходы на голове, — университета и Художественного театра, пожалуй, не сумею дать, но некоторую духовную шлифовку — да.

Их взаимная информация на ту же тему, по обыкновению, продолжалась и во время утреннего завтрака, после чего каждый приступил к своему делу, намеченному, согласно НОТу, еще с вечера прошедшего дня. Скальпель, устроившись на слабом солнечном припеке, занялся собиранием в одно целое разрозненных костей первобытника, дав-

но обнаруженного им при раскопках в пещере. Николка, верхом на Живчике и в сопровождении верного Керзона, отправился в лес в поисках подходящего дерева для выделки лыж. Для этого ему нужно было найти породу одно- временно упругую, как береза, и плотную, как баккаут или пальма.

У Скальпеля работа спорилась, — чинить живой человеческий механизм и мертвый была его специальность; поэтому, напевая вполголоса бравурную арию Тореадора, он с головой ушел в приятное свое занятие. За неимением лучшего скелета, ученый медик хотел использовать этот — в целях наглядного преподавания предмета «анатомии» ожидаемым первобытным гостям. Пуще всего не терпел Скальпель, когда ему мешали в работе; поэтому он загодя услал на далекую прогулку Малыша, сновавшего без дела по двору с жалобным пронзительным завыванием. Остальная же живность не делала интервенций в кропотливую работу ученого медика. Коровы мирно стояли в загоне, пожевывая утреннюю порцию свежего сена; многочисленная птица блюла за воспитанием юных своих наследников; сайги занимались спортом, примерно долбя друг друга рогами; свиньи, уютно похрюкивая, искали желуди в заиндевевшей траве. В это раннее утро обстановка Скальпелю благоприятствовала, как никогда, и он быстро закончил свою работу.

Скелет был подвешен к ограде на открытом месте, чтобы солнце выбелило его, а сам мастер, не зная, за что теперь приняться, ушел в безмолвное рассуждение.

— Скелет питекантропа! — думал он и придавал своим мыслям печальный оттенок. — Сколько бы за него дали в нашем XX веке? Целое состояние! Целое состояние!.. Но дело не в состоянии. Меньше всего я заинтересован сейчас материальными вопросами. Меньше всего или даже совсем не заинтересован. Природа здесь первобытно щедра, только умей взять. Ее леса кипят жизнью, поверхность почвы завалена богатствами, а недра — непочаты... Нет, только не о материальном приходится думать здесь, только не о материальном... Скелет питекантропа! Целый скелет! А в

наших перворазрядных музеях хранят, как зеницу ока, испорченный зуб первобытного человека, обломанную челюсть или разбитое бедро... Какая ирония судьбы!.. Какое издевательство!..

Скальпель не успел развить новой своей мысли относительно иронии и издевательства, и она осталась без развития, — над его головой раздался странный вопрос:

— Иаув... гrrrr?..

— Что? — машинально переспросил медик, отходя от дерева, под которым он стоял, на некоторую дистанцию, чтобы узреть неожиданного собеседника.

— Иаув... гrrrr? — На нижних суках дуба, свесив голову вниз, сидело оригинальное существо, ростом с человека, с человеческими членами, но с густой растительностью на всем теле.

У Скальпеля приятно екнуло сердце, — ведь это же первобытник, о котором они так долго мечтали и которого с таким нетерпением ждали...

— Пожалуйте, пожалуйста сюда, милый друг! — радушно произнес он, рукой указывая на землю.

«Милый друг» не заставил себя просить второй раз и с трехметровой высоты прыгнул вниз на обе ноги. Он и остался в том же месте, хищно присев и оскалив страшные клыки. В правой его руке был зажат острый камень.

Клыки не понравились Скальпелю. «Совсем обезьяна», — грустно подумал он. И не понравились ему — с антропологической точки зрения — покатый верх головы волосатого существа и его приплюснутый широкий нос. Только глаза, глубоко сидевшие под надбровными дугами, производили ободряющее впечатление, сверкая некоторой чело-вечностью, да очертания нижней челюсти, отдаленно напоми-навшие человеческие. Скальпель пожелал поближе рас-смотреть своего гостя и сделал два шага вперед.

— Гrrrr... — зарычало форменным зверем волосатое су-щество, поднимая вооруженную руку.

— Ну, не буду, не буду,— торопливо молвил Скаль-пель, — пускай наука пострадает в данную минуту, потом она возьмет свое...

Существо, не спуская горящих глаз с ученого медика, шагнуло в сторону, к ограде; за шагом последовал прыжок с обеих ног, за прыжком — новый шаг. При этом оно не разгибало колен и касалось кистями рук земли.

— Какой это к черту человек!..— воскликнул в огорчении медик и обратился к обезьяне: — Уходите отсюда, милый друг, вы мне ничуть не интересны...

На этот раз существо не послушалось. Подняв кверху волосатую морду, оно залилось протяжным воем:

— Ев-ев-ев-ев!..

Это был, очевидно, сигнал. Со всех сторон на каменной стене показались страшные рожи...

Первое существо повторило свой призыв, и со стены запрыгали во двор подобные ему двуногие звери. Окаменевший Скальпель насчитал их до пяти десятков. Тут были самцы, самки и дети в самых различных возрастах. Маленькие

обезьяны имели более человеческий вид, нежели взрослые индивиды, и ученый медик, вспомнив одно научное положение, сообразил:

— Это не обезьяны, а выродившиеся первобытные люди..

Каждая обезьяна, кончая двух- и трехлетней, имела в руке продолговатый острый камень или неотесанную дубинку. Все они кольцом стали сходиться вокруг медика.

— Конец... — подумал он. — Не видать мне света белого и Николки.

Кольцо, образовав правильный круг, в центре которого находился Скальпель, остановилось. Звери подняли вооруженные руки, — у Скальпеля отозвалось сердце... Но руки не опустились и не размозжили ему головы, потому что вперед выскочил седобородый старец с железным молотом в руке, — тяжелый молот вращался у него, как легкая тросточка в руках франта.

Неожиданно для себя, и тем более для обезьян, Скальпель заговорил.

— Это — мой молот, — произнес он скороговоркой, — вы его украли у меня и не имеете права им пользоваться...

Самец перестал вращать смертельным оружием и с огромным вниманием впился глазами в дрожащие уста Скальпеля.

— Да-да-да!.. — в душевном смятении Скальпель думал, что его понимают. — Молот мой. Я его сам делал и никому не отдам. Это я сказал и Николке, хотя он коммунист и почище вас.

Седая обезьяна, опираясь на молот, вплотную подошла к безволосому двуногому, изо рта которого выходили необыкновенные звуки. Заметив в провалившихся глазах обезьяны почти человеческое любопытство, Скальпель стряхнул с себя сковывающий мышление ужас. Человеческая речь могла спасти ему жизнь, и он без остановки заговорил:

— Славный дедушка, у вас, без сомнения, более, чем у кого-либо из вашего племени, человеческое лицо... если вашу звериную рожу можно назвать лицом... У вас и нос не так расплюсчен и надбровные дуги менее выдаются. Вы —

совсем первобытный человек, но ваши противные желтые клыки...

Обезьяна сунула корявый палец в рот Скальпеля, — тот, естественно, перестал говорить, — обезьяна приняла палец, и Скальпель, отплевываясь, снова заговорил.

— Когда вы мыли в последний раз свои руки, паршивый дед? Они отвратительны, не вкусны и скверно пахнут...

— Иау... гррр!..— неожиданно вырвалось у самца, и медик обомлел: неужели он меня понимает?

Нет, самец обратился к своей орде. Из его глотки полились лающие, хрипящие и воющие звуки. Орда ворчала недовольно, но опускала в землю горящие взоры. Потом самец положил руку на голову Скальпеля, чуть было не свихнул ее с позвонков и зарычал более миролюбиво.

— Значит, возьмут живьем,— сообразил Скальпель, — возьмут в качестве говорильной машинки...

После этого его оставили в покое.

Орда, во главе с вожаком, рассыпалась по двору, и... началось разрушение того, что созидалось с любовью и трудом в течение двух месяцев. В первую голову были убиты коровы, за ними свиньи и сайги. Куры и цыплята живьем попали на клыки...

— О мерзавцы! Мерзавцы!..— чуть не плакал Скальпель.

Не удовлетворившись двором, на котором были разрушены и испорчены сараи, лебедки, Николкины станки и верстаки (скелет первобытника тоже был разобран по косточкам), орда забралась в пещеру и не оставила там живого места...

— Вандалы! Мерзавцы!.. — скрежетал зубами Скальпель.— Оставьте хоть винтовку!..

Винтовка понравилась седому вожаку, и он забрал ее под мышку.

Потом орда, стаив убитых животных в одно место, расселась на земле вокруг и принялась за кровавую трапезу. Дымящееся мясо огромными кусками исчезало в зубастых пастьях, кости дробились острыми камнями, и из них вы-

сасывался мозг. Скальпель, от страшной картины впавший в угрюмое безмолвие, вдруг вспомнил, что Николка с минуты на минуту может вернуться; горя желанием спасти его от неминуемой смерти или пленения, он снова заговорил.

Вожак повернул окровавленную морду в сторону любопытных звуков, убедился, что машинка не трогается с места, и снова отдался насыщению себя.

Скальпель продолжал говорить, выкрикивая особенно выразительные места:

— Николка! На нас напала орда обезьян! Разрушила все. Меня пленили. Уходите в лес, не ходите сюда!.. Николка! Слушайте, слушайте!..

Его предупреждение дошло до уха фабзавука лишь после того, как чуткие уши обезьян поймали издали топот Живчика по камням. Бросив трапезу, все сгрудились около вожака.

— Николка! — крикнул последний раз Скальпель. — Вас ждет смерть или пленение...

Фабзавук, благодаря Керзону, узнал о нашествии обезьян задолго до того, как услышал отчаянный голос Скальпеля. Он примчался к воротам, держа топор наготове, и, не слезая с коня, прильнул лицом к отверстию между бревнами. Ему сразу бросилось в глаза разрушение их жилища, но человекообразность обезьян смутила его.

— Может быть, во всем виноват Скальпель, — мелькнуло у него соображение, — должно быть, раздражил чем-нибудь этих первобытников.

Но камень, с большой меткостью пущенный в отверстие между бревнами и там застрявший, разубедил его. Камень открыл действия со стороны обезьян. Издавая свирепый рев, первым громадными скачками приблизился к воротам седобородый вождь, за ним мчалась вся орда. О Скальпеле забыли, и он бросился к тому месту, где у них в углублении утеса хранились луки, стрелы и остальное вооружение.

Николка дождался, когда разъяренный вождь прыгнул на ворота; тогда он очень спокойно двинул по его лохма-

той башке тяжелой жердью молодого бука (бук был избран им для лыж). Оглушенный вожак свалился к ногам лошади, — лошадь угостила его дополнительно копытом, а Керзон — клыками. Николка увидел под мышкой у вожака свою винтовку, но поднять ее не успел: вся орда была на стене и начала метать камни. Живчик без понуждения пустился вскачь. Николка остановил его, когда камни перестали долетать. Обернувшись к стене, он был поражен тем, что там творилось — Керзон не последовал за лошадьёю и остался под стеной. Обезьяны, пока они были вооружены, не уделяли ему никакого внимания, слишком занятые странным сочетанием из лошади и голого двуногого, а теперь, размавав все камни, они боялись прыгать вниз, на полуторавершковые клыки, но не прыгали они и во двор, потому что оттуда летела стрела за стрелой. Конечно, Скальпель из десяти попадал только один раз, но у него в запасе находилось около двухсот стрел и он не жалел их: нет-нет, а какая-нибудь обезьяна кувыркнется со стены на безжалостные клыки Керзона.

Видя, что обезьяны обезумели от паники, Николка отозвал Керзона и позволил поредевшей орде соскочить со стены. Сломая голову пораженный враг кинулся к лесу.

Удерживая Керзона от погони, Николка подъехал к залитым кровью воротам. Под ними лежал самец с перегрызенной глоткой и две обезьяны со стрелами в груди. Они были бездыханны. Но, едва только лошадь поравнялась с трупом вожака, из-под последнего выскочило и метнулось к лесу живое забавное существо, ростом с семилетнего ребенка. Существо бежало, прихрамывая и отчаянно семеня маленькими ножками. Это был трех- или четырехлетний детеныш обезьяны, но руками он не касался земли, и из его глотки выходил самый настоящий, уши раздражающий детский плач.

— Керзон, ни с места! — приказал Николка и верхом пустился вдогонку за маленьким существом.

Живчик шутя догнал беглеца. Николка спрыгнул на землю. Беглец остановился, дрожа всем тельцем и безнадёжно, тоскливо всхлипывая. Он поднял обе руки вверх

и вперемешку с горьким рыданием что-то залопотал на своем языке. Из правой его ноги торчал обломок стрелы.

— Ну, ну, малыш, не реветь, — добродушно сказал Николка, — мы не звери какие-нибудь... иди сюда...

Малыш протер кулачками заплаканные глаза и вдруг доверчиво пошел на руки к коричневокожему юноше, тем не менее не переставая реветь. Его лицо не было покрыто волосами. Голова была круглой и достаточно объемистой, и изо рта не торчали клыки.

— Экое насекомое! — изумился Николка. — Он совсем не похож на тех, что удрали... Ну, не реветь!..

Он сел с ним в седло, к вящему недоумению Живчика, и тихо поехал к разбитому своему жилищу. Малыш, не переставая, плакал, хотя и прижимался крепко к фабзавуку.

— Нога болит? — догадался, наконец, тот. — Еще бы не болеть! Это тебя Скальпелище угостил... Ну, мы заставим его излечить тебя. Это он тоже умеет...

Скальпель встретил Николку с пленником — у ворот. У него был очень воинственный вид — лук в руках, колчан за спиной, топор за поясом — и слегка растерянная физиономия.

— Вы видели? — задал он горделивый вопрос.

— Ваше геройство? — усмехаясь, спросил Николка и передал ему своего раненого пленника. — Вы очень метко стреляете, — вот живое доказательство.

Скальпель побагровел и стал оправдываться.

— Это случайность... Видит бог, случайность... Я не стрелял в ребят... Да и вообще, выпустив добрую полсотню стрел, я попал только в двух случаях... Значит, это третий, но он совершенно ненамеренный...

Малыш, перейдя в объятия Скальпеля, почуял в нем своего будущего мучителя и прервал его оправдательную речь пронзительным верещанием.

Приятеля почему-то избегали глядеть друг другу в глаза, а если и взглядывали случайно — немедленно потуплялись. Хмуро и молча вытащил Скальпель осколок стрелы из ноги извивавшегося в Николкиных руках детеныша обезьяны, хмуро и молча перевязал рану. Николка не хмурил-

ся, тем не менее молчал тоже. Пока длилась операция перевязки, их молчание было естественно: малыш своим ревом заглушал всякие поползновения к речи

Перевязка окончилась, рев внезапно оборвался, — будто в небе посветлело, и молчание показалось диким и неловким.

— Вы чего помалкиваете-то? — спросил Николка.

— А вы? — был дипломатический ответ.

— Скверно все как-то вышло! — сознался Николка.

— Скверно, друг, — вздохнул Скальпель и комично прибавил: — А я-то о Художественном театре мечтал...

В небе совсем светло стало, то Николка прыснул смехом, и зазвенел, ему вторя, тоненький голосок обезьяны.

— Ха-ха-ха!.. — закатывался Николка.

— Хи-хи-хи!.. — вторил малыш.

— Хо-хо-хо!.. — грохнул и Скальпель.

Сквозь слезы на кумачовом лице выдавил Скальпель чле-но-раз-дель-ное:

— Вы... бы... ста-но-чек им по-ка-за-ли... И-ли лекций-ку о ком-му-низ-ме прочли... Хо... хо... хо!..

— На ги...тар...ке... На ги...тар...ке... — надрывался Николка, не будучи в состоянии окончить фразу. — Изо-бра-зи-ли бы что-нибудь на ги-тар-ке им...

Жалкие остатки гитары валялись подле них — какой-то любитель музыки из обезьян треснул ею по голове коро-вы...

Как ни смеялись друзья, все-таки на душе было грустно...

...Сквозь открытые настежь ворота вошел медлительный мастодонт. Ему странно показалось, что ворота открыты, и совсем чудно стало при виде трупов коров, свиней и сайг... Подняв вверх хобот, он затрубил в тоске и гнев.

— Бедный Малыш, — сказал Скальпель, — его друзья, которых он так любил... дергать за хвосты, — мертвы...

Обезьянка, сидевшая на плече фабзавука, насколько Керзона боялась, настолько не выразила ни малейшего страха при виде исполина-слона. Мало того, тонким голоском она попыталась подражать его мощному трубению...

Мастодонт, услышав этот новый для него звук, осторожно приблизился к Николке и, вытянув хобот, обнюхал маленькое существо с ног до головы. Друзья насторожились, и даже Керзон, гавкнув удивленно, тихо сел на задние лапы и склонил голову набок: мол, посмотрю, что будет дальше...

Мастодонт, казалось, что-то вспомнил: за свою чуть ли не двухсотлетнюю жизнь мало ли ему довелось видеть на свете белом? Обезьянка продолжала вести себя очень непринужденно: большим пальцем ноги, выдающимся среди всех и подвижным, как на руке, она пощекотала ощупывающий ее хобот и что-то такое произнесла, похожее на ворчание разнежившегося мастодонта. Тот же звук повторил гигант, сосредоточенно моргая глазами. Обезьянка как будто этого и ждала: спрыгнув с плеча Николки и проказливо гавкнув на остолбеневшего Керзона, она подняла с земли обломок сука и с ним смело подошла к находившемуся в раздумье гиганту.

— Урр..? — произнес гигант.

— Урр-урр... — ответила обезьянка.

— Смотрите, — прошептал восторженно Скальпель, — они разговаривают... Что вы скажете по этому поводу, мой друг?..

— Ничего, — ответил Николка, слишком увлеченный разыгравшейся перед ними сценой.

Обезьянка подошла к ноге мастодонта и суком поскребла у него складчатую столетнюю кожу. Мастодонт издал поощрительный звук. Тогда она перешла к хоботу и повторила то же с кожей хобота. Это опять понравилось гиганту, он даже закрыл глаза в истоме.. Почесывая хобот в разных местах, обезьянка продолжала издавать ласковые звуки, и их хорошо понимал мастодонт, отвечая на них растроганным трубением. Керзон удивленно тьякнул: вот, мол, пройдоха! Обезьянка резко обернулась к нему и, в свою очередь, тьякнула, но укоризненно. Керзон конфузливо замотал головой.

— Смотрите: она и по-собачьи умеет!.. — тьякнул в третью очередь Скальпель.

Дальше произошло то, о чем приятели всегда мечтали, но боялись сделать. Мастоодонт дутой вытянул конец хобота, эту дугу оседлала обезьянка, хобот стал медленно подниматься, и по нему, как по мосту, обезьянка, не выпуская сука, перебралась на голову гиганта...

Керзон не выдержал и обиженно залаял. Скальпель хлопнул в ладоши, Николка захохотал. Всем троим обезьянка дала наставительную отповедь. К собаке она обратилась на собачьем языке, в результате чего Керзон поджал оскорбленно хвост; к Николке и Скальпелю — на языке, состоявшем из множества гласных, — на языке своего племени. Двуногие не оскорбились, подобно собаке, а засмеялись дружелюбно. Хитрая обезьянка, чувствуя свою недостижимость, показала им язык и суком стала скоблить за ушами у мастоодонта. Гигант до того растрогался, что его нежное ворчание перешло в сплошной стон...

— Оставим нашего нового друга за его приятным занятием, — сказал со вздохом Скальпель, — и давайте подведем итоги своему двухмесячному существованию в первобытном мире.

— Цыплят по осени считают, — буркнул в ответ по своей скверной привычке Николка. — Я очень рад, — прибавил он, — что нас ничто теперь не заставляет сидеть на одном месте.

— Но... друг мой, зима...

— Ну что ж, что зима? Давайте уйдем от нее.

— То есть как?

— Очень просто. Соберем свои харахорки и пойдем на юг.

— Послушайте: идея! — воскликнул Скальпель, не жалея своего лба для лишнего удара. — От зимы действительно можно удрать, только пойдем не на юг, а на восток.

— Почему на восток?

Скальпель не сразу ответил.

— Видите ли... я надеюсь, вы не считаете, что наше пари закончено?..

— Конечно, нет. Произошло скверное недоразумение. Если бы был я, этого никогда не случилось бы.

— Не будем говорить о том, что случилось бы и чего не случилось бы, — отвел в сторону Скальпель неприятное направление разговора. — Ни вы, ни я не проиграли, не выиграли. Вернее, мы оба проиграли...

— Дальше, дальше... — предложил Николка.

— Вот я говорю: идемте на восток... В науке есть предположение, что первые люди пришли в Европу с востока, из Азии; не будем ждать их прибытия, отправимся к ним навстречу...

— Откуда вы знаете, — возразил Николка, — что людей здесь нет? Разве те, что произвели этот разгром, не люди?

— Они люди, но выродившиеся, — с апломбом отвечал медик и поспешил объяснить свой апломб: — Есть научное положение, что все животные, в том числе и человек, в ранней своей молодости строением организма походят на первобытных своих предков. Так, настоящий человек — гомо сапиенс — в утробном состоянии покрыт волосами, — указание на животное происхождение человеческого рода. В младенческом состоянии у него весьма подвижны большие пальцы ног, — указание на родство с обезьянами, — приплюснут нос...

— Знаю, — перебил Николка, — дальше!

— Вот и у нашей орды, что сделала на нас столь блестящее нападение, дети значительно отличаются от взрослых субъектов. У них крупнее голова, не так выдаются надбровные дуги, они менее волосаты, наконец. Это прямое указание, что наши громилы знали лучшие времена, т. е. я хочу сказать, что их предки если и не были настоящими людьми, то, во всяком случае, были более человекообразны.

— Значит, они все-таки люди? — стоял на своем Николка.

— Люди, — согласился Скальпель.

— Тогда я ничего не понимаю...

— Что вы не понимаете? — с укором в голосе спросил Скальпель, чувствуя, что они уклоняются от нити разговора.

— Не понимаю вот чего, — упрямылся Николка. — Вы говорите, что мы находимся в плиоцене. Плиоцен предшествует ледниковым периодам. Первый ледниковый период — известно ли это вам? — начался в конце плиоцена, то есть, как считают ученые, около миллиона лет тому назад (считая, конечно, от начала культурного летоисчисления). Самыми древними останками первобытных людей Европы являются кости так наз. Гейдельбергского человека, по своим физическим признакам близкого к нашим первобытникам-гомоидам. Эти останки найдены в первом или втором межледниковом периоде, т. е. от нашей эры 200-400 тысяч лет тому назад и... в то же время мы встречаем людей в плиоцене, в котором, по вашему уверению, находимся мы сейчас. Как согласовать это с наукой?

— Ага, — сказал Скальпель, — понимаю. Но я вас еще больше удивлю, если скажу, что мы сегодня имели (и имеем) удовольствие видеть более высокостоящую человеческую расу, нежели раса «гомоид»...

— Вы говорите про малыша, — догадался Николка, — но тогда я совершенно отказываюсь вас понимать и начинаю не доверять науке.

— Напрасно, — усмехнулся злорадно Скальпель, — у вас очень короткая память... Прежде всего, я вам скажу, что вы забываете о плохой сохраняемости человеческих костей в земле. И затем, если не найдено до сих пор человеческих останков более древних, чем ледниковые, то найдены зато следы деятельности человека в самом начале плиоцена. Не помните? Ага! А я помню... В южной Франции, в местности Орильяк, в древнеплиоценовых отложениях долины Тана обнаружены скопления кремней, имеющих на себе типические признаки отбивания. Как вы знаете, кремни употреблялись первобытным человеком в качестве оружия, он их только отбивал (и то не всегда), чтобы придать им более удобную и острую форму. Мало того, я скажу вам еще один, очевидно, вам неизвестный факт: несколько лет тому назад в южной Англии был найден череп ископаемого человека, и этот череп обнаруживает близость к виду разумного человека, а не первобытного, в то время, как су-

ществование его ученые относят к концу плиоцена. Я думаю, что теперь вы достаточно убеждены?

— Да, — признался Николка и резюмировал то, что он узнал от Скальпеля: — Значит, человек появился в Европе гораздо раньше найденного Гейдельбержца. Если кремни, отбитые его рукой, относятся к началу плиоцена, то это уже пахнет двумя-четырьмя миллионами лет. Он не оставил после себя костей, потому что человеческие кости плохо сохраняются, это — во-первых, и, во-вторых (вы об этом не говорили, но я скажу), переселение человека из Азии в Европу в начале плиоцена, нужно предположить, происходило в небольших размерах.

— Очень хорошо, — тоном справедливого учителя одобрил Скальпель и уже своим тоном добавил: — Значит, идемте на восток, где человек более многочислен.

— На восток, так на восток, — согласился Николка. — Только бы там зимы не было.

— Не будет, — уверенно сказал Скальпель, будто времена года были подвластны ему. — В Азию ледники не заходили, насколько мне помнится...— И он лукаво взглянул на фабзавука, желая проверить его знания.

— Не заходили, — подтвердил Николка, — собираемся в Азию.

Друзья не откладывали своих сборов, но нужно было кое-что приготовить, и это вызвало задержку до вечера. На ночь глядя, не стоило отправляться в дальний путь, поэтому выступление все-таки было отложено до утра.

Караван в степи. — Как обезьянка получила имя Эрти. — Обезьянка Эрти — не обезьянка. — «Жур-жур». — «Ночь + ночь». — Столкновение с первобытным носорогом. — Скальпель в качестве лихого наездника.

Густолиственный лес с красками, поблекшими от холодного дыхания осени, оборвался степью. В белесовато-голубой свод убегающей ширию уходила гладь спаленных солнцем трав. В порывах ветра печально-звонко шелестела трава, и шелест ее, собранный со всего необъятного простора, был подобен гулу метельной вьюги в морозную ночь. И лес, и степь, и небо за лето выгорели и полиняли; яркие свежие цветы юности сменились ветхой пестротой возмужалости и сединой старости. Терпкие ароматы — ароматы увядания и смерти — носились над волнующимся простором. Оживлявший его в осенние и летние месяцы крикливый мир пернатых улетел на теплый юг; в густой траве не видно было проворных грызунов — обычных обитателей степи, ни быстроногих антилоп, ни ветвисторогих оленей; лишь высоко в небе парили ширококрылые орлы — может быть, тоже собиравшиеся в отлет. Унылая степь готовилась надеть белый саван снега...

...Затрубил рог на опушке леса; веселые человеческие голоса раздались вслед за ним. Жизнерадостный лай вынесся из-под осенне-пестрой кровли леса, и белая спина громадной собаки заныряла в высокой траве. За собакой, возвышаясь монументальным туловищем над волнистым абрисом степи, показался медлительный мастодонт с диковинным балдахином на спине... В балдахине, преважно развалясь, сидел ученый медик Скальпель. В пяти шагах сзади мастодонта на резвом Живчике ехал Николка, а сзади него вприпрыжку бежала человекообразная обезьяна.

— Товарищ Даниленко! — крикнул Скальпель, перегнувшись назад через борт балдахина. Фабзавук, лениво щурясь на полуденное солнце, пропустил мимо ушей его при-

звив. — Николка-а! — громче прокричал Скальпель. — Подъезжайте-ка сюда...

— Это приволжские степи, надо думать, — сказал он, когда фабзавук подъехал. — А ведь мы с вами о Волге-то забыли... Как через нее перебраться?

Николка блаженно-рассеянным взором уставился на ученого медика и вдруг выпалил без запинки:

— Только тогда особенно остро чувствуешь всю прелесть солнца, когда оно утром встает холодным и блестящим и лишь к полудню начинает пригревать.

Скальпель вытаращил глаза:

— Вы это к чему?

— Так... — просто отвечал фабзавук. — Я сформулировал, наконец, свое состояние... Чертовски приятно греет солнце...

— Ага, понимаю, — учтиво посочувствовал Скальпель, защищенный от солнца навесом из липовой коры, и, чтобы его сочувствие не было голословным, выставил руку под солнечные лучи. — Очень приятно, вы правы... Однако надо ответить на мой вопрос.

— Например? — Николка или забыл, или совсем не слышал этого вопроса.

— Как нам через Волгу-то перебраться? — повторил Скальпель.

— Вплавь, — не долго думая, отвечал фабзавук.

— Не годится, — возразил Скальпель. — Волга широка, мы потонем.

— Ну, вы что-нибудь должны придумать, — беспечно произнес Николка и задержал лошадь, чтобы, пропустив вперед мастодонта, ехать по широкой удобной дороге, оставляемой им. Скальпель принужден был над проблемой предстоящей переправы размышлять единолично.

Вторая неделя стояла на исходе от того момента, когда друзья, соорудив над мастодонтом, по идее Николки, балдахин и погрузив на него остатки своего домашнего скарба и железные поделки, случайно уцелевшие от разгрома, тронулись в далекий путь, убегая от зимы и одновременно ища встречи с представителями первобытного человечества. В

самом начале, вместо того, чтобы идти на восток, они должны были взять южнее, так как на их пути тотчас же встали непроходимые болота и широкие озера — «остатки мезозойских морей», — сказал Скальпель. За две недели друзья имели множество опасных встреч с хищным зверьем и приобрели благодаря этому большой опыт в путешествии по первобытным джунглям. Этот опыт заставил их раз навсегда принять определенный порядок в своем следовании: впереди обыкновенно бежал Керзон, острым чутьем задолго предвосхищавший опасности; вторым шел гигант Малыш, не один раз принимавший на свои длинные и острые бивни зубастого или рогастого врага; третьим, верхом на Живчике, следовал Николка, вооруженный с ног до головы, а именно: винтовкой, топором, кинжалом и луком; с ним, примостившись на крупе лошади, обыкновенно ехал второй малыш — человекообразная обезьянка, у которой зрение и чутье ничуть не уступали в остроте Керзону. Николка с обезьянкой, таким образом, составляли тыл каравана. Впрочем, нельзя сказать, что они это свое назначение несли школьнически-прилежно, зато поведение их бесспорно было поведением школяров, улизнувших с неинтересного урока...

Малыш-обезьянка, об имени которой следует поговорить отдельно, с первого же дня привязалась к фабзавуку настолько безотносительно и безусловно, что она и спала, и ела, и развлекалась пением исключительно на его плечах. Это был маленький проказливый человечек, очень понятливый, все быстро схватывающий и запоминающий, кроме скальпелевского букваря и кубиков, до безрассудства обожающий головокрумные трюки на верхушках деревьев и на спине добродушного мастодонта. Звали обезьянку Эрти, — так, по крайней мере, она называла себя. История этого наименования была такова:

— Слушайте, друг, — обратился Скальпель к Николке на второй день после пленения малыша, — ему нужно дать какое-нибудь человеческое имя.

— Смотря по тому, что вы понимаете под человеческим

именем, — отозвался Николка, занятый сооружением балдахина.

— Что я понимаю? — Скальпель поднял брови и напряг соображение. — Ну вот, например, не дадите же вы ему такого собачьего имени, как Керзон?..

— Вы правы, — усмехнулся Николка, — такое имя не годится для славного малыша... И вообще, прежде чем нарекать именем, надо бы спросить его самого, как его зовут.

— Идея! — воскликнул Скальпель, ладонью отягивая себя по лбу. — Иди сюда, малыш, и отрекомендуйся нам.

Первобытный человечек находился в это время на одном из своих любимых возвышений — на спине гиганта-мастодонта. Он понял пригласительный жест Скальпеля и быстро спустился вниз по хвосту своего большого друга. Скальпель сосредоточил его внимание на своей персоне и произнес внятно, тыча себе в грудь перстом:

— Я — доктор Скальпель. Понял?

И еще раз:

— Доктор Скальпель — я. Понял?.. А ты кто?..

Малыш недоуменно пялил глазенки на ученого медика, но отрекомендоваться не спешил. Тогда инициативу взял фабзавук. Он поднял на руки обезьянку и, ударив себя в грудь, сказал:

— Коля.

— Кьоль...—повторила сразу обезьянка.

Потом Николка прикоснулся к груди медика:

— Пель... (Для облегчения произношения он так назвал Скальпеля).

— Ффель...— сказала обезьянка, заблистав глазенками.

Потом он безмолвно прикоснулся к груди обезьянки.

— Эрти, — живо произнесла та.

Она, собственно, сказала «Мъэрти», но звук «м» так был глух, что фабзавук пренебрег им.

— Вот вам имя нашего нового друга, — сказал он. — Эрти — очень красивое имя и непохожее на собачье.

Скальпель, подавив зависть к удачливому фабзавуку, тотчас же ударился в филологические изыскания:

— Интересно... Малыш и убитую корову назвал именем «Эрти», и вожака обезьян, после того как он был убит — «Эрти», и всякое действие, вы заметили, связанное с убийством, он называет «Эрти»... Странно... Почему же для себя он тоже оставил это имя... Нет ли здесь связи со словом «смерть»?

— Он был ранен, — сказал Николка, — на нем была кровь; очевидно, это связывает его с убитыми.

— Может быть, — согласился Скальпель, — но я думаю, ведь он имел имя еще задолго до своего пленения, следовательно, и до ранения.. Позвольте, позвольте! Как будто бы малыш говорит не «эрти», а «мьэрти»? Не так ли?..

— Мьэрти... Мьэрти... — подтвердил сам малыш, ручонкой ударяя себя в грудь.

— Ну вот видите? — подхватил Скальпель. — Здесь скрывается какая-то загадка. Несомненно, имя малыша имеет отношение к смерти... — И он глубоко задумался*.

После этого прошло около двух недель. От своей пещеры друзья успели уйти километров на 700 с лишком. Природа и климат пока не обнаруживали каких-либо резких изменений, тем не менее ученый медик уверял, что зима определенно остается позади них. Пожалуй, он был прав: когда они находились в своей пещере, утренние заморозки с каждым днем делались крепче и продолжительнее, корочка льда в кадке для воды день ото дня становилась толще и толще, а ночи суровее и суровее. Теперь же зима как будто призадумалась — к завоеванным позициям она уже не прибавляла ничего: ночи продолжали быть студеными, но студеность их больше не увеличивалась. Пожалуй, Скальпель был прав: если они и не обгоняли зимы, то и не давали ей перегнать себя.

* Догадка д-ра Скальпеля имеет под собой большое основание: на санскритском (древнеиндийском) языке слову «мертвый» соответствует «мрта», «смерти» — «мртиу», «смертному» — «мртиа». (Здесь и далее примечания автора).

А сегодняшний день? Он ли не во исполнение Скальпелева уверения? Сегодняшний день прямо-таки удивителен. Он как будто стал на невидимой грани между холодным севером и жарким югом. Утром было прохладно, как никогда. (Это до степи, когда друзья проснулись под кудлатой кроной столетнего дуба.) Чахлая травка заиндевела и была подобна хрупким полоскам, выточенным из стекла: она звенела под ногами и ломалась. При дыхании — изо рта шел густой пар. Мастоdont недовольно чихал, а неутомонный Эрти совсем не пожелал спускать ног с Николкиных плеч. «Сни», — сказал он боязливо, что Скальпель не замедлил перевести, как «снег», — ведь по-латыни снег будет *никс*, а маленький Эрти, несомненно, принадлежал к индоевропейской расе.

...Это до степи. В степи же, вопреки ее унылому виду, чувствовалось совсем иное. С первых же шагов влажное теплое дыхание повеяло в лицо, а к полудню солнце грело, как хорошая пудлинговая печь, и в воздухе запарило. К этому времени относится рассеянное замечание Николки относительно солнца, «всю прелесть которого...» и т.д. Как известно, после его замечания между друзьями состоялся разговор на тему о предстоящей переправе. Разговор окончился ничем, и Николка, пропустив мастодонта, занял свое арьергардное место в караване.

Маленький Эрти устал прыгать, устал стрелять из лука (подарок Николки) в воображаемого врага и разыскивать стрелы в густой траве. В целях небольшого отдыха он решил оседлать Керзона, — ведь это было вполне естественно: он такой маленький, а собака такая сильная и громадная. Но Керзон отнесся неблагоприятно к перспективе быть верховой лошастью и, как только Эрти оседлал его, он сам сел на задние лапы. Эрти поупорствовал немного в своем желании, но Керзон был непреклонен; мало того, он даже вымолвил обидное «ррргау», что значило «слезай, дурак». Эрти ответил ему: «гаурррр», то есть «от дурака слышу», и слез. Между нами говоря, на плечах коричневого Коли дышать было всегда удобнее и куда интересней, к спине Керзона малыша Эрти привлекала лишь прелесть новизны, но

раз собака оказалась такой глупой, что ж поделаешь? Эрти догнал лошадь, прыгнул ей на круп и с крупа перебрался на Николкины плечи. Затем он вдруг вытянул шею, насколько мог, глубоко вдохнул через ноздри воздух и, улыбнувшись Николке в лицо, сказал:

— Жур-жур...

«Жур-жур» на его языке значило — «вода». Маленький Эрти обладал чисто звериным чутьем и благодаря ему безошибочно предсказывал не только воду, но и появление диких зверей: хищников, копытных и хоботных.

За две недели фабзавук познакомился хорошо с немногочисленным лексиконом Эрти и научился удовлетворительно понимать его.

— Где жур-жур? — спросил он.

Эрти махнул рукой вперед.

— Много жур-жур? — спросил Николка.

Малыш зажмурился крепко, надул щеки и энергично замахал растопыренными пальцами рук.

Такая мимика, в связи с жестикуляцией, у него отвечала понятию «много», в данном случае — «много воды». Если бы он только зажмурился и надул щеки, была бы просто «темная ночь». О связи между понятием «много» и «ночь» Николка знал. Предки русских тоже прибегали к соответствующему термину; когда они хотели сказать о неисчислимом количестве, они говорили «тьма», то есть, иначе, «черная ночь», «темь + темь». В церковнославянском языке с тех пор слово «тьма» стало служить для обозначения числа «10000», а в народе и по настоящее время вместо того, чтобы сказать «очень много», говорят «тьма тьмущая». Еще знал Николка: у многих современных народностей, находящихся в первобытном состоянии культуры и умеющих считать только до десяти, число 10 равнозначно понятию ночи; у других народностей, более культурных, чем эти, перешагнувших в счете через десятку, число «11» соответствует понятию «ночь + один», 12 — «ночь + два», 13 — «ночь + три» и т.д. Эрти был более скромнен в своих математических способностях: у него «ночь» в первые дни пленения начиналась уже после пятой единицы,

считал он по пальцам левой руки и при этом не выказывал ни малейшей возможности перейти на правую руку для продолжения счета. С самого начала Николка пытался на живых предметах убедить малыша, что, кроме пяти единиц, существует еще и шестая, не говоря о прочих.

— Ну, считай, сколько нас здесь всех, — говорил он, иллюстрируя свои слова выразительными жестами и мимикой.

Эрти окидывал немного растерянным взглядом весь караван и, загибая пальцы на левой руке, начинал считать, начинал обязательно со своей персоны:

— Мъэрти (мизинец), Кьоль (безымянный), Ффель (средний), Кьер (т.е. Керзон — указательный), Ду-ду (мастодонт — большой палец)...

— А Живчик? — спрашивал Николка.

— ...Чик? — Эрти крепко зажмуривал глаза, потом открывал их, разгибал перечисленные пальцы и долго смотрел на них с сердитым недоумением: как это, мол, так случилось, что для резвого Живчика не хватало на руке пальца... Николка пробовал дать ему выход из неприятного положения. Он начинал считать сам по его же пальцам и считал с того же мизинца:

— Эрти, Коля, Пель, Кер, Ду-ду... — потом переходил на мизинец правой руки: — Живчик.

— Не... — говорил малыш, упрямо тряся головкой: — Мъэрти.

У него каждый палец был тесно связан с образом, в частности — мизинец, на какой бы руке и на чьей бы руке он ни был, представлял собой его самого, большой палец мастодонта, средний Скальпеля и т. д. Как Николка ни изворачивался и ни хитрил, из его добрых намерений ничего не выходило. Только когда на помощь пришел Скальпель, дело со счетом двинулось вперед с мертвой точки.

— Да бросьте вы пальцы, — сказал он, — возьмите вместо них камешки или орехи, посмотрите тогда, что получится...

Николка внял мудрому совету медика, набрал полную горсть мелких разноцветных камешков и с ними добился

действительно хороших результатов: была, наконец, побеждена «ночь».

Выбрав небольшой черный камешек, по своему цвету подходивший к цвету волосяного покрова малыша Эрти, он назвал его именем своего ученика. Второй камешек — серый и неуклюжий — был назван именем мастодонта, третий (коричневый с белой лысинкой) — именем ученого медика, четвертый — фабзавука и пятый — собаки.

— Теперь для Живчика выбери сам, — предложил Николка Эрти.

Малыш, порывшись в кучке камней, без колебания остановился на полосатом халцедоне (ониксе).

— Ну-ка, теперь сочти все, — снова предложил Николка.

Эрти досчитал до своей предельной «ночи», немного подумал и сказал, лукаво усмехнувшись:

— Ночш, — прраз...

Нужно сказать, что и для счета, и для ночи (как времени дня) у него не существовало своих названий. Здесь он в первый раз употребил названия Николки.

После этого переломного шага в течение следующих дней Эрти легко дошел в счете до десяти; последняя цифра у него значилась, как «две ночи»... С той поры калькуляционные камешки безотлучно находились при нем, сначала за щеками, затем в специальной сумочке у пояса, сплетенной Николкой из травы. Его страсть к собиранию камешков и упражнению с ними в математике росла с каждым днем, параллельно увеличивалось катастрофически количество самих камешков: первоначальную сумочку вскоре пришлось заменить более крепкой и объемистой; к концу второй недели путешествия и эта была накоплена до краев; по своей тяжести она стала непосильной маленькому Эрти, и фабзавук пристроил ее к луне седла... Счет дальше десятка, однако, с места не двинулся.

Для исчисления жидких и сыпучих тел Эрти прибегал к пригоршням, но и здесь пределом у него стали «две ночи». Когда же необходимо было выразить гораздо большее количество, он использовал свой старый, допотопный, как

его называл Николка, способ: плотно закрывал глаза, надувал щеки и растопыренными пальцами махал перед носом.

— Доктор, — поспешил оповестить друга Николка, — Эрти говорит, что впереди много воды...

— А я вам о чем же говорил? — возразил медик. — Мы-таки упремся в целый океан...

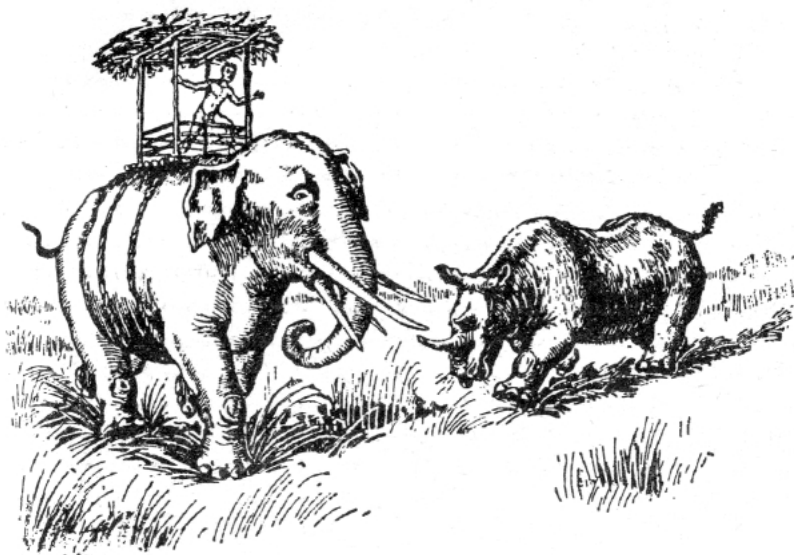
Но раньше океана они уперлись в широкую степную речушку, совершенно невидимую издали за густой стеной двухметровой травы. Им не в первый раз приходилось переходить вброд или вплавь многочисленные озерца, болота и реки. Среди них преобладали горько-соленые неглубокие озера — остатки океана, некогда расстилавшегося над всей Россией. Они были лишены всякой живности из-за пресыщенности солями и поэтому не представляли опасностей для переправы. В реках из крупных животных до сих пор попадались лишь одни неуклюжие, глыбоподобные бегемоты, — перед колоссом мастодонтом они неизменно отступали.

Первым увидел речушку Скальпель с высоты своего балдахина, — Керзон в это время гонял где-то в стороне, охотясь за сурками. Ученый медик благодушно сообщил Николке:

— Сейчас мы сделаем привал... да, привал. Мне надоело качаться на Малыше... Еще хорошо было бы вскипятить чайничек...

Но обстоятельства сложились иначе, и о чайничке надолго пришлось позабыть. Свирепый лай, затем отчаянный предупреждающий визг, и под брюхо мастодонта, как под надежное прикрытие примчался Керзон с панически поджатым хвостом. Он прибежал справа от реки. Мастодонт резко повернулся в ту сторону, выставив вперед грозные бивни. В ту же секунду, проторяя в траве широкую дорогу, на него налетел чудовищно-громадный носорог, покрытый густой шерстью. Он лишь немногим уступал Малышу в росте, вооружением же почти был равен: на его морде один за другим высились два острых рога, из которых передний достигал метра. Для обоих гигантов столкновение вышло неожиданностью. Носорог не успел нагнуть головы, чтобы

вспороть брюхо внезапной преграде, он только коснулся на бегу столетней кожи; от этого прикосновения, однако, длинная кровавая полоса выступила на боку мастодонта.

Мастодонт сделал прыжок, который при иной обстановке показался бы смехотворным, и, в свою очередь, разодрал бивнями волосатую кожу. В момент этого прыжка Скальпель, не удержавшись, вылетел из балдахина и четырехлопастным пропеллером завертелся в воздухе. Страшный враг повернулся на месте, чтобы сразиться с достойным противником, и вдруг почувствовал на спине своей тяжелое тело, судорожно вцепившееся в его волосяной покров, — то был Скальпель, удачно снизившийся... От неожиданности носорог ринулся в сторону, пропустив мимо себя разъяренного мастодонта, и в слепой панике ударился в бегство через реку, унося на себе по привычке закаменевшего медика...

Вся драма развернулась и закончилась в несколько секунд. Зрители ее — Керзон, Живчик, Николка и Эрти — только и успели, что открыть и закрыть челюсти.

Первым опомнился Керзон. С зловещим молчанием он кинулся вдогонку за похитителем, но река остановила его: она кишела подвижными бревнами. Николка и Эрти, подоспевшие на Живчике, увидели в воде целый склад... крокодилов, а на другом берегу — Скальпеля, трепавшегося на волосатой спине носорога. Ополумевшее животное мчалось ураганом и скоро скрылось в высокой траве.

— Ффель!.. Ффель!.. — жалобно простонал Эрти. — Ффель — тютю!..

На сцену снова выступил мастодонт; его, как и носорога, не остановили отвратительные бревна. Тех, которые не успели посторониться, он просто расплющил и вдавил в тинистое дно реки. Керзон и Живчик, не давая сомкнуться широкой дороге, оставшейся после мастодонта, бросились в реку. Вода не была глубока, даже Керзон всюду доставал дно. К Живчику, двигавшемуся в воде медленней собаки, когда он был на середине, подплыли с обеих сторон два крокодила; густо усаженные шилообразными зубами челюсти алчно устремились к ногам Николки. Эрти, завизжав от удовольствия, с плеч своего друга ловко пустил стрелу в глаз одного крокодила, другого Николка трахнул топором по черепу. Лошадь благополучно выбралась на берег...

Впереди всех неся мастодонт, гулко сотрясая растрескавшуюся почву и поднимая облака пыли, неся по прямой линии, так как с высоты своего 4-метрового роста он видел и Скальпеля, и носорога. За ним с зловещим безмолвием мчалась собака, делая саженные скачки. Последним следовала группа из троих.

— Ффель!.. Ффель!.. — стонал Эрти.

— Ни черта!.. — успокаивал Николка. — Ни черта ему не сделается, если только не упадет... Пусть не падает...

Один за другим убегали километры назад. Ложились на землю высокие травы, образуя мягкое шоссе среди простора степей. Разбегались в стороны сайгаки, олени и гиппарионы. В небе над мастодонтом кружилась стая орлов и коршунов.

Носорог, растративший свои силы в безумном ужасе, начал сдавать, когда километров 15 было отброшено им на-

зад. Расстояние между ним и Керзоном, опередившим тяжеловесного мастодонта, стало таять. С плеч Николки Эрти увидел ровную полосу леса, к нему мчал, выбиваясь из последних сил, носорог.

До леса оставалось меньше километра, когда Керзон нагнал врага, унесшего старшего двуногого, и вонзил клыки в лохматый зад. Носорог затормозил бег на всем ходу и повернулся с такой быстротой, которой нельзя было от него ожидать. Скальпель совершил второй полет — со спины в густую траву. Собака силой вращения была отброшена туда же, а перед носорогом вырос вдруг гигант мастодонт. Он ревел свирепо и оглушительно, ревом несколько разряжая клокотавшую в нем ярость. Все-таки носорог был проворней: он сумел уклониться от смертоносных бивней, они содрали ему лишь кожу со спины. Совершенно неожиданно Николка увидел рогатого зверя в двух шагах от себя. Он не успел ни выстрелить, ни направить лошадь в сторону. Носорог налетел с низко пригнутой головой и страшным движением вверх всадил рог... в сумку Эрти, висевшую на луке седла. Из распоротой сумки дождем брызнули разноцветные камешки. Один из них попал в широко раскрытую пасть обезумевшего зверя... камешек заскочил в дыхательное горло... конвульсивный кашель удушья потряс массивное тело. Еще секунда — и четыре острых бивня пронзили его. Как взорванная скала, рухнул рогатый исполин на землю...

Разбушевавшийся мастодонт долго не мог успокоиться; он топтал труп врага до тех пор, пока не превратил его в кровавое месиво и пока не увидел своего учителя, с извиняющейся улыбкой приближавшегося к месту развязки.

Спустя минуту говорил ученый медик плясавшим вокруг него в диком восторге Николке, Эрти и Керзону:

— Ну и задал я рогачу перцу... Он несся, будто пущенный из гигантской пушки...

Еще минуты две спустя очередной отрывок из палеозоологии струился плавно из уст ученого медика.

— Видите ли, дорогие товарищи... Носороги двадцатого века, водящиеся исключительно в Ост-Индии, на Больших Зондских островах и в Африке, почти совершенно голы.

Тем более поразительно, что их детеныши появляются на свет покрытые волнистой шерстью... Я вам говорил — в случае с напавшими на нас обезьянами — о симптоматичности этого явления. И волосатость детенышей носорога является указанием на то, что их предки некогда были покрыты волосами. Это мы и видим у нашего плиоценового носорога.

Плиоценовый человек. — Необыкновенные следы. — Керзон — путеводитель. — Волга. — Пещерный хищник. — Подвиг Эрти. — Стоянка первобытного человека. — Великан Мъмэм — ариец. — Николка в роли дипломата. — Братание с плиоценищиками. — Скальпель — лингвист. — Скальпель находит своих плиоценовых предков.

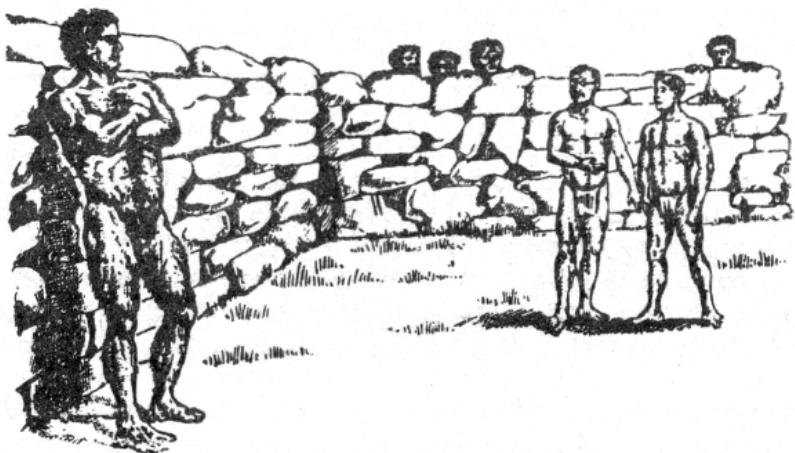
...То был настоящий человек. Человек конца плиоценовой эпохи. Он упал, как гром на голову, красной молнией, разодравшей черную ночь. Его вид, поистине, был великолепен и ослепителен... Слабыми, хрупкими детьми стояли перед ним люди XX-го века...

Скальпель всегда считал себя экзemplяром, по росту выдающимся среди своих современников; действительно, в нем было не меньше 170 сантиметров. Но чем казался он перед этим первобытным атлетом, которого рост заключал в себе целых 200 сантиметров, которому до сажени не хватало всего 3-х вершков?!

Он назвал себя гордо и непринужденно именем Мъмэм, скрестил на высокой груди покрытые желваками мышц руки и в свободной позе прислонился к стене. Его кожа, цвета красной меди, только местами была скрыта под густой растительностью, под черным волнистым покровом — на груди, в паху, на внешней поверхности рук, бедер, голей и на поясице. Он был слишком юн, чтобы иметь бороду и баки, — здесь у него кудрявился пушок, как и на всей, свободной от волос, поверхности тела.

Его бицепсы выпирали, как перекрученные узлами канаты, предплечье состояло из отдельных бугроватых тяжей, сходящихся в мощной кисти; дельтовидные мышцы выпуклыми треугольниками лежали на плечах. Но он отнюдь не имел громоздкого вида древнегреческого героя Геркулеса. Его стан был сух и изящен и, хотя четырехглавые мышцы на бедрах казались несколько тяжелыми, — длинные голени отличались легкостью, какая бывает только у

неутомимых бегунов, а икроножные мышцы на них не выдавались узловатыми буграми. Это был настоящий человек конца плейстоценовой эпохи... Николка не без зависти рассматривал богатырскую мускулатуру его, приобретенную не спортом и занятиями с гириями, а тяжелым повседневным трудом в суровой обстановке борьбы за существование. Скальпеля поражало другое в юном первобытнике.

На широких плечах покоилась гордо взброшенная голова, ее размеры превышали размеры головы культурного человека! Конечно, на глаз трудно было определить объем этого длинного и широкого черепа, но ученый медик готов был поклясться чем угодно, что он вмещал в себя не меньше 2000 куб. сантиметров мозга... Столь же замечательно, как и голова, было лицо. Широкий лоб, посредине выпуклый; длинные миндалевидные глаза, близко подходившие к переносице; узкий орлиный нос; мало выдающиеся надбровные дуги и треугольный подбородок, выступавший вперед с упорством и решимостью.

— Ба! Да это Кроманьонец! — воскликнул медик, делая шаг вперед. — Кроманьонец, но не тот, которого описал нам в свое время ученый Брока. Этот более первобытен и соответственно более могуч...

Он сделал шаг вперед. В это время... но здесь необходимо описать пропущенное...

После того, как Малыш-мастодонт превратил несчастного носорога в колоссальную отбивную котлету, друзья выслушали очередную лекцию д-ра Скальпеля и, укрепив расшатанный во время погони балдахин, не спеша тронулись по направлению к лесу. Хотя они не спешили, оживленный разговор (в нем принимали участие все, даже Эр-ти, даже Малыш и Керзон) сделал им путь незаметным. Первобытный лес, с жутким видом которого они уже освоились, но которого все же, по мере возможности, они избегали всем сердцем, принял их доброжелательно в свою тенистую прохладу. Эта доброжелательность выявилась в поведении Керзона, радостным лаем, — не в пример обыкновению, — наполнившего мрачные сырые своды.

— Что это с ним? — удивлялся Николка. — Будто собаке знакома эта местность?

— Собака чувствует человека, — предсказал Скальпель, — и она знает его, как друга. Это я вам говорил прежде, повторю и сейчас...

— Благодарю вас, вы уже повторили, — посмеялся Николка.

— Шутки в сторону, — серьезно сказал Скальпель, шагавший теперь рядом с Николкой, потому что в балдахине стало опасно сидеть из-за низкорослости деревьев и потому что балдахин был сложен.

— С некоторых пор, — продолжал он, — я не особенно стремлюсь к встрече с первобытниками... Уж очень они грубы и невоспитанны.

— Стой, мастодонт!.. Стой!.. Обрасти мхом, или я тебя убью!! — Так внезапно вскричал медик и совершил подвиг, никогда ранее с ним не случавшийся и не повторяемый впоследствии: он своими близорукими глазами обнаружил след, похожий на след человека; мастодонт чуть было не расплющил его колоннообразной ногой.

На влажной голой почве выступали: ясно выраженная пятка, внутреннее ребро ступни и пять пальцев, из которых большой был отставлен в сторону.

Николка по очереди предположил:

- Медведь?
- Орангутан?
- Шимпанзе?

На все три предположения Скальпель отрицательно махнул головой, потом глубоко вдохнул воздух, так же выдохнул его и жутким шепотом сказал:

— Че-ло-век...

— Хорош человек! — без всякой жути воскликнул Николка. — Человек, которого ступня равняется чуть ли не двум моим?!

— Вы ничего не понимаете! Это человек! — уперся Скальпель. — Приготовьтесь к встрече...

С ним нельзя было спорить: он, не приводя никаких доказательств и объяснений, твердил упрямо одно и то же.

— Голословное ваше утверждение, — сказал Николка и не пожелал больше интересоваться загадочным следом.

Подбежал на шум Эрти, стрелявший из лука лягушек. Нагнулся над следом, припал носом к земле, вскочил... и — не то с радостью, не то с боязнью — завопил:

— Фраар! Фраар! Фраар!

— Что я вам говорил?! — торжествующе сказал Скальпель, и Николка сдался, так как на языке Эрти слово «фраар» означало «брат» или вообще «человек». «Брат» — очень древнее слово: по-санскритски оно произносится как «братар», по-латыни — «фратер», по-немецки — «брудэр», по-французски — «фрэр», по-армянски — «ех-пайр» и на большинстве индоевропейских языков оно более или менее сходно. Первобытный язык Эрти объединял все эти слова своим «фраар».

Порешив на том, что необходима сутубая осторожность, друзья двинулись дальше. День стоял на исходе, лес бурлил хищными головами махайродусов, львов, тигров, волков и гиен, а у них не было еще места для ночного убежища. Весь караван сбился около мастодонта, неустрашимо размахивающего хоботом.

— Что за чертовщина?! — недоумевал боязливо Скальпель. — Почему здесь так много зверья?

И через минуту.

— А-а-а, догадываюсь: оно бежало от зимы и уперлось в Волгу. Мы тоже упремся...

Ночевать под открытым небом, в дебрях, наполненных голодными хищниками, даже под защитой огня и мастодонта, представляло смертельную опасность. Исходя из этих соображений, Николка через Эрти, говорившего по-собачьи совершенно свободно, дал Керзону задание до захода солнца найти укромное место для ночевки. Керзон не в первый раз исполнял такого рода задания, но никогда еще он не вел караван так легко и уверенно, как в этот раз, и никогда не выражал такого телячьего восторга, как выражал теперь, несясь зигзагами вперед и с радостным визгом обнюхивая на пути встречные корни и стволы.

— Черт его... — бурчал Скальпель. — Он заведет нас в какое-нибудь собачье логово...

Солнце садилось. Кровавые пятна — отсветы облачного заката — легли на сырую землю, выстланную в несколько слоев черной перегнившей листвой. Корявые, с северной стороны поросшие седым мхом, приземистые деревья с каждым шагом напирали гуще и гуще. В непроходимую глушь вел Керзон путешественников; хищное зверье плотным кольцом, — правда, державшимся на почтительном отдалении, — неотступно следовало за ними. Но это не смущало собаку: присутствие несокрушимого ничем гиганта мастодонта и младшего двуногого с палкой, изрыгавшей огонь и гром, обеспечивали ей бодрость духа и неустрашимость. С значительно меньшей бодростью шли двуногие и Живчик.

Спустя час после быстрого перехода по лесу через поредевшие вдруг деревья блеснула яркая гладь вод, — от ветроносного заката она горела багрянцем. Собака еще уверенней и еще радостней побежала вперед. Она привела приятелей к обрыву, над которым великаны-дубы беспомощно развесили узловатые лапы корней. Внизу, саженьях в двадцати по откосу, отлого сбегал к воде песчаный берег, заваленный отрывами скал, — какая-то разбушевавшаяся стихия разбросала их в хаотическом беспорядке.

— Вот и уперлись, — грустно сказал Скальпель. — Это — Волга. Волга-матушка!..

— Дей-стви-тельно... — недоверчиво протянул Николка. — Хороша матушка, когда ей не видно ни конца, ни края...

— Вы забываете, друг мой, — с той же грустью начал повествовать Скальпель, — забываете, что в конце третичного периода, т. е. как раз в плиоцене, Черное море было еще соединено с Каспийским, и эти два моря занимали гораздо большую территорию, чем та, которая нарисована в учебниках географии XX-го века. И Волга тогда была многоводней, т. е. шире. Впадала она в соединенные моря значительно выше, приблизительно у южного конца Приволжских возвышенностей... Здесь, по всей вероятности, мы и находимся. Интересно узнать вкус воды, я думаю, что она — горько-соленая...

Керзон не стал дожидаться конца ученой речи. Убедившись, что его друзья и покровители не особенно удручены подавляющим видом безграничных вод, он лаем пригласил их следовать за собой дальше. Широкая тропа — зверили, люди ли ее протоптали? — извиваясь взад и вперед, уступами шла вниз с обрыва. Песчаный берег занимал полосу в четверть километра вдоль линии воды. Но не к воде привела собака караван.

— Пещера! — констатировал довольный Скальпель.

— Должно быть, порядочная, — присовокупил Николка.

В обрыве, на расстоянии сажени от песка, зияло черное отверстие. Собака, в движениях хвоста обнаруживая странное волнение, поскакала к этому отверстию и вдруг за два-три шага до него стала, как вкопанная, и вздыбила загривок, ворча разочарованно и зло.

Николка и Эрти натянули луки. Мастоdont, зная хорошо свои обязанности, выдвинулся вперед... Из черной дыры вырвался оглушительный рев, — потревоженный на отдыхе пещерный лев подал свой протест. Даже мастодонт дрогнул при этих звуках, собака же без колебаний попятилась назад.

Еще один бросок яростно-грустного рева, и кудлатая голова, с огромными желтыми глазами, выставилась из пещеры.

— Не надо стрелять, — посоветовал Скальпель, благо-разумно укрываясь за мастодонтом, — может, он так уйдет.

Николка и не хотел стрелять, но Эрти... В маленьком человечке вдруг вспыхнули мстительные чувства, заговорила кровь предков и родичей, находивших свою смерть под стальными крючьями пещерных хищников. Кроме того, слишком соблазняла легкая возможность испробовать на настоящем звере диковинную игрушку — лук, подарок Николки. До сих пор он стрелял только в птиц, сурков и лягушек; на них, правда, наметался его глаз, но разве это звери? Эрти стоял в нескольких шагах от кудлатой морды, оторопевшей несколько при виде многочисленности врага и необычайности его состава. Эрти ждал одного небольшого поворота кудлатой морды...

Пещерный хищник, мерцая желтыми глазами, разду-мывал. Перед людьми и собакой он не чувствовал ни ма-лейшего страха: одного, двух ударов лапы вполне достаточ-но было для того, чтобы из движущихся предметов сде-лать их навек неподвижными; лошадь же представлялась ему всегда лакомым куском. Только трубящая бесстрашно образина с длинными бивнями наводила некоторое заме-шательство. Чего хотел от него добродушный гигант, кото-рого ни лев, ни медведь, ни махайродус никогда даже не задевают?..

Мастодонт трубил. Лев стал понимать смысл этого тру-бления: его просили убраться из пещеры... Наглое требо-вание... Лев размышлял, обводя фосфоресцирующими гла-зами странную группу.

— Лучше нам его не трогать! — крикнул Скальпель из-под брюха мастодонта. — Ну его к черту: он такой сердитый... Изуродует еще Малыша...

Услышав свое имя, мастодонт решил, что его поощ-ряют к нападению. Он сделал шаг вперед, чуть не задавив Скальпеля, и затрубил еще настойчивее. В этот момент дрогнуло сердце у маленького Эрти: лев повернулся к не-

му... Свистнула стрелка... Ахнул Скальпель. Пористый нос пещерного хищника украсился оперенной палочкой... Эрти знал, где более всего уязвимы клыкастые звери.

Голова — как провалилась в бездну... Посыпались с обрыва камешки и глина, сотрясенные взрывом неистового рева: хищник катался в пещере в приступе невыносимой боли...

Эрти, успевший заложить вторую стрелку, весело блеснул глазенками и лопотал что-то весьма горделивое...

Но вечер надвигался, меркли краски на небе и в воде, потянул пронизывающий ветер, а пещерный обитатель, испуская громовые стенания, не освобождал занятой им квартиры.

— Ну-ка, примусь за него я, — сказал Николка.

При помощи кремня и железного колчедана (патентованная зажигалка его давно не работала) он добыл огня; древесные опилки, хорошо высушенные и слегка обугленные, служили ему при этом трутом. Малыш набрал сухого дерева, и вскоре в сотне шагов от пещеры пылал костер. Выбрав большую головешку, горевшую с одного конца, Николка с нею в одной руке, в другой — с винтовкой, подъехал на Живчике к отверстию в обрыве. Взмахнул головешкой и... пещерный хищник получил освещение в квартиру...

Ждать выражения признательности за свою любезность Николка не стал, — Живчик помчался карьером к костру...

Через несколько секунд выскочил из пещеры обожженный зверь. Завидя убегающих, он пустился за ними в погоню, но его сразу остановил сорвавшийся навстречу ему мастодонт. Принять поражение в третий раз лев не пожелал. Как провинившаяся собака, с поджатым хвостом и опущенной головой он бросился наутек.

Пещера была свободна. Неутомимый исследователь Скальпель тотчас же принялся изучать ее при свете огня. Но прежде всего в пещере побывала собака. Выскочив оттуда через минуту, она опустилась на задние лапы, подняла морду к лесу и заскулила.

— Кого-то нет, кого-то жаль... — в тон ей запел Николка.

Скальпель подтвердил шутливые слова его, найдя в пещере знаки недавнего присутствия людей: на полу валялись кости животных, расколотые и отбитые камнем, множество кремневых осколков и поделок, вроде неуклюжих топоров, ножей, скребниц и т.п. Следов огня не было.

— Здесь свободно могла поместиться целая орда, — сказал тревожно Скальпель, — орда человек в 50... Они ушли недавно, может быть, в недалекую экспедицию... Как вы думаете, Кьоль, они не могут вернуться?

Николка откровенно захохотал, — ученый медик сконфузился и обиделся:

— Вы думаете, это я почему спрашиваю? Боюсь, что ли?.. Ничего подобного. Чисто академически... И нечего драть глотку. Вы только и ищете повода посмеяться над почтенным человеком...

Путешественники провели в пещере ночь, — никто их не потревожил; на следующий день — также спокойно, и только на второй день, рано утром, произошла небольшая интервенция в их мирную жизнь со стороны бывших обитателей пещеры.

Заря, по обыкновению, заведенному из миллионолетья, и в то памятное утро занималась на востоке, золотя раскинувшееся на десятки километров шлифованное стекло вод. Уже никто не спал, кроме маленького Эрти. Все были на ногах и за работой. Кончали возведение каменной ограды вокруг площади, метров в 300 квадратных, примыкавшей к пещере. Друзьям все-таки пришлось устраиваться на зиму: перебираться через безбрежную, казалось, реку (вода — не горько-соленая, а чуть-чуть солоноватая, — значит, река!), идти на это рискованное предприятие могла заставить их лишь крайняя необходимость. Такой необходимости пока не было... Каменная ограда предназначалась для затруднения подхода к пещере и для того, чтобы Живчик, Керзон и Малыш могли спокойно проводить свои ночи, находясь вне пещеры. В это утро им оставалось нем-

ное: водрузить столбы в месте, оставленном для них, и повесить ворота.

Николка напевал, Скальпель посвистывал, когда рычание Керзона показало, что не все обстоит благополучно. Друзья поднялись с песка, где в это время они занимались сколачиванием ворот, и едва успели посторониться, как через прорыв в стене мимо них промчался раненый олень. Он находился, очевидно, в смертельном ужасе, если сам забежал в огороженное пространство. Приказав Керзону не трогаться с места, Скальпель и Николка поспешили к входу, чтобы загородить собой единственное место, через которое олень мог бы уйти обратно. Одержимые тревогою, в этот момент они совершенно упустили из внимания, что в плиоцене, кроме них, могли водиться и другие любители оленьего мяса. Николка повалился направо, Скальпель — налево, сотрясенные сзади чьей-то могучей дланью. Керзон залился бешеным лаем... Посреди двора с кремневым топором в руке, в гордо-настороженной позе стоял красный великан с миндалевидным разрезом глаз. Керзон бесился от восторга долгожданной встречи — он и кидался на грудь к застывшему статуей великану, и припадал к земле, визжа и стеля, и носился по двору, словно ужаленный тарантулом, и лез целоваться к остолбеневшим друзьям, к ухмылявшемуся мастодонту, к развеселившемуся Живчику...

— Мъмэм, — небрежно уронил красный великан и показал на оленя, забившегося в угол между стеной и мастодонтом, и на себя.

— Мъмэм, — еще раз повторил он и, непринужденно сойдя с места, прислонился спиной к каменной ограде, где и остался стоять, скрестив на груди покрытые желваками мышц руки. Собака продолжала лезть к нему, он ее сурово отпихнул ногой.

— Ба! Да это Кроманьонец, — воскликнул пораженный чудесным явлением Скальпель и сделал шаг вперед. — Кроманьонец, но не тот, которого описал нам ученый Брока. Этот более первобытен и, соответственно, более могуч.

Он сделал еще шаг по направлению к великану. В это время Николка, испугавшись за его нетактичность, сам выступил вперед.

— Стойте смирно! — сказал он строго. — Вы уже однажды испортили все дело, теперь дайте я...

— Ну, портьте, портьте, — живо и ехидно согласился Скальпель. — Я только хотел посмотреть, как у него расположены зубы и не похожи ли они на обезьяньи. Ничего, я успею. Пожалуйста, портьте...

Минута была слишком ответственной, чтобы вступать с ехидным медиком в пререкания: великан не без основания чувствовал себя непринужденно. Один только близорукый Скальпель не видел, что вся стена вокруг двора была усеяна лохматыми головами и красными физиономиями; они то скрывались, то появлялись вновь.

— Ждут от этого молодца сигнала, — с внезапной жутью сообразил Николка.

Стараясь ступать твердо и не глядеть на фатальную стену, он приблизился на три шага к великану. Тот с нескрываемым интересом из-под полуопущенных век наблюдал двор, наполненный необыкновенными предметами и живыми существами. Приближение коричневого заставило его прервать наблюдение и остановить пристальный взор голубых глаз на подходившем.

«Ну и мускулатура!» — с восхищением и некоторой робостью думал Николка, мучительно отыскивая в мозгу то слово, которое завоевало бы ему доверие великана. Прежде всего нужно было улыбнуться. Николка это сделал. У великана в ответ дрогнули губы. Как на зло, ни одного подходящего слова не вспоминалось. Вертелись на языке глупые слова: «здравствуй», «как поживаете», «что новенького»...

Николка продолжал улыбаться, храня драматическое безмолвие. Скальпель пессимистически опустил на песок, устав стоять. Керзон сел на задние лапы, заняв позицию между Николкой и Мъмэмом, и изредка повизгивал, умиrotворяюще поглядывая то на того, то на другого. Равно-

душный Малыш обнюхивал прижавшегося к нему доверчиво оленя.

— Ну,— не вытерпел Скальпель, — проглотили язык-то?..

— Идиотское положение, — пыхтел Николка. — Что я ему скажу, коли он по-нашему ни бельмеса не смыслит? Сказать ему «жур-жур», или показать «черную ночь», но ведь это же глупо!..

— Спяшите что-нибудь, — невинно посоветовал Скальпель, — а я спою...

«Фраар! — пришло, наконец, к Николке нужное слово.

— Фраар, и никаких гвоздей...»

Он ударил себя более чем демонстративно кулаком в грудь и, стараясь подражать в произношении малышу Эр-ти, вымолвил ожесточенно:

— Фраар!..

Великан вздрогнул и открыл вовсю голубые глаза. Тогда Николка, перстом тыча в Скальпеля, Малыша, Керзона и Живчика, поспешил заверить его, что все они ни больше ни меньше как «фраары».

— Вы б еще вон то бревно назвали фрааром, — недовольно буркнул Скальпель, обидевшись, что его поставили на одну доску с собакой и лошадью.

Великан разжал скрещенные руки и отошел от стены.

— Фраар? — вопросительно кинул он.

— Фраар, и никаких гвоздей! — категорически подтвердил Николка. — Хочешь, я тебе что-нибудь подарю?..

Его взгляд упал на лежавший подле него остро отточенный топор, но взять его было опасно: «детина-то большой, а может, глупый; еще не так поймет, как надо».

Краснокожий дикарь подошел вплотную и оказался выше Николки чуть ли не на полторы головы. Могучие руки опустились фабзавуку на плечи, орлиный нос склонился к самому лицу. Затем великан просто-напросто обнюхал позвериному и голову и лицо назвавшегося братом человека.

Скальпель не удержался от язвительного предложения:

— Повернитесь к нему другой стороной, Къоль...

Из проказливости фабзавук готов был исполнить совет почтенного друга, но, вспомнив об ответственности мину-

ты, удержался. Найдя, что с точки зрения первобытной этики будет вполне естественным на звериное приветствие ответить тем же, он поднялся на носках, положил руки на твердые, как железо, плечи первобытника («к нам бы его на физкультуру!») и, в свою очередь, обнюхал ему лицо.

— Теперь попрыгайте друг около друга, — издевался медик, — жаль, что у вас хвостов нет...

Заметив, что великан, удовлетворившись знакомством с Николкой, направляется к нему, он вскочил на ноги.

— Я поздороваюсь с ним по-человечески, — сказал ученый медик, — я не собака.

Он протянул руку навстречу великану, но тот остановился в недоумении и крепко прижал к телу кремневый топор.

— Вы неправильно меня поняли, мой друг, — любезно улыбаясь, молвил Скальпель. — Топоров у нас самих сколько хочешь, да получше ваших... Вон, например, видишь?.. — Он указал на железный топор.

Первобытник давно заметил этот странный для него блестящий предмет. Теперь, поняв жест медика как разрешение, он забыл о первом своем намерении и, напряженно ступая, подошел к топору. «Момент для подарка созрел», — подумал Николка и, подняв топор, протянул его красному великану. Тот робко дотронулся до сверкающего металла.

— Пойдем-ка, — пригласил его Николка, — я тебе кое-что покажу...

Подойдя к трехвершковому бревну, он с трех ударов перерубил его пополам.

У великана засверкали глаза.

— На, — сказал Николка и протянул ему топор.

— Мъмэм-фраар! Мъмэм-фраар!.. — буйно заликовал великан, бросая свое первобытное оружие на песок и осторожно, как хрустальную вещичку, принимая железный топор.

— Мъмэм — фраар Кьоль и Ффель, — поправил его Николка, указывая на себя и на ученого медика. С такой поправкой приплясывающий дикарь согласился сразу.

Тут произошло непредвиденное: лохматые головы на стене, хором взвопя «фраар», полезли во двор — каждому лестно было получить такой же подарок.

Скальпель обомлел, вспомнив первое свое знакомство с первобытниками; мастодонт угрожающе выступил из-за угла.

Краснокожие дикари — ровным счетом 20 человек — попятились обратно к стене при выступлении гиганта.

— Малыш, смирно! — крикнул Николка, испугавшись при мысли, что начинается побоище.

Мастодонт послушно отступил в угол, и дикари рассыпным строем окружили приятелей, продолжая изливаться в братских чувствах и спеша совершить с ними церемониал обнюхивания. Николка без возражений принимал это, Скальпель, сокрушенно махнув рукой, в конце концов, тоже принужден был обнюхать каждого.

— Через год, через два мы забегаем на четвереньках, — бормотал он.

Пока на дворе происходило знакомство людей XX века с людьми плиоцена, в воротах незаконченной ограды происходило то же самое между стаей собак, прибывших вслед за первобытниками, и Керзоном. Но у Керзона там нашлось много старых друзей, в отличие от людей, что не помещало ему, однако, тотчас же погрызться с двумя-тремя кобелями.

Когда схлынула волна приветствий и заверений в дружбе, приятели увидели себя в окружении рассеявшихся на песке дикарей. Голубые глаза горели упрямым ожиданием чего-то, ожидание это адресовалось нсецело к Скальпелю и Николке.

— Раздать им, что ли, топоры? — спросил смущенный почему-то Николка.

— По-моему, сначала митинг... — комично-серьезно предложил Скальпель, а потом, заметив сердитый огонек в глазах друга, закончил вполне серьезно: — Нужно их накопить, вот что. Они глядят на нас и на оленя с лошадьёю.

Он был прав на этот раз. Топоры, несомненно, интересовали краснокожих, но еще более интересовало их бродив-

шее по двору живое мясо. Не дождавшись инициативы со стороны недогадливых хозяев двора, вскочил на ноги Мъмэм. Войнственно размахивая новым топором, он прыгнул в сторону Живчика. За ним устремилась стая собак.

— О! Это мне не нравится,— сказал Николка.

Но ему не удалось выступить в защиту своего четвероногого друга, это сделал мастодонт. Он загнал Живчика в угол, где находился трепетавший всем телом олень, и загородил его массивным своим задом. Перед таким афронтом красный богатырь стал в полной растерянности. Собаки ворча отступили к воротам.

Из крута выскочил Николка:

— Идем, Мъмэм. Я тебе дам мяса...

Он привел великана к пещере и знаками показал ему, что надо лезть внутрь. Великан отказался: он чуял там присутствие живого существа и запах хищника. Николка полез один. В пещере от него испуганно шарахнулся маленький Эрти. Он плакал, приговаривая:

— Мъэрти чам-чам не... Мъэрти чам-чам не...

— Да никто тебя и не собирается шамать,— рассмеялся Николка. — Я за мясом пришел, а не за тобой.

— Мса чам-чам, Мъэрти не... — убеждая кого-то, проговорил малец и заученным движением вскарабкался на Николкины плечи. Фабзавук рассчитывал без помощи Мъмэма выволочить из пещеры тушу убитого накануне быка, но оседланный, он этого уже не мог сделать. Потребовалась помощь. Он окликнул Мъмэма.

Осторожный дикарь только тогда полез в пещеру, когда голова Николки, с другой головой поверх нее, показалась из отверстия.

— Мъэрти? — пораженный, воскликнул дикарь и даже попятился. — Мъэрти жи?..

— Жив! Жив! — вместо оробевшего малыша ответил Николка. — А ты ползи-ка сюда, помочь надо.

Мъмэм, увидев своего знакомого (или, может быть, одноплеменника) живым и невредимым, моментально выбросил из головы «мса», за которым пришел. Улыбаясь во

весь рот, но не доверяя зрению, он нежно прикоснулся к груди малыша:

— Мъэрти — ръбанък прия...

— Ну да, ребенок, и ребенок, несомненно, приятный..
— Николка, озабоченный мыслью об оставленном среди орды Скальпеле (а со двора доносились буйные крики), поддерживал разговор исключительно для того, чтобы не оскорбить как-нибудь гостя.

— Идем-ка за мясом, — все-таки поторопил он его.

— Йе, мса!..— вспомнил дикарь и, пошевелив чуткими ноздрями, безошибочно направился в темный угол, где лежала свежая туша. Склонившись над ней, он вымолвил новое слово: — Го?..

— Не го, а говядина,— поправил его Николка, удивленный сам сверх меры своим великолепным пониманием первобытного языка. Он ведь того не знал, что перед ним находился древнейший представитель индоевропейской расы, что язык краснокожего дикаря объединяет в себе многие языки, которые в век Николки стали столь непохожими друг на друга; что славянский язык, как язык народа, осевшего ближе всех к своей первобытной родине — Азии, сохранил поэтому более других языков свою первобытность, и нет ничего удивительного, что Николка с такой легкостью ориентировался в речи Мъмэма*. Фабзавук не знал этих

* Для установления степени первобытности того или иного языка обыкновенно берут язык древних индусов, так называемый санскритский, дошедший до наших дней без всяких искажений, благодаря раннему развитию письменности у древних индусов, и санскритские слова сопоставляют со словами испытываемого языка. Слова, высказываемые Мъмэмом, несомненно, древнее санскритских слов, так как они заключают в себе одни только корни, которые позднее у каждой народности, выделившейся из одной первобытной расы, обросли разнообразными приставками. Так, русское слово «мясо» на языке древних индусов звучит как «манса», в то время как на языке Мъмэма оно всего только «мса», армянское «мис», литовское «мьеса»; русское «жить», «жизнь» по-санскритски — «джив», «дживана», на языке Мъмэма — «жи»; «мальчик», «ребенок» по-санскритски — «арбака», у Мъмэма — «ръбанък»;

тонкостей, отмеченных в примечании; не мудрствуя лукаво, он принимал своего краснокожего гостя за косноязычного, не договаривающего слов вследствие какого-либо дефекта во рту, и поэтому считал нужным поправлять его на каждом слове.

— Ии, — сказал Мъмэм, спустив двадцатипудовую тушу вниз и взвалив ее на свои плечи с легкостью, лишней раз подчеркнувшей его чудовищную силу.

— Идем, — сказал Николка, и новоиспеченные приятели, за недостатком слов, мило улыбаясь друг другу, пошли.

Скальпель, оставшись наедине с 19-ю дикарями, не сидел праздно. Не теряя драгоценного времени и не упуская момента (Николки нет, значит, действуй!), он прежде всего ловким профессиональным приемом открыл рот у ближайшего дикаря («Минуточку, спокойно!») и пытливым оком заглянул внутрь. Обезьяньих зубов там не было и следа. Это открытие успокоило его в одном направлении, в другом — взволновало. Он довольно рассмеялся, потирая руки, рассмеялись вслед за ним и дикари. Они сдвинулись плотней вокруг забавного человечка, а тот, ободренный вниманием, приступил немедленно к дальнейшим научным изысканиям. Взял у обследованного дикаря его вооружение — громадную челюсть пещерного медведя и безмолвно приставил к ней палец: как это, мол, называется?

— Асть рркша, — был немедленный ответ.

— Асть! Асть! — подтвердили все дикари, а один, имевший в руке кремневый нож, поспешил назвать и его:

— Азз...

— Подождите, вас не спрашивают, — осадил его медик, любивший во всем порядок. Он вынул из своего передничка записную книжку и внес туда первые два слова человека времен плиоцена (лексикон Эрти медик не принимал во внимание, находя его ребяческим).

«милый», «приятный» — «прийя» — «прия»; «корова, бык» (а отсюда говядина) по- санскритски — «гоо», на языке Мъмэма — «го».

— Асть рркша,— соображал Скальпель. — Асть — это, несомненно, кость: похоже и на русское соответствующее слово, и на латинское «ос». Рркша, конечно,— медведь. По всей вероятности, звукоподражательное... Ах, как жаль, что я не знаю санскритского... *. Ну, теперь говорите, как ваш нож называется?

— Азз...— с готовностью повторил второй дикарь.

— Очень приятно. Он у вас каменный?

— Азз. Къма...

Дикари бесцеремонно облокотились на плечи Скальпеля, смотрели ему через голову, на странную тонкую палочку, из-под которой на белом листике рождались черные неподвижные букашки; нюхали записную книжку и даже пробовали ее на вкус. Медик не смущался обстановкой.

— Азз — звукоподражательное, — рассуждал он и записывал, — воспроизводит звук резки, отсюда и наш «нож» и латинское «энзис». Къма — это уже более старое слово: с камнем, как оружием, человек давно знаком. Возможно, что и оно некогда воспроизводило какой-нибудь звук, теперь, под наслоением времен, его, конечно, не узнать. Но приятно то, что это «къма» походит на наш «камень» и еще на церковнославянское «каму», на литовское «акму», на греческое «акмон». Интересно, как оно звучит по-санскритски? **. И еще интересней, кого это я перед собой вижу. Неужели старинных предков индоевропейской расы?! Ну-с, а это что такое, друг мой?

Дикарь, имевший в качестве оружия рог быка, надетый на палку, с удовольствием ответил:

— Кърн...

— Понятно, — сказал Скальпель, записывая, — неблагозвучно и неизвестно, почему так названо, но во всяком случае походит на латинское «корну», что значит «рог», и на русское «корень». Между рогом и корнем, без сомнения,

* По-санскритски «кость» будет *asthi* (астьи); «медведь» — *rksha* (ркша), отсюда греческое — «арктос» и латинское *ursus* (урсус).

** По-санскритски «камень» будет *astan*, читается как «ашьман».

некоторое внешнее сходство есть... Учили меня, дурака, 15 лет, а санскритскому не выучили. Ну, да ладно...^{*} . Что у вас еще, молодой человек?

Спрошенный нетерпеливо вертел над головой самой обыкновенной дубинкой, к которой для красоты или еще для чего был приделан длинный клык махайродуса. Дубинка гудела, и дикарь гудел:

— Кррррйт...

— Так и называется?! — усомнился Скальпель.

— Кррррйт, — серьезно повторил дикарь и мигом сунул нос в записную книжку, по которой забегал проворный карандаш.

— Кррррйт, — записывал медик и размышлял. — Похоже на русское «кортик» и на славянское «корд»; вообще, видимо, метательное оружие...^{**} . Странно. Они говорят какими-то корнями слов и, преимущественно, звукоподражательно: крр... летит палица и рвет воздух, т... ударяется в живое тело... Надо узнать, как они себя называют, — подумал медик, и у него блеснула мысль, от которой захватило дыхание. Он остановил свои производственные расспросы и перешел на другое. Указал на мастодонта.

— Ду-ду... — согласно ответила орда.

— Ладно, пускай так, — сказал медик. — Признаться, я думал, что это ребяческое название^{***} ... Ну, а Керзона как вы назовете? — Он указал на собаку.

— Къан... — ответила орда.

— Отлично, — воскликнул медик и про себя отметил: по латыни «канис», по-немецки «хунд», по-санскритски, — черт его знает...^{****} — А Живчика?

^{*} По-санскритски «рог» будет karna, читается «карна».

^{**} Метательное оружие по-санскритски называется krti (крти).

^{***} Санскритское dhu (дуу), dhuvia (дувиа) значит одновременно — трести, качать и дуть. Качающий хоботом и дующий (трубящий) через него мастодонт поэтому и назван первобытникам «Ду-ду».

^{****} «Собака» по-санскритски swap (шъван), французское — шейя, армянское — шун.

— Акьву...

— Здорово, — подумал вслух медик, — по-латыни «эк-вус», по-гречески «гиппос», по-славянски «кънь»*.. — И он перешел на главное, что у него крепко засело в мозгу:

— Ну, а вот вы все: ты, ты, ты, ты, ты... вообще все, как вы все называетесь?

Сначала ему в ответ посыпались разные названия: орда не поняла вопроса, а яснее он никак не мог сказать.

Один назвал себя — Гух, другой — Вырк, третий — Ург, четвертый — Оджа... Все 19 человек спешили назвать себя.

— Нет! Нет! Нет! — перекричал всех Скальпель. — Нация-то ваша какая? Раса? Племя? Или как это по-вашему, черт побери!.. Ну, вообще все?!..

Он отчаянно и выразительно жестикулировал, будто собирал всех дикарей воедино и бросал их в сторону от животных и от себя.

Дикари вдруг замолчали, а потом один произнес неуверенно:

— Арийя!..

Скальпель вздрогнул и побледнел. Тогда закричали все, поднимаясь почему-то с песка и напыживая грудь:

— Арийя! Арийя! Арийя!...**

— Черт вас подери!.. — прошептал медик, взволнованно сопя носом. — Ведь я тоже ариец!» Вся великая семья индоевропейских народов: и немцы, и русские, и поляки, и греки, и литовцы, и итальянцы, и французы, и армяне... все, все, все происходят от арийского корня... Значит, во мне струится ваша богатырская кровь, а в вас мирно живут друг с другом и немцы, и французы, и русские, и многие другие... все те, которые так ожесточенно грызутся теперь между собой... Николка! Николка! Коля! Идите-ка скорей сюда!.. Ну — открытие! Бот это открытие! Серьезнейший момент в моей жизни!..

* «Конь» по-санскритски асва (ашьва), французское — шваль.

** Агуа (арийя) с санскритского значит «ариец», «благородный».

Покрытый испариной, красный и взъерошенный — Скальпель отдувался, подавленный открытием, отдувался на потеху первобытникам, не учитывавшим «всей серьезности» момента, когда Николка с Эрти на плечах и в сопровождении великана Мъмэма, навьюченного тушей, подходили к нему.

— Слушайте! — крикнул Скальпель и поднял палец к небу. — Мы с вами...

Взревел Керзон, безумствуя... Грохнулось тяжелое тело во двор, за ним второе. С обрыва посыпались камни, песок, глина... Пещерный лев, в сопровождении юной подруги, вернулся отомстить за свое выселение и отобрать логово для любви. Он выбрал удачный момент: гигант Ду-ду ушел на прогулку и вслед за ним исчезли куда-то собаки, кроме Керзона.

*Бой арийцев с пещерными хищниками. — Медик заслуживает овец. — Николка знакомит плиоценщиков с новой техникой.
— Неожиданная находка.*

Мгновенный снимок: два хищника, оглушенные падением, стальными пружинами, готовыми развернуться, лежат на песке. Косматая голова самца направлена к ученому медику. Медик, с вытянутой рукой и перстом указующим — в пяти шагах — носом вниз, ужасом повергнут на землю. Прищурясь и уши заложив игриво, гибкая львица собирается прыгнуть на Мъмэма. Покрытый кровавым мясом, Мъмэм свиреп, — страшнее львицы выглядит... Рядом с ним Николка спускает с плеч Эрти и говорит: «Беги». Дикари в разных позах около каменной ограды; один уже наверху держит наотмашь руку с острым камнем — хочет метнуть. Верная собака — туловище в ограде, морда через Скальпеля на страшного льва — застыла в мучительной нерешительности. В углу двора — головой к стене, ногами к неприятелю — Живчик; рядом олень — в обратной позе... Сверху холодным блеском сияет солнце — чистенькое и безразличное: видало виды, не один миллион лет поглядывает на буйную Землю... Влажный ветерок гонит с реки туманы. Туманы клубятся, сопротивляясь, но тают...

Движение.

Бросив презрительный взгляд на тело распростертого медика, лев гордо потрянул космами гривы. Кто бы мог сказать о его намерениях в эту секунду? Можно было подумать, что он собирается напасть на двуногих у ограды или на Керзона, боязливо прижавшегося к земле... Не меняя гордой, непринужденной позы, резким, могучим рывком лев вдруг взбросил тяжелое тело в воздух и в воздухе перевернулся, дрыгнув грудой мышц. Первою жертвою должен был пасть человек с длинным блестящим предметом в руках. Предмет — кинжал, человек — Николка... У Николки в глазах заползал жуткий туман, — смерть... Он никак не

ждал такого искусного маневра от гигантского зверя. Но ожидал его в полной мере выросший среди лесных уверток Керзон. Наперерез распластавшемуся в воздухе стрелой вытянулось другое тело. Лев был сбит с направления, он лишь сумел повалить человека, царапнув его мимолетно пятью загнутыми книзу железными когтями. От верного Керзона во все стороны полетели кровавые клочья шерсти и шкуры; тем не менее мертвая хватка его у горла косматого хищника не ослабевала. Стараясь стряхнуть с себя громадную собаку, заметался лев бестолково...

Одновременно с самцом прыгнула львица, безошибочно взяв расстояние. Покрылась бутрами мышц спина Мъмэма, поперек лба вздулась синяя вена, ноги по щиколотку увязли в песок: дикарь, ухнув с натуги, навстречу ужасному зверю двадцатипудовую тушу толкнул. Сшиблись туша и львица в воздухе. Мъмэм саженным прыжком уклонился в сторону, мимоходом всадил железный топор в круп льва, снова отскочил и странный приказ издал на своем языке:

— Пршьнар, кртнар — перва! Азнар, крньнар — двайт!..

Во мгновение ока, повинувшись приказу, со стены посыпались краснокожие дикари. Четыре человека с кремневыми топорами, пятый Мъмэм и пять с дубинками образовали первый ряд вокруг хищников; остальные десять, с рогатыми палками и ножами из кремней, стали вторым рядом.

— Гаммо!!! — гаркнул Мъмэм и во главе первого ряда опрокинулся на растерявшегося врага.

Николка грубым толчком был выброшен вне круга. То же самое проделали со Скальпелем, на бегу подняв его с земли. Заработали топоры и дубинки, дружно, как на сцене; замотались, как в заколдованном кругу, буйногривый самец и гладкая самка. Впереди всех упоенно крушил железным топором великан Мъмэм, от одних его ударов львы в две минуты из желтых стали красными. Ревели в бессильной ярости обезумевшие звери, но их рев тонул в боевом кличе краснокожих, познавших свою мощь в коллективе... Если боец первого ряда падал под насевающим на него зверем, на место упавшего выступал боец из второго ряда, круг смыкался, и топоры до тех дубасили клыкастую морду, пока

она прядала в сторону. Если упавший вставал, сохранив свою боеспособность, заместитель его безмолвно отступал на старое место. Таков был порядок в первобытном охотничьем коллективе, порядок, сложившийся в течение тысячелетий... С врагами покончили в несколько минут; их внезапная попытка к бегству бесславно была оборвана в самом начале. Песок на протяжении 50-60 кв. метров пропитался кровью. Окровавленные великаны стояли вокруг двух искромсанных трупов, потрясая оружием в жажде новых боев. Их энергия не была исчерпана, их груди вздымались бурно, глаза горели огнем... К ним боязно было приблизиться.

— Вот черт!.. — первым опомнился Николка. — Ай да плиоценщики! Признаться — не ожидал...

— Да, друг, — молвил грустно Скальпель, — они молодцы... Но смотрите, как дико поглядывают они на нас...

— Ерунда! — возразил Николка и храбро приблизился к группе, издававшей боевые крики.

На него глянули сначала враждебно, затем с любопытством. Причиной к последнему послужила его забинтованная грудь. В перевязке нуждалось большинство дикарей: у всех были глубокие царапины, у пяти-шести человек серьезные ранения, а у двух даже переломы костей. Из группы выделился Мъмэм.

— Мейд? — с некоторым страхом спросил он, подходя к Николке и осторожно дотрагиваясь до забинтованной груди.

— Я не медик, — просто отвечал Николка, — а вон медик... Видишь, над собакой старается!..

Скальпель в это время действительно оперировал собаку, у которой было распорото брюхо, переломлены задние лапы и вся она выглядела громадным кровавым куском. Медик сшивал кожу, вправлял кости и забинтовывал переломленные конечности лубом и мочалой за неимением лучшего перевязочного материала.

Дикари, отбросив всякую враждебность, тесно обступили медика. Их взоры теперь выражали большое любопытство и большое изумление. Мъмэм, как предводитель, предложил неуверенно:

— Къбан — чам-чам... Мейдит — наръи...

Без всякого перевода его можно было понять. Он предлагал собаку съесть, а лечить людей.

— Я те дам «чам-чам»!.. — вскипел вдруг медик, когда до его сознания дошло предложение главаря. — Ишь ты — чам-чам! Мало тебе вон тех?! Больно жирно!.. Къбан за Николку ногами и брюхом поплатился, а он «чам-чам»... Отойдите-ка лучше! Чего загородили воздух и свет?!..

Он сделал вокруг себя энергичный размах руками, и дикари покорно, и, пожалуй, с некоторым страхом, расступились. До самого конца перевязки они уже молчали, будто набрали воды в рот.

Покончив с собакой, медик строго и внимательно оглядел ряды краснокожих. У одного из них болталась бессильно правая рука, перешибленная в плече; другой прыгал на левой ноге, волоча за собой правую. Этим он, не спрашивая их согласия, в первую голову сделал перевязку. Дикари изумленно следили за ловкими манипуляциями врача. Когда же он прижатием артерии быстро унял кровотечение у раненого в бедро бойца, их молчаливое изумление перешло в бурные овации. Медик лукаво-самодовольно взглянул на фабзавука и, желая казаться далеким от честолюбия, проговорил:

— Вот где жизнь нашему брату! И тебе почет, и тебе уважение... Это не то, что среди оголтелых фабзайчат, которых ничем не удивишь...

После кровопролитного боя, осложненного к тому же перевязкой, естественно было желание подкрепиться, тем более, что первобытные воины сражались на голодный желудок. Скальпель, окончив медицинские упражнения, встал и, справедливо считая себя в центре внимания, сделал радужный жест, разрешающий всем поместиться вокруг туш быка и львов. Но дикари поняли это по-своему. С воинственными криками они устремились на бездыханных хищников, пропустив вперед азнаръов — людей с ножами. Мясо быка, уже лежащее, отошло на задний план, тонкое чутье первобытников предпочло ему свежие туши пещерных львов. Азнаръы живо и ловко содрали с них шкуры, мясо

раскромсали на длинные ломти, и, прежде чем Скальпель успел запротестовать, дикари жадно и вкусно закусывали, уснащая лицо, грудь и руки кровью. Впрочем, и друзьям были преподнесены два солидных ломтя, но они передали их Эрти, вылезшему из-под камня, где он благоразумно укрывался во все время боя и перевязки. Эрти отнес мясо очнувшейся собаке.

— Они, очевидно, еще не знакомы с огнем, — сделал вывод ученый медик, с грустью поглядывая на чавкавшие шумно рты. — Смотрите, как рвут и уплетают... словно пирожное от бывшего Филиппова...

— Мы им сейчас продемонстрируем, как едят культурные люди, — успокоил его Николка.

При помощи кремня и железного колчедана он на глазах остолбеневших и поэтому переставших чавкать дикарей высек огонь. В качестве трута ему служили высушенные и слегка обугленные древесные опилки. Эрти, отвыкший, за время своего пребывания с друзьями, есть сырое мясо, принес хворосту и дров, приготовленных Николкой загодя. Веселый огонек вспыхнул и пошел плясать с сучка на сучок... Дикари опустили державшие мясо руки...

Огонь, как стихийное явление, падающий с неба, уничтожающий степи и леса и делающий мясо погибших в нем животных особенно мягким и вкусным; мерцающие угольки, в которых прячется заснувший огонь, и призрачные искорки, рождающиеся от удара кремня о камень, конечно, были им знакомы. Но чтобы эти искорки ловить сухими опилками и претворять их в веселое пламя, растущее по воле людей, до этого мозг первобытников еще не дошел, это было невиданно и поразительно. Дикари вскочили на ноги, забыв о завтраке. Они хотели бежать: внутреннему зрению их уже представилось, как из невинно-веселого пламени выросло бушующее море всепожирающего огня, как валятся с грохотом стосаженные деревья, огненными брызгами раздирая черные завесы дыма; как ошалевшее зверье — большое и малое, кроткое и хищное — с воплями предсмертной тоски мечется агонически и в слепом ужасе кидается в самую гущу пекла... Они хотели бежать к спа-

сительной линии воды, к «рѣкхе», из опыта тысячелетия зная, что рѣкха это тот единственный предел, через который страшному огню запрещено переходить*. Бежать!. Бежать!..

Но — огонь остановился в росте. И коричневокожие человечки около него не обнаруживают ни малейшего страха — они обыденно спокойны и... усмеваются; они заняты каким-то чудодейством. На две тонкие и длинные палочки, по цвету своему похожие на железный топор, были наанизаны один за другим ломтики мяса, и палочки, укрепленные на рогульках, помещены над огнем... В воздухе запахло погибшим во время лесного пожара животным.. Дикари испуганно застреляли глазами вокруг не подкрадывается ли к ним коварный огонь? Никто не подкрадывался, лишь нагулявшийся мастодонт вернулся домой в сопровождении собачьей стаи, да в углу двора мирно пожевывали сено подружившиеся конь и олень.

Тревожное молчание нарушил Мъмэм — предводитель. Он не обратился к своим воинам и не обратился к человечкам, он спросил мастодонта на языке животных:

— Огонь — страшно?

— Пустяки, — флегматично отвечал серый гигант, — огонь — ручной...

Тогда краснокожие, по знаку предводителя, чинно уселись в круг и с глубокой мыслью на лице стали наблюдать за костром, за палочками, за скорчившимися ломтиками мяса и за действиями человечков. От ворот наблюдали за тем же их четвероногие друзья.

Очень вкусно пахло жареным; аппетитный сок каплями падал в костер, шипел и улетучивался. Мъмэм, ближе всех сидевший к огню, глянул вопросительно на медика и на Николку, протянул топор под капающий сок и снова взглянул. Те молчали: пускай исследует. Золотистый сок обра-

* По-санскритски *rekha* (читается «рек/х/а») значит «линия, черта, предел». Ученые высказывают предположение, что отсюда произошло русское слово «река».

зовал лужицу на металле. Мъмэм хотел вынуть топор из огня, в это время ломтик мяса упал с вертела в лужицу. Мъмэм, ухмыльнувшись, вынул топор, положил его на песок и склонился над ним, жадно вдыхая носом аромат жареного.

— Вах! — молвил он с блестящими от удовольствия глазами.

Затем он осторожно коснулся насквозь пропеченного ломтика — ломтик куснул его за пальцы... Дикарь отдернул руку и обругал жареное мясо «вонючей мышью», так и сказал — «какка мушь!».

— Айе! — Аххо! — Хуу! — застонала краснокожая братия — с удивлением, негодованием и гневом, будто ломтик каждого из них тяпнул за пальцы. С угрозой вскочили на ноги громадные псы.

Чтобы не вышло какого-нибудь неприятного инцидента, Николка показал, как надо обращаться с горячим предметом: взял с топора мясо и забросал его с руки на руку. Он передал Мъмэму вполне остывший кусок. Дикарь, откусивший крохотную часть, зачмокал восхищенно и передал ее соседу. Сосед поступил так же. Но, вопреки желанию краснокожих, всем познакомиться с необыкновенным вкусом не удалось: одного ломтика едва хватило человек на пять. Зато какое поднялось чмокание, когда Николка — в ущерб себе и Скальпелю — щедро оделил дикарей великолепно поджаренным шашлыком, снятым с двух вертелов!.. Собакам он еще раньше бросил четверть туши быка, разрезанной на куски.

На этом знакомство людей плиоцена с начатками новой для них культуры не окончилось.

Дикарь, отличавшийся ото всех меньшим ростом, плутоватой смешливой физиономией и шрамом поперек всего лба и темени, — по имени Ург, что на языке плиоцена значило «змея», — пожелал осмотреть камни, рождающие огонь. Николка передал ему кремь и колчедан. Ург, исследовав их на глаз, на вкус, на запах и на ошупь, стал высекать искры, светясь детской радостью. Искры падали на песок и пропадали; отыскать их там не удавалось, а искали все 20

человек и — с большой настойчивостью. Дикари начали сердиться, рычать и бить кулаками место, пожирающее искры. Тогда фабзавук подставил Ургу опилки, рассыпанные ровным слоем на плоском камне, и показал, как надо держать огниво, чтобы искры выходили густым пучком. Через пять-шесть сильных ударов опилки затлели. Николка поднес к ним сухой листик и раздул пламя.. Как малые ребята, дикари стали рвать друг у друга чудодейные камни — каждому хотелось самостоятельно проделать тот же чудесный эксперимент. Вспыхнула свалка. Скальпель ехидно посмеивался:

— Гляди-ка, коммунисты-то разодрались!..

Николка утихомирил драку, принеся целую кучу кремней и осколков колчедана и раздав их первобытникам.

В течение следующего получаса мир и согласие царили на широком дворе под смеющимся осенне-грустно солнцем; только и слышны были: лязг камней, ожесточенное раздувание тлеющих опилок да дружеская собачья грызня из-за костей.

— Практические занятия по добыванию огня, — сыронизировал Скальпель.

Через полчаса каждый из дикарей умел высекать огонь и разводить костер. Николкины запасы топлива все ушли на эту науку. Двадцать костров пылало на дворе, двадцать дикарей торжественно отплясывали около них, — даже с перешибленной голенью скакал на одной ноге. Николка завершил свою науку, показав, как делаются из лыка и мочалы сумки для хранения огнива.

Но... «как волка ни корми, он все в лес смотрит», — говорит пословица.. Получив знание и все принадлежности для добывания огня, дикари заскучили и действительно стали поглядывать с тоскою в сторону леса. Суровая обстановка первобытной жизни приучила их до самой глубокой ночи находиться в интенсивном движении. Из необходимости обеспечивать себе ежедневное пропитание рождалось это движение, а родившись, оно само стало необходимым. Короче говоря, дикарям нужно было тратить энергию. Правда, их желудки были набиты туго, на вечер остава-

лось достаточно мяса, и все же они заскучали. Только трое из двадцати — тяжелораненные Гух, Оджа и Вырк — не выказывали скуки: они укладывались спать. Остальные же определенно собирались улизнуть, но тут произошло событие, виновниками которого были сизая ворона и маленький Эрти. И событие это приковало краснокожих еще часа на два к коричневым человечкам.

На двор залетела ворона, самая обыкновенная ворона, «к-ка», на языке плиоцена. Она, по всей видимости, отбилась от стаи, пролетевшей незадолго перед этим реку. Мясо, лежавшее перед носом инвалида Керзона, привлекло ее воровское внимание. Но покой Керзона зорко охранял Эрти. Как только крылатая воровка сорвалась с ограды в направлении к этому мясу, Эрти схватил лук (с ним он и во сне не расставался) и пустил в нее меткую стрелку. Ворона упала с перебитым крылом. Дальше этого месть малыша не распространилась, и он позволил раненой птице забиться под ясли Живчика, — в стойле лошади все гонимые почему-то искали себе убежище. Эрти не считал своего поступка за подвиг. Иначе думали дикари: у них сразу отпало желание задать в лес деру. Послышались восторженные:

— Вах! — Айе! — Аххо! — Хуу!..

Толпа обступила малыша, а Николка, хлопнув себя по лбу, точно так же, как это проделывал Скальпель, опрометью бросился к пещере, осененный идеей. Когда он вернулся обратно с двадцатью луками и связкой стрел, Эрти громко ревел, потому что дикари успели расстрелять все его стрелы и даже поломать лук, а ученый медик катался в приступе не совсем незлобивого смеха.

Новые практические занятия — по стрельбе из лука — занятию дикарей до вечера. Скальпель посмеивался ехидно:

— Пускай я буду простоквашей Мечникова — если дикари не пристрелят нас, когда придет к тому время, а потом спалят лес... благодаря приобретенным от нас знаниям...

Не смущаясь его карканьем, Николка подарил дикарям еще копыя и железные топоры. Краснокожий плиоценщик теперь был вооружен по последнему слову техники, — не

XX-го, правда, века, а века железа, но и это на целый ряд тысячелетий должно было передвинуть историю его вперед.

Лишь тьма, подкрадываясь неслышно и незаметно, прекратила упражнения краснокожих в рубке, стрельбе и метании копья. В ограде же, перед пещерой, был разложен большой костер и над огнем, разведенным коллективно, зажарены были целиком остатки быка и львов: усиленные занятия требовали усиленного питания.

Дикари были настолько взбудоражены впечатлениями дня, что о сне даже и не помышляли. Смех, возбужденные перекикивания через костер, шутки, состоявшие в размалевании углем лица себе и друг другу, наполняли освещенный огнем двор самой непринужденной веселостью.

Костер постепенно угасал, непроизводительно пожрав трехдневные запасы топлива. Стало зябко. Дикари, задремавшие было, повскакали, ежась от холода, и вдруг один за другим выбежали со двора. Но они не захватили с собой оружия, и раненые остались у костра. Приятели недоумевали, — впрочем, недолго. Через минуту дикари вернулись с накинутыми через плечо звериными шкурами. Очевидно, перед тем, как произвести налет на двор, они побросали связывающую движение одежду и в первобытной своей беспечности тотчас забыли о ней. Ночная свежесть вернула им память.

Друзья с помощью мастодонта завалили ворота громадными валунами, нагромоздив их друг на друга. На ночевку же все отправились в пещеру; на дворе остались: Живчик, мастодонт, олень и стая собак. Мъмэм без приглашения взял на руки раненого Керзона. Николка захватил с собой тлеющую головешку, чтобы перед сном, по совету медика, согреть пещеру и провентилировать ее. Промозглая сырость и едкий запах хищника резко бросились в ноздри и дикарям, и людям XX века после долгого пребывания их на свежем воздухе. Эрти уже спал, завернувшись в меха, и не чувствовал прелестей окружающей его атмосферы.

— Тэ-тэ-тэ... — протянул медик. — Здесь большой костер разложить надо, иначе мы рискуем задохнуться.

— Ступайте за дровами, — предложил Николка.

— Благодарю покорно! — воскликнул медик. — Я люблю гигиену, но еще больше жизнь...

В лесу вступила в права ночная жизнь: ревели львы, медведи и махайродусы, зычным мяуканьем отзывались тигры и пантеры, были вечно голодные волки. Однако дров не было, а спать в такой удушливой атмосфере значило, в лучшем случае, проснуться с головной болью и насморком. Это желание у фабзавука отсутствовало и, тем более, у медика. За дровами нужно было идти, как ни крутись. Друзья препирались, а краснокожие с интересом прислушивались к ним, ожидая новых чудодейств: иначе для чего так много говорить и размахивать руками? Николка собрал со всей пещеры хворост и древесные щепы, но этого хватило бы только на десять минут и требуемой тяги не дало бы. Ему пришлось в голову обратиться за содействием к краснокожим.

— Дров надо, понимаете? — сказал он.

— Дъроу нато мае-те... — повторил вслед за ним лукавый Ург, а все остальные захохотали и долго били себя руками по бедрам.

— Дурачье!.. — обиделся Николка.

— Тураче!.. — снова повторил Ург, расплываясь в улыбке до ушей.

Хохоча во всю глотку, на помощь Николке выступил Скальпель.

— Я с ними начну по-латыни, — объяснил он. — Дерево будет «арбор». Может, поймут... — И он сказал, для ясности тыча в потолок: — Арбор! Арбор!

Однако его так же хорошо поняли, как и Николку. Только пантомимное жестикулирование разрешило трудное дело.

Первым понял Мъмэм.

— Дъру! — воскликнул он с такой интонацией, будто упрекал приятелей за недогадливость*.

— Не дру, а дров, — по привычке поправил его Николка, — хотя дело не в названии, а в том, как их достать.

* «Дерево» по-санскритски дагу (дару).

Краснокожим это нисколько не показалось трудным. Не трогая каменной баррикады, которая ими была сооружена после своего входа в пещеру, они без колебания направились в самый темный угол. Николка поспешил за ними с факелом в руках, — для факела он использовал брошенную за ненадобностью дубину.

У пещеры было два выхода. Второй скрывался за громадной каменной плитой, торчмя поставленной к стене. Дикари понатужились и сдвинули плиту с места. Ход шел вверх под углом в 45 градусов. Он не был искусственного происхождения, — на это указывали разноцветные гальки, хрустевшие под ногами, и крутая извитость канала. Шли минут пять. Удобнее всех было идти Николке, потому что он замыкал шествие и освещал себе путь. Он с интересом рассматривал вымытые стенки тоннеля, — пласт за пластом поднимался вверх; пласты земли — страницы из книги о прошлом земли. «Сюда бы Скальпеля, — думал Николка, — скажу ему об этом завтра...» В одном месте его поразил отвесно поставленный к стене камень. Камень мог быть только принесенным сюда, за ним что-нибудь скрывалось, — может быть, третий ход. Но дикари прошли мимо, не уделив ему никакого внимания. Верхнее отверстие хода закрывалось второй плитой. Ее приняли в сторону, и лесная жизнь разноголосицей опрокинулась на головы вылезающих из тоннеля.

Вооруженные железными топорами, краснокожие вели себя вызывающе: пели, кричали, шутили. Никакой робости перед ночной тьмой, хранившей жуть, они уже не чувствовали: так резко изменилось их сознание от нового вооружения.

Мъмэм, попав в родную сферу, снова выявил свои предводительские обязанности. Половину отряда он поставил на рубку деревьев и собирание хвороста, другую половину — на стражу. Леопард, свалившийся неизвестно откуда на головы рубщиков, не успел даже пустить в ход своих клыков и когтей; он упал в ту же минуту, сраженный дружными ударами топоров.

Поставив на старое место плиту, загораживающую выход, дикари тем же путем вернулись в пещеру, нагруженные дровами и тушей убитого зверя.

— А у меня для вас сюрприз, — не удержался Николка при виде Скальпеля.

— Ну-те-с! — приготовился Скальпель слушать.

Николка, вопреки своему желанию, принужден был рассказать ему о пластах и странном камне. Пласты ученого медика интересовали мало, но камень — сильно. Из-за последнего он немедленно полез в тоннель, не желая дожидаться утра. Ему сопутствовали Николка и Мъмэм, остальные занялись костром и приготовлением ко сну.

Мъмэм не понимал, почему беспокойные человечки опять лезут в тоннель вместо того, чтобы ложиться спать, как на то указывало позднее время. Но он был дикарь и, кроме того, предводитель. Как дикаря, его интересовал каждый шаг человечков, как предводителя — каждая их экскурсия, сопряженная с опасностью.

В общем же он относился довольно равнодушно к этой поздней экскурсии и позевывал нетерпеливо, пока медик при свете факела рылся в горизонтальных напластованиях тоннеля. Но как только человечки остановились около плоского камня, а Скальпель засуетился в приступе изыскательских чувств, Мъмэм хлопнул последний раз челюстями и сомкнул их в нервной настороженности. Его смущало какое-то воспоминание.

— Ну-ка, друг, камешек бы долой, — обратился к нему медик.

Дикарь дернулся вперед для исполнения просьбы и отвернулся обратно, словно камень для него был чем-то запретным.

— Он боится, — констатировал Скальпель.

Более правильно понял его Николка:

— Ему мешает какое-то воспоминание; может быть, запрещение.

— Ну-ка, Мъмэмчик! — Николка уперся грудью в камень и заразил азартом нерешительного дикаря. Тот подвел пле-

чо, как рычаг, и легким движением обнажил в стене черную нишу. После этого он произнес извиняющимся тоном:

— Пъпа арийя...

Приятеля переглянулись. Скальпель побледнел, как это всегда бывало с ним в решительную и торжественную минуту. Николка с факелом полез было в нишу, но был остановлен сзади, пойманный за пояс могучей рукой.

— Пъпа арийя, — торжественно повторил дикарь, указывая в углубление.

— Ну и черт с ним! — в досаде воскликнул Николка, которому хотелось спать. — Папа, так папа, ведь не мама?!..

— Пъпа арийя... — смущенно пробормотал дикарь и попытался к противоположной стене.

В маленькой пещерке лежал продолговатый предмет, укутанный со всех сторон шкурами. Николка без всякого уважения вытянул его в проход, Скальпель с трепетавшими щеками склонился над ним и осторожно развернул шкуры. На них глянуло задорным волосатым рыльцем иссохшее от времени лицо «папы арийцев»...

Это был мумифицированный трупик, сплошь покрытый густой шерстью. Он удивительно напоминал малыша Эрти своим ростом, длинными руками и детской головкой. Но волосы, ореолом покрывавшие его лицо, были седые; оскаленные из-под уплотнившихся губ зубы — желтые; передняя часть лица походила на рыло животного, и от крестца отходил десятисантиметровый хвостик...

«Папа арийцев». — Медик трактует о заре человечества. — Плиоцен — век гигантов. — О первобытной родине человечества. — Погребенная Гондвана. — Великое переселение. — Вырождение плиоценщиков. — Скальпель против революций вообще. — Николка обещает не вмешиваться в «семейные отношения» плиоценщиков.

Целых два дня, забыв о пище и питье, забыв о суровом плиоцене, о надвигавшейся неумолимо зиме, Скальпель отдавался изучению высохшего трупика. К великому смятению краснокожих, он сначала в течение десяти часов мочил его в воде, затем парил над раскаленными камнями и, наконец, изрезал по всем направлениям.

— Это — жестоко, но этого требует наука, — оправдываясь, говорил он. Впрочем, по истечении двух дней, с кропотливостью часовых дел мастера, Скальпель снова собрал весь труп, сшил его и даже причесал. «Папа арийцев», в результате всех этих манипуляций, стал выглядеть значительно моложе и свежее.

На третий день, поймав вернувшегося с охоты Николку и прижав его к стене, на виду двадцати пар первобытно-изумленных глаз, Скальпель разрядился лекцией:

— «Пъпа арийя» — не обезьяна, милостивый государь, как изволили вы легкомысленно выразиться, и не ребенок, что можно было подумать с первого взгляда. «Пъпа арийя» — взрослый индивид. Скажу больше и скажу смелей: он — человек, находящийся в весьма преклонных летах, — его коренные зубы стерты почти до основания, его черепные швы исчезли, сгладились под влиянием времени. «Пъпа арийя» — старик... проникните, милостивый государь, должным вниманием и должным уважением к тому, что я имею вам сообщить...

— Проникся... — пробормотал Николка, на самом деле проникаясь отчаянием, так как видел, что заряд медика велик и десятки минут не в состоянии исчерпать его.

— Я вам дал доказательства, — непреклонный, как базальтовая гора, продолжал медик, — дал доказательства, что исследуемый нами труп, вернее — мумия, принадлежит индивиду почтенных лет, но я еще не доказал вам, что он — человек...

— Я же верю вам...— рванулся Николка в сторону.

— Милостивый государь! — вскричал медик и поймал Николку за пояс. — Милостивый государь! Вера — чушь! Коммунист не должен говорить такой ерунды. Коммунист всегда и во всем должен требовать доказательств! Всегда доказательств, и во всем доказательств, и больше ничего!.. Слушайте...

Убитый ловким дипломатическим ходом, Николка упал на землю, куда его, кстати, увлек ученый медик, и, стиснув челюсти, обрек себя на мученичество. — «Все равно, больше часа слушать не стану», — успокоил он себя.

— Слушайте! — еще раз предупредил медик и стал извергать каскадом выношенные в течение двух дней убедительные фразы: — Он — человек, но человек зари человечества, т. е. в нем мы имеем ту переходную форму, которую ученые всех стран и народов безуспешно искали на земном шаре и не найдут. Не найдут! — клянусь вам в этом прахом чьей угодно бабушки!.. Но — спокойствие! Я вам сказал, что он человек. Что меня привело к такому убеждению? Череп. Прежде всего, череп. Его объем в два раза превышает объем черепа самой высокоразвитой человекообразной обезьяны. Толщина лобной и теменной кости — всего 10 миллиметров, т. е. лишь на 4-5 миллиметров отличается от толщины соответствующих костей современного человека. Лоб, правда, еще очень покат, но он совершенно не имеет костных гребней, столь характерных для обезьяны. Надглазничные дуги резко выражены, очень резко для человека, но они не больше дуг неандертальца. Затылочная кость еще имеет сильную бутристость, однако с обезьяной и тут нет никакого сравнения. Рисунок борозд мозга, оставившего свой отпечаток на внутренней поверхности черепа, прост, но он все-таки сложнее рисунка обезьян...

— Череп, уважаемый товарищ, *определенно*, я подчеркиваю, определенно указывает на то, что испытываемый нами субъект принадлежит к роду так называемого *разумного* человека... Теперь — лицо. Оно, правда, еще совсем обезьянье. Но ведь я не говорю, что мы видим перед собой *современного* человека. Я говорю, что это переходная форма от животного к человеку. Это — зоантроп, «заря человека», и ему, как таковому, вполне приличествует иметь слегка звериное рыло, иначе никакого бы перехода и не было и пришлось бы допустить, что человек извечно был создан богом и таким существовал с самого начала мира...

— Теперь я, чтобы не насиловать вашего внимания, — а оно у вас, надо признаться, совсем «опервобытилось» — да-да, не возражайте, — я коротко перечислю отдельно и звериные и человеческие черты тела нашего зоантропа... Смотрите, вот где еще сидит зверь, — хвост!! Затем — длина рук — до колен!! Затем — бедро, оно сильно изогнуто — как у обезьяны. И — самое главное — все тело покрыто густой растительностью!.. Человеческие черты — нога! Великолепная нога, вполне приспособлена для хождения, может быть, в слегка согнутом состоянии. Ступня! Хватательные способности отчасти сохранились, большой палец оттопыривается в сторону, но подошва — типично человеческая, с вырезом у внутренней стороны и совершенно лишенная волос.

— Туловище! Антропометрическое правило гласит: у человека туловище всегда короче общей длины ног, у обезьяны — наоборот. Здесь мы видим вполне человеческие пропорции... Зубы! Коренные еще носят обезьяньи следы, передние — более или менее человечесны: клыки пустяковые, такие и среди современного человечества еще попадаются, например, у меня... Вот вам все.

— Вижу, что вас смущает малый рост зоантропа. Но, милый друг, вспомните, что он — первобытнее наших первобытников очень и очень много. Я потом скажу, к какому геологическому периоду его можно отнести. Сейчас я остаюсь на малом росте. Его рост — карликовый, как вы замечаете. Но... вспомните предка лошади, вспомните пред-

ка слона, вспомните, наконец, эоценовых предков всего млекопитающего мира, к какому относится и человек. Разве они не были карликами? Предок лошади, живший в эоцене, едва достигал тридцати сантиметров. Это — так называемый эогиппос, т. е. тоже «заря», но «заря лошади». Предок слона — меритерий, — живший, приблизительно, в то же время, был величиной со среднюю собаку. Предок жвачных животных — аноплотерий — достигал, самое большее, величины осла, а чаще величины некрупной свиньи, и пр., и пр., и пр., и пр. Какой вы отсюда сделаете вывод?

— Я вывожу... — начал Николка, но его горячо перебил Скальпель:

— Вывод такой: все млекопитающие на заре своей жизни отличались весьма небольшими размерами; человек — млекопитающее животное, следовательно, и он не должен выходить из этого природного законоположения. И он не выходит. Вы думаете, это — все? Нет, далеко не все. Я имею сказать нечто, гораздо более поразительное. Слушайте! Слушайте!..

— Мы видим, что все млекопитающие в начале своего развития, почти без исключения, — карлики, и мы также видим, что к середине своего развития — к плиоцену, скажем — они достигают гигантских форм; таковы плиоценовые: мастодонты, слоны, динотерии, носороги, медведи, быки и проч. Таковы и наши краснокожие, превышающие даже мой рост на целую голову. В XX же веке мы уже редко встречаем гигантов среди животного мира. Значит, второе правило: к середине своего развития, а такой серединой можно считать плиоцен, млекопитающие животные достигают высших размеров, чтобы затем снова начать опускать кривую своего роста. Но... вы должны бы мне были задать вопрос. Позвольте, позвольте, я сам! Этот вопрос таков: почему же, я говорю, почему же ученые палеонтологи, геологи и антропологи, наряду с карликами из мира животных эоцена и гигантами — плиоцена, до сих пор не смогли найти карликов и гигантов из великой семьи человечества? Почему до сих пор не найдено карликовых и гигантских форм из предков человека? Ведь должны же

были они существовать, если человек такое же млекопитающее животное, как и все млекопитающие, если он подчиняется всем тем естественным законам, каким подчиняются все млекопитающие? А почему бы ему не подчиниться? — Должен! Должен!.. Мы-то с вами в этом крепко уверены, так как имеем перед глазами живых плиоценщиков и мертвого «папу». Но ведь ученые-то наши, оставшиеся там, в XX веке, они-то ведь до сих пор не могут убедиться в правиле, которое выводится само собой из общих законов развития. Почему же, спрашиваю я, до сих пор они не разыскали скелета плиоценщика и скелета «папы»?.. А вот здесь-то, батенька мой, и закопана свинья, — так, кажется, говорят немцы? Здесь и закопана свинья... Строили предположения, и я сам повторял их за всеми, как попугай, что кости человека, как особенно хрупкие, не могли дойти до нашего времени в целом состоянии, они доходили всего только в виде праха. Чушь! И еще раз повторяю: чушь!.. Почему же, спрашиваю я, дошли до нас кости чертовски мелких животных и — плюс к тому — времен гораздо более древних, чем плиоцен или даже эоцен?.. Ага, теперь вы сами видите, что их предположение — ни больше и ни меньше как ерунда. И если я не так давно — кажется, по поводу питекантропа, — сам уверял вас в этой ереси, то только потому, что другого выхода не было. То есть он был, но — сомнительный. Этот выход — предположить, что человечество развивалось где-то в Азии и оттуда пришло к нам в Европу с началом ледникового периода. Однако Азия, если и не так полно, как Европа, то все же достаточно хорошо обследована в палеонтологическом направлении. И там, опять-таки, ни карликовых, ни гигантских форм человека не найдено. Значит, нужно подальше перенести место появления человека, куда-нибудь на материк, который впоследствии, в плиоцене, скажем, был поглощен океаном. Ага, вы догадываетесь, к чему я клоню. Да, батенька мой, это та знаменитая Гондвана, которая нынче покоится в пучинах Индийского океана; тот знаменитый материк, который в начале третичного периода захватывал в свою территорию Мадагаскар и Австралию и через Индостан соединялся с Азией,

а отсюда с Европой. Вот здесь-то и нужно искать колыбель человечества и местопребывание его вплоть до выделения из себя Неандертальской и Кроманьонской расы. Это не мое предположение. Голландский ученый Халлир первый высказал его, но так как у него было слишком мало фактических данных, в науке эта гипотеза не пользовалась большим распространением. Я имею эти данные. Я и никто иной... Даже вы, несмотря на то, что вы целыми днями пропадаете вместе с краснокожими на охоте, даже вы, несмотря на вашу близость к первобытникам, не сумели или, вернее, не поинтересовались вырвать у них тайну их происхождения и тайну их «папы». Слушайте же, если это вас интересует,— Скальпель понизил голос и склонился к самому уху Николки:

— Пока вы охотились, я вел очень трудную, зато плодотворную беседу с нашими ранеными. Повторяю, это было чертовски трудно. Оджа и Вырк оказались прямо-таки бессловесными существами: в их распоряжении всего какая-нибудь сотня слов; я их записал, конечно, но не в этом дело. Наиболее красноречивым и многословным, зато и наиболее скрытным, выявил себя Гух. Его имя, по всей вероятности, соответствует его скрытному характеру*. Вернее сказать, он был скрытен постольку, поскольку тема моего нащупывающего разговора не лезла в границы запрещенной ему кем-то области, а так он значительно развитее всех своих собратьев. Но я-таки оказался хитрее его, я выведал все, что мне нужно было, выведал в интересах чистой науки. Вот что он мне рассказал.

— Они пришли в Европу всего каких-нибудь двадцать лет тому назад. Их было две или три сотни, «два шьта» или «три шьта», сказал он мне**. Они покинули свою первоначальную родину, потому что «много-много воды» появилось на ней, гораздо больше, чем им требовалось для пи-

* Д-р Скальпель прав: по-санскритски guh (guh) значит «скрытный».

** По-санскритски число 2 будет dva (два), 3 — tri (три), 100 — cata (шьята).

тъя и купанья. Одним словом, потоп. Шли они очень долго, сначала гонимые водой, потом засухой и беззверием; шли, по крайней мере, год, — «одно лето и одну зиму» — других подразделений года у них не имеется. Их дорога лежала с юга на север; справа у них «солнце рождалось», слева «умирало». На середине расстояния им встретились высокие горы, там вода текла «жур-жур»^{ом}, — Эрти почему-то запомнил это слово, хотя при переправе через горы его еще не было, — вывод: в орде часто вспоминали об этой переправе. Потом море преградило им дорогу, — море они знают и называют его «мъра», а пустыню «мъру»; по моему, здесь нужно искать общий корень «мър», что значит «смерть», «умирать»^{*}. Море пришлось обогнуть справа, т. е. с востока, — вы запоминаете все эти подробности? После моря орда прошла еще «много-много» на север. Здесь стояла зима, «большая зима»; такой у себя на родине они не видали, но слово у них для зимы имеется, это — хъма^{**}. В погоне за животными они повернули на запад, снова перребрались через горы, уже менее высокие, потом через широкую реку, в которой вода была «крак», т. е. ломалась, — значит, был лед, и... очутились в Европе. Конечно, они не знали, что холодная и богатая живностью страна была Европой, но мы это знаем, так как в ней они живут до сих пор. Прежде чем передавать вам дальнейшие подробности рассказа Гуха, позвольте-ка вас спросить: какую такую реку они переходили последний раз?

— Волгу, — без запинки отвечал Николка.

— Правильно. А какие горы перед рекой встретились?

— Уральские.

— Еще раз правильно, и все-таки я вас сейчас посажу в лужу...

— Ну-ну, дуйте, — насторожился Николка.

^{*} Д-р Скальпель и здесь прав: по-санскритски «море» называется *mīra* (мира), а «пустыня» — *maḥi* (мару), глагол «умирать» — *maḥ* (мар); корень во всех трех словах общий.

^{**} По-санскритски «зима» — *hīma* (хима).

— Какое море им попало? — продолжал вопрошать медик.

Николка отвечал осторожней:

— Должно быть, то, перед которым мы и стоим: Черное, соединенное с Каспийским.

— Правильно! — вскричал медик. — А теперь: какие горы им в первый раз пришлось переходить?

Николка отвечал еще осторожней:

— Если они шли все время с юга, значит, те горы, что покрывают Иран...

— Правильно! — Скальпель чуть не плясал, готовя ловушку. — А ведь эти горы им встретились на середине пути, откуда же тогда, скажите, лежала их дорога? С Аравийского моря и с Индийского океана, что ли?

— Го-го-го! — поиздевался Николка, прежде чем ответить. — Вы меня за идиотика считаете, благодарю вас. Сами только что про Гондвану говорили, которую поглотил Индийский океан, — значит, они и шли с Гондваны...

Скальпель сразу стал серьезным — больше ему ничего не оставалось — и серьезно сказал:

— Правильно, с Гондваны... Но я вам не поведал, каким образом я проверил то, что мне дали географические показания. Так вот. Орда находилась в дороге год, — как говорил Гух. Допустим, что ежедневно она делала напрямик километров 20 в среднем, считая стоянки, обходные пути и уклонения для охоты. Помножьте 20 километров на 365 (дней). Получится свыше 7000 километров. Эта цифра как раз укладывается на расстоянии от центра Гондваны до Уральских гор... Блестящее доказательство! Блестящее подтверждение того, что нам дало знакомство с географией!.. Итак, они пришли из Гондваны, я продолжаю. Их было «два шьта» или «три шьта»; почему так неопределенно? Если они могли считать до двух-трех сотен, разве так трудно было запомнить численность своей орды? Оказывается, трудно. Потому что Гух — свидетель переселения — в то время был ребенком, это, во-первых. Во-вторых, и спереди и сзади них шло бесконечное множество орд, гонимых тем же потоком. На узких переходах и в проливах, — вспомните,

что Гондвана в начале плиоцена рушилась от землетрясений, вулканических извержений и грандиозных провалов, следовательно, к моменту переселения нашей орды она представляла собой частую цепь мелких и крупных островов, соединенных друг с другом или узкими перешейками, или такими же проливами, — вот в таких-то местах переселенцы скучивались; много их гибло в панической сутолоке бегства, оставшиеся смешивались и дальше шли вместе до тех пор, пока местность не позволяла им снова разбиться на орды — на группы, более удобные для охоты. Гух говорит, что вплоть до первых гор — надо понимать, до Ирана — их было «и много и мало», значит, они то соединялись в большие стада, то вновь разбивались. Большинство орд осело на горах, часть ушла на восток, очень мало на запад и совсем мало, перевалив через горы, на север. Отсюда-то, собственно, и начинается счет Гуха на «два шьта» и на «три шьта». Их орда была единственной из одолевших крутизну гор, на которых завывал ледяной ветер и лежал холодный «сни». В результате этой победы она и составила из отборных единиц, образовала семью великанов, отважно устремившихся дальше на север в поисках пищи и хороших мест для охоты. Численность ее вплоть до новых гор, до Уральских, то увеличивалась, то уменьшалась: слабые гибли в новой, непривычной обстановке, сильные, позднее перебравшиеся через Иранские горы, прибывали сзади. Вот почему так неопределенно Гух называет цифру своих «соорядтников», если можно так выразиться. Слушайте дальше! Колоссальной важности сообщение о колыбели рода человеческого!..

— Гух говорит, что в местах, где переселенцы скучивались поневоле, он видел не одних только краснокожих арийцев. Он видел еще страшных звероподобных двуногих с громадными зубами и ногами, которыми они могли бросать камни. Еще он видел слабых черных карликов с толстыми губами, с приплюснутыми носами, мохнатых и с курчавой растительностью на голове. Видел желтокожих и косях гигантов с черными дыбющимися волосами; уродливых, с маленькой головкой и длинными руками, полуобе-

зьян-полулюдей. Видел очень много других рас, столь не похожих на красавцев арийцев... И все эти стада, объятые паникой, бежали с Гондваны и с ее обломков, вздымавшихся из недр океанических. Симптоматичнейшее явление!.. На Гонд ване, следовательно, люди или те животные, что произвели человека, жили с весьма давних пор, — может быть, еще с мелового периода вторичной эры. Они уже успели — до своего великого переселения — резко дифференцироваться, распасться на весьма отличные друг от друга расы; часть из них успела выродиться, пойдя по пути «озверения», часть достигла высших по тому времени человеческих форм, часть остановилась в развитии и сохранила первобытные черты прародителя. Гух говорит, что на их первоначальной родине стояло почти всегда теплое лето, что больших хищных зверей там не было, зато — обилие плодов, фруктов, ягод, корней и пр. растительной пищи. Это замечательно! Ведь ученые как раз и предполагают, что колыбелью человечества могла быть лишь та страна, где борьба за существование сводилась до минимума. Только в таких условиях человек мог выпрыгнуть из своей животной природы и создать себе технику, — ту искусственную среду, которая стала между ним и природой...

— Слушайте дальше! Интереснейший факт! Относительно «папы» арийцев!.. Они не по праву называют его своим папой — родоначальником своей расы и великанов краснокожих. По преданию, — Гух очень сведущ в преданиях, поговорите-ка с ним! — по преданию, этот «папа» имелся у них еще тогда, — там, на Гондване, — когда большинства вышеперечисленных рас не было и в помине. Я предполагаю, — этого мне не удалось установить, — что в то время существовали одни только такие «папы», давшие начало всем человеческим расам, и какие-нибудь пра-пра-обезьяны, из которых впоследствии произошли все человекообразные животные. По всей вероятности, и «папы», и пра-обезьяны, в свою очередь, имели общего предка. Но это всего лишь мои догадки. Гух ничего подобного мне не говорил и не мог говорить... Вернемся к «папе». Он у них — расовая реликвия. Из-за него происходили вечные вой-

ны, многочисленные кочевые орды упорно отстаивали друг перед другом право владеть им. Кажется, что таких «пап» (кстати, это не мужчина, а женщина, представьте себе! — все равно, как у грузин отец называется «мама», а мать — «деда»), таких мумифицированных «пап» на материке Гондваны было несколько, и сильнейшие владели ими. «Папы» служили стимулом к объединению вокруг себя сильнейших и способнейших, стимулом к естественному отбору. И понятно, почему обладание этой реликвией сопровождалось преуспеванием орды в ее жизни, ее благополучием; ведь вокруг реликвий отбирались сильнейшие, а сила в условиях первобытной жизни значила много. «Папы» передавались не из поколения в поколение, а от сильнейших к еще более сильным, путем ожесточенных войн... Ближе к вопросу о «папах» стоит вопрос о вырождении нашей орды. Об этом я сейчас и поговорю.

— Наша орда стоит на пути к вырождению. Вы удивлены, но это так. Доказательства?.. Вот они: орда мельчает; вы, конечно, обратили внимание, что Мъмэм — единственный из двадцати человек, выдающийся своим ростом и силой; отцы и деды орды, по словам Гуха, все были, как Мъмэм. Орда мельчает и вымирает: из первоначального числа в 200-300 человек, пришедших двадцать лет тому назад в Европу, осталось всего каких-нибудь 50 человек. Вы это увидите потом. Поумирали от болезней, ранений и неизвестных причин за двадцать лет свыше двухсот пятидесяти человек. В своих культурных завоеваниях орда не двигается вперед. Какой пришла в Европу, такую и остается до наших дней. Вот они — симптомы вырождения. Причины? — Причины весьма простые. Прежде всего, орда изолирована от общения с себе подобными, а из социологии вы знаете, как это важно для прогресса. Ее численность, как я вам уже сказал, около пятидесяти человек. Численность слишком незначительная, чтобы двигаться по пути прогресса. Скажите-ка: где представлена лучше возможность делать изобретения и открытия? Среди массы, исчисляемой тысячами и миллионами, или в среде 50 человек? Ясное дело, там, где больше голов, больше и возможностей к про-

грессу во всех отраслях жизни. Потому что там, где имеется широкое общение, где живут на одной территории в близком соседстве друг с другом тысячи орд, каждое изобретение, каждое открытие, каждый шаг вперед быстро становятся достоянием всей массы, населяющей эту территорию, и вся масса поэтому движется вперед. Изолированность нашей орды от общения с себе подобными — первое положение, обуславливающее ее вырождение...

— Второе, вытекающее из первого: недостаток — вернее, полное отсутствие — притока свежей крови. Вы знаете соответствующий евгенический закон? Нет? Вот он. — Если данная группа людей (будем говорить только про людей, хотя это одинаково приложимо и к животным), если она живет продолжительное время в полной изолированности от других групп, если браки среди нее совершаются между ближайшими родственниками, группа эта обречена на вырождение. Почему? Да потому, что нет притока свежей крови, а старая, ослабленная борьбой за существование, слишком много содержит в себе отрицательных черт, особенностей, неблагоприятных для выживания, и родственники, вступая между собой в брак, удваивают, утраивают, вообще усиливают в интенсивности эти отрицательные черты, эти неблагоприятные для выживания особенности. Вам надо конкретней? Извольте — брат и сестра. Произошли, естественно, от общего родителя. Родитель страдал близорукостью (очень отрицательная черта в условиях первобытной жизни, я сам это познал); свой дефект, в виде предрасположения к близорукости, он передал детям. Последним тоже приходится вести суровую борьбу за существование, где зрение играет исключительную роль. В силу этого их зрение постоянно переутомляется, а из-за дурной наследственности становится, в конце концов, слабым. Брат и сестра вступают между собою в брак. Если бы они были чужими друг другу по крови людьми, если бы один из них отличался зверино-острым зрением, дефект второго мог бы компенсироваться, даже уничтожиться совсем благодаря этому. Но они — брат и сестра; оба близоруки. Поэтому дети, появляющиеся от них, наследуют в два раза в большей сте-

пени предрасположение к близорукости. Условия первобытной жизни исключают существование индивидуумов со слабым зрением. Дети, происшедшие от брака брата с сестрой, от кровородственного брака, как говорят, в таких условиях нежизнеспособны, и они вымирают. Понятно?.. Таково второе положение, не сулящее нашей орде долгой жизни.

— Третье, одинаково близко примыкающее и к первому, и ко второму: у них нет стимула к соревнованию, нет стимула, благодаря которому отбирались бы сильнейшие и способнейшие. Они, вследствие своей близкой родственности, все наделены почти одинаковыми качествами... За двадцать лет они не сделали ни одного изобретения в своей технике, ни одного усовершенствования. Гух говорит: как жили наши отцы и деды, так и мы живем. Но я склонен даже подозревать, что они немало перезабыли из знаний своих отцов и дедов. Если бы рядом с ними жила вторая орда, и в этой орде было бы произведено какое-нибудь усовершенствование в оружии или открытие в природе, это заставило бы их ворочать мозгами в том же направлении; их же никто к тому не понуждает, и они не ворочают... Даже «папа», служивший раньше громаднейшим стимулом к прогрессу, средством к отбору сильнейших, ими теперь заброшен за полной ненужностью. Ведь права на обладание им никто теперь у них не оспаривает. Таково третье положение...

— Еще два слова о «папе». Вас, наверное, интересует, почему он так похож на маленького Эрти и почему он мумифицирован. На первое у вас самого ответ должен быть. Я уже вам говорил, что дети, по известному биологическому закону, воспроизводят в своей внешности внешность далеких предков; с годами это их сходство теряется. Между прочим, благодаря этому сходству я укрепился в мысли, что в лице «пъпа арийя» вижу перед собой далекого предка, по крайней мере — эоценового времени, краснокожих великанов. Теперь о мумификации. Она указывает на крайнюю сухость той стороны, где «папа» жил, где он умер и где был погребен. О последнем можно сказать определенной. Погре-

бен он был в песке — песок у него в ушах, в глазах, в ноздрах и в шкуре — в местности жаркой и не знающей осадков, только там могла произойти такая идеальная мумификация. Изрядное время пролежал он в песке, пока его не извлекли оттуда на свет божий и не сделали знаменем, вокруг которого объединились сильнейшие, знаменем прогресса...

Минута молчания. Ровно минута, потому что за это время Николка успел двадцать раз вдохнуть и выдохнуть воздух, собираясь с мыслями. Он был немного взволнован, поэтому сделал лишних четыре вдыхания: его нормой считалось 16 в минуту. Потом — вопрос из глубины сердца:

- Доктор, неужели они вырождаются?
- Вырождаются, мой друг.
- И этому нельзя помешать?
- Можно, мой друг.
- Что надо сделать?
- Вернуть их обратно в среду их соплеменников.
- А сами-то они знают, что их ожидает?
- Нет, мой друг, они живут, как птицы небесные.
- И они не собираются обратно?
- Поинтересуйтесь. Спросите у них сами...

В последнем ответе скрылась какая-то загадочность, недоговоренность. Николка вонзился испытующим взглядом в лицо медика, но лицо, вытянув губы дудочкой, засвистало с деланным равнодушием:

— Фи-фью-фью-фью... Фи-фью-фью-фью-фью...

«Фокусничаешь, дядя!..» — с подозрением отошел Николка от лукавого медика.

На берегу реки его ожидали краснокожие, развлекавшиеся от нечего делать метанием плоских камешков в реку. Камешек бросался горизонтально к воде, и задача заключалась в том, чтобы заставить его сделать несколько прыжков по зеркальной поверхности, прежде чем потонуть. Этому занятию научил их Николка, считавшийся в данном виде спорта непревзойденным чемпионом: он заставлял камень прыгать 15 раз подряд.

— Къколя! Къколя! Прия. Уах!.. — приветствовали его шумно дикари, спеша показать новые свои успехи в метании.

Но Къколя был мрачен и к игре не выказал расположения: лукавый медик вечно какую-нибудь заковырку преподнесет. После его зловещего предсказания даже это невинное развлечение краснокожих Николке представилось в другом свете: взрослые люди занимаются ребяческой игрой! Не один ли это из признаков вырождения?!

Машинально поднял Николка удобную плитчатку, машинально запустил ее в реку, утопив на первом прыжке, и, совсем омраченный, опустился на белый сыпучий песок, вперив грустные очи в далекий горизонт. Надо бы поговорить с дикарями, но как с ними говорить, когда они ни бельмеса не понимают?! Скальпелю это легко, потому что он знает несколько языков, переберет все и найдет, в конце концов, подходящее слово... Потом — такая отвлеченная тема: вырождение и мероприятия против него! Попробуй-ка объяснись мимикой. Ведь это не охота, где слов не нужно, где достаточно порычать, помяукать, повить да помахать на разные манеры руками, и тебя сразу поймут, о ком говоришь... А Скальпель — свинья! Любит загадочки-заковырочки; знает что-то и скрывает по подлому своему обыкновению. А попробуй с ним начистоту поговорить, — сейчас же прикинется обиженной овечкой: «Что вы, друг мой? Это вам померещилось! Я ничего не скрываю, и нет у меня таких привычек. Вы болезненно мнительны, батенька... вам надо полечиться...» И заведет волынку на полчас... Тьфу!..

Подошел Мъмэм, покинув шумную ватагу играющих, опустился на песок подле страдающего Николки и, пылливо глянув ему в глаза, спросил участливо:

— Къколя — рудж круда?*

* По-санскритски «грудь» *krōda* (крода); «боль» *guḥa* (руджа). Последнее слово произошло, по всей вероятности, от *rudh* (руд), что значит «кровь»; церковнославянское — «руда» (кровь).

Как раз перед этим у Николки на охоте открылось кровотечение из раненой груди. Теперь Мъмэм, при виде его угнетенной позы, предположил, что причиной тому растрепанная грудь.

— Нет, — отвечал Николка, — грудь не рудж... Душа по вас, черти красные, болит, вот что...

— Ай-яй-яй-яй!.. — тоскливо закачал головой Мъмэм, будто понимая Николку.

— Вот те и ай-яй-яй! Ведь вы, эфиопы, вырождаетесь, медик говорит... обратно на родину вам надо идти...

— И-и? — ухватился Мъмэм за последнее слово, единственно понятное им из длинной фразы.

— Ну да, «и-и». Туда, на юг, где остались ваши братья-фраары.

— И-и фраар?

— Да-да, к фраарам, туда, за море и горы... Это по-вашему будет... черт, как это Скальпель говорил?.. Да! За «мра» и «гири»... Понял: «и-и к фраарам, за мра и гири».

Николка сам не ожидал такого эффекта: Мъмэм понял его. И опечалился вдруг.

— Ноо... — произнес он безнадежно и залопотал быстро-быстро, с жаром колотя себя в грудь.

Теперь Николка уже ничего не понимал, кроме отдельных слов, обозначающих родство, вроде: пътар — отец, матр — мать, джанни — жена*, и понимал, что у дикаря на душе не так уж спокойно, как до сих пор показывал его невозмутимо-беспечный вид.

Остальные краснокожие тотчас побросали свои камешки и в волнении окружили вождя. Они не оставались безучастными к его стенаниям. У них вообще не было индивидуальных эмоций: радость одного немедленно охватывала всех, горе становилось общим горем. Но здесь не простое сочувствие выражалось вождю, здесь было натуральное общественное горе.

* Соответствующие слова по-санскритски: pitar (питар), matar (матар), janani (джанани).

Встревоженный, прибежал на шум Скальпель, но не подошел близко, а остановился в отдалении. Прислушался к жалобным и возмущенным крикам и... и удалился не спеша, без сочувствия на лице...

Николка предоставил дикарям свободно изливаться в течение нескольких минут, потом поймал мгновение и зашипел, водворяя тишину. К нему уже относились с достаточным уважением, как к отличному организатору охот. Ведь это он — не кто иной — научил их волчьими ямами ловить зверя, загонять в отгороженное место копытных, стрелять из луков дружно и убийственно по команде «пли». С ним теперь считались больше, чем с медиком, о врачебном искусстве которого было порядком забыто.

Но, водворив тишину, Николка не знал, что делать дальше. Говорить? Что? Опять о горах и море? Положение как будто глуповатое. Все устали на него жадными глазами, а он сидит пентюх-пентюхом и лупает бессмысленно зенками. И все слова, какие знал, вылетели.

После трех минут добросовестно-нелепой игры в молчанку у Николки заискрились глаза смехом. Одновременно вернулось самообладание.

— Братцы! — воззвал он, сурово расправляясь с невольной улыбкой. — Вам надо и-и к фраарам, туда, на юг, за мра и гири...

Новый взрыв шумной скорби повлекло за собой это приглашение. Опять заударяли молоты-руки в гулкие груди. Опять птарьы, матрьы и джанни выступили на сцену.

— Тьфу, черт! — рассердился Николка. — Этак я никогда с ними не сговорюсь... Доктор! Доктор! Где вы там?.. Идите на помощь!..

— Я здесь, мой друг, — немедленно отозвался Скальпель, скромно появляясь из-за ближайшего валуна. — В чем я должен помочь вам?

— Вот надо с ними поговорить...

— На какую тему?

— На ту тему, почему они воют.

— Я с удовольствием исполню вашу просьбу, — согласился медик, — но с условием, что вы откажетесь вмешиваться в их семейные дела...

— ?!

— Да-а, милый друг. Мы так мало знаем о быте плиоценового человека, о его семейных и прочих установлениях, что своим вмешательством можем только вызвать катастрофу.

Николка продолжал недоумевать: что имеет в виду «дальновидный» медик?

— Видите ли, — стал разъяснять тот, — в среде их может быть какой-нибудь конфликт, какое-нибудь противоречие, которое по природе своей должно быть изжито медленно-осторожно...

— Эволюционно... — подсказал Николка, относившийся скептически к эволюциям в общественных явлениях.

— Пускай будет эволюционно, если это слово вам более нравится... А мы с своей культурной скороспелостью, со своим увлечением НОТом, с горячкой людей века аэроплана и электричества, захотим ускорить решение этого противоречия, не учтя — да и сумеем ли мы учесть? — специфические особенности первобытного времени.

— Важно сказано! — одобрил Николка. — Теперь жарьте о своем конфликте. Вам, кажется, можно и не вступать в разговор с дикарями?

— Совершенно верно, мой друг. Я достаточно знаком с положением вещей в нашей орде. Об этом мне подробно поведал раненый Гух. Ваша правда: мне не требуется новых разговоров. Но прежде чем сообщить вам о существующем в орде конфликте, разрешите получить ваше слово, что вы не будете делать глупостей.

— Я глупости делать перестал с 10-летнего возраста, — пробурчал Николка. — 10-ти лет я уже помогал отцу зарабатывать на хлеб...

— Верю, мой друг. Я неправильно выразился. Вы должны дать мне слово, что не станете вмешиваться в семейные неприятности наших первобытников.

Крепко зная, что в первобытном обществе семьи не должно быть, Николка громко и торжественно провозгласил:

— В семейные неприятности не буду вмешиваться!.. — а про себя добавил: «Медик в калошу сел, ха-ха!»

— Вот спасибо, друг, — радостно вздохнул Скальпель, не помышляя ни о каком подвохе. — Теперь я вам расскажу все.

— Сыпьте! — приготовился Николка слушать.

Они ушли в сторону от шумливой ватаги и сели на берегу возле самой воды.

— Должен вам сказать, — начал медик, — что наши 20 красных друзей не представляют собой целой орды, они лишь часть ее, — правда, наиболее существенная. Вся орда, как я говорил раньше, насчитывает в себе около 50 человек, — есть женщины, дети, старики и инвалиды; все они находятся отсюда на расстоянии одного дневного перехода. Женщин и детей, если я правильно понял Гуха, очень незначительный процент. Орда недавно, всего месяц назад, подверглась нападению со стороны звероподобных двуногих, вырожденков из человеческого рода, наших старых знакомых, разгромивших нашу пещеру и двор. Нападение было совершено в момент отсутствия боеспособных членов орды, занятых в это время охотой. Выродки взяли в плен много женщин и детей, из которых половину тут же съели (да, да, людоедство у них распространено повсюду), половину забрали с собой для этой же цели. Вот тогда-то и Эрти попался к ним, и его ждала та же горькая участь, если бы не мы. Остальные, успевшие скрыться в пещеру, отбились кое-как и остались живыми. Погибло около 30 человек и столько же осталось...

— Гух говорит, что после этого разгрома у них, у охотников, окрепло давнее стремление покинуть эти холодные местности, уйти туда, где стоит вечное лето — «сама», где солнце — «суриа» — горячее и ласковое, где много «арийя», где много «нари» — женщин. Последний вопрос более всего интересовал дикарей, так как их жены в большинстве своем погибли. Но, друг мой, им пришлось считаться с желанием всего коллектива. Старики наотрез отказались идти

в столь далекую дорогу: они — дряхлы, слабы, немощны, они не вынесут всех тяжестей ее и они не отпустят от себя женщин и детей. Заметьте, я не становлюсь ни на ту, ни на другую сторону, а стараюсь быть вполне объективным... Я спрашивал Гуха, разве охотники не смогли бы уйти одни — без женщин, стариков и детей? Я задал этот вопрос с намерением узнать крепость семейных уз, существующих в орде. Увы, мой друг, эти узлы весьма непрочны... Стоять друг за друга, охотник за охотника они готовы до последней капли крови. Здесь, в охотничьем молодняке, узлы дружбы отличаются крепостью необыкновенной, но в орде?.. Мне ответили приблизительно так: мы давно бы ушли одни, но мы не знаем дороги, и, кроме того, на одной мясной пище трудно прожить... Они, видите ли, считают ниже своего достоинства собирать плоды, овощи и корни. Это специальность «абалы» — слабых... Я подозревал, что и с нами они держатся до тех пор, пока не исчерпан наш запас фруктов и ягод... О непрочности связей между охотниками и остальной ордой говорит и тот факт, что до сих пор наши гости ни разу не выказали беспокойства о своей орде, а ведь прошло уже трое суток, как они с нами, да еще трое суток, как они покинули орду... Увы, в первобытном обществе, если только можно употребить здесь слово «общество», царят грубо материалистические отношения. Не таким я себе представлял первобытный коммунизм...

— Значит, вы заблуждались, — сказал свое слово Никола. — И не знаю я, почему вы говорите о каком-то грубом материализме, когда здесь, судя по вашему рассказу, самый настоящий — чистой воды — жизненный материализм. Почитайте Генриха Эйльдермана «Первобытный коммунизм и первобытная религия», и вы скажете, что иначе никак нельзя представить отношений в первобытном человечестве, как только основанными на взаимных материалистических интересах.

— Эйльдермана я не читал, — сознался Скальпель, — и вряд ли теперь удастся прочесть его, но дело не в этом. Я вам рассказал все без утайки и повторяю еще раз, что вы

не должны вмешиваться... Это должно разрешиться само собой, без нашего участия.

— Во что вмешиваться? — переспросил Николка, не желая давать слово на неясное требование.

— Вмешиваться в семейные отношения...

— Ага! В семейные отношения не буду вмешиваться. Даю слово.

«Эх, олkki жълон!..». — Плиоценщики выражают желание вернуться к своим старикам. — Заготовка продовольствия. — Охота на лошадей. — Революция в быту плиоцена. — Друзья устраиваются на зиму в пещере. — Социологический спор между фабзавуком и медиком. — Второе пари Скальпеля.

— Ну, ребята, — на другой день рано утром сказал Низколка дикарям, — собираемся на охоту — на мргайю. Будем ловить много-много крупных зверей, много мрга. А потом пойдем — значит, и-и, — к вашим птарам, матрам и джанкам, у кого они есть...

Скальпель нежился в пещере, выжидая, когда пройдет утренняя свежесть; поэтому оратор, не боясь быть разоблаченным, был откровенным:

— Мы захватим с собой птаров, матров и прочий балласт и тогда айда на вашу родину. Понятно? И-и туда — татра, — и он махнул рукой на юг.

Дикари взвыли восхищенные, воем подтверждая, что, хотя оратор выражался крайне темно и причудливо, они все же понимают его. Вслед за дикарями взвыли и собаки, почуявшие в криках своих друзей радость предстоящего разгула по широким степям, по крутым горам, по непролазным дебрям...

— Да, — продолжал Низколка, — уйдем за мра и гири... Скальпелю натянем нос и старикам тоже. Стариков ваших я понимаю отлично и сочувствую им: они пекутся о себе, но одновременно — невольно, конечно — и о сохранении коллектива. Не будь стариков, вы давно бы разбежались в разные стороны. Скальпеля я тоже понимаю, но не сочувствую: он принципиальный противник всяких революций и, в особенности, революций общественных. Я ему дал слово, что в ваши семейные отношения вмешиваться не буду, и я сдержу это слово, потому что у вас семьи нет, а есть орда, но я все-таки вмешаюсь в ваши возрастные отношения, в отношения между стариками и молодежью... Со старика-

ми, без сомнения, нам придется немного повоевать, а если они откажутся идти, мы их просто свяжем и погрузим на Ду-душку...

— Мы должны заготовить много мяса — «мса», много плодов — «пъла» — и всякой другой растительной пищи. Мы должны дожидаться, когда выпадет белый снег — «пандъра сни», когда вода — «уда» — сделает «крак»^{*}; тогда мы перейдем Волгу, вот эту «ръкха», и дунем на юг, где жарит солнце, где народищу — уйма и где весело жить, эх, елки зеленые!..

— Эх, олkki жълон!.. — подхватил проказливый Ург, давно смотревший непосредственно в рот чудаку Къколе.

— Эх, олkki жълон!.. — покатилося по всем охотникам, и это восклицание с тех пор стало ими применяться универсально: наступит ли кто ногой на колючку, промахнется ли из лука в зверя, попадет ли — все равно «олkki жълон!»

В полдень, вернувшись с богатой охоты (тур, медведь и два оленя), Николка объявил Скальпелю о желании краснокожих вернуться в орду.

— Это вы их подбили.. — подозрительно заметил медик.

— Каюсь, — сказал Николка, — мне очень хочется побывать у них в гостях.

— Но... — предостерег Скальпель. — Слово?..

— Мое слово крепко, — усмехнулся Николка и, чтобы его потом не укоряли в вероломстве, повторил торжественно: — В семейные отношения — ни-ни...

— Ну, то-то же, — успокоился медик. — А желание ваше приветствую.

— Но мы думаем сначала запастись продовольствием, — сказал Николка.

^{*} «Плод» по-санскритски phala (пааля); «белый» — pandura (пандура); «вода» — udaka (удака) — отсюда латинское unda (унда) — «волна», отсюда же русское «вода».

— Это вы думаете, — поправил его медик. И он был, конечно, прав, так как дикари жили изо дня в день и о возможностях делать запасы даже не подозревали.

— Впрочем, это все равно. Приветствую. Давно нужно было. Наступает зима, охотиться становится труднее.

Скальпель дал согласие за себя, за трех раненых и за Эрти, что они все мясо, приносимое охотниками, будут регулярно, каждый день, коптить, сушить и засаливать. Кроме того, он пообещал научить своих пациентов выделять снятые с животных шкуры, чтобы впоследствии из нихшить зимней одежды. Последнее было не лишним — у дикарей в выделке шкур господствовал самый примитивный способ: они сначала очищали их кремневыми скребками от мяса, жира и сухожильных растяжений, затем сантиметр за сантиметром пережевывали, обильно смачивая слюной. Таким способом много шкур не выделаешь, и желающих на эту работу находилось всегда мало.

Один за другим — целую неделю — тянулись трудовые дни. Горы сушеного, копченого и соленого мяса заполнили пещеру. Фрукты и ягоды, собираемые охотниками между делом по настоянию Николки, тоже составили солидные запасы. В сознание дикарей еще не проникло оправдание таким громадным запасам, тем не менее охотились они, не зная усталости и не ослабляя пыла, с утра до глубокой ночи. Не отставал и Скальпель со своими пациентами: также с утра и до ночи пылали на дворе огромные костры и циклопическая печь-плита, на которых производилась заготовка впрок мясной и растительной пищи.

Седьмой день недели, по обоюдному соглашению, Скальпель и Николка решили отвести под праздничный отдых. К этому дню ученый медик готовил какой-то «грандиознейший» сюрприз, которому так и не пришлось осуществиться, потому что еще более грандиознейший сюрприз в этот день преподнесла друзьям природа.

На заре, когда еще туманы плотной молочной завесой висели над землей, вышел из пещеры Мъмэм, чтобы посмотреть: не сделалось ли с водой «крак». Примчался он обратно сломя голову, будто и вода сделала «крак», и все

на свете «крakнуло». Еще все спали, и всех он безжалостно растолкал, в самое ухо выпалив каждому азартным шепотом:

— Акъьву!.. Акъьву!.. Акъьву!..

С кинематографической быстротой повыскакивали дикари из-под теплых шкур и, как были нагишом, попрыгали во двор. «Акъьву» значило «конь» и еще значило вот что.

Давно краснокожие вождеденно посматривали на Николку, постоянно сопровождавшего их на охоте верхом, и ждали они только удобного случая, чтобы самим «объакъвиться», олошадиться. Если необходимости в запасах они не могли осознать, то преимущество конного охотника перед пешим понимали великолепно: все, что вело к облегчению в способах добывания пищи, ими усваивалось прекрасно.

— О негодяи! — крикнул Скальпель вдогонку. — Оденьтесь, простудитесь.

Его голос, голос отца, пекущегося о здоровье детей, пропал бесследно в густом тумане. Только Николка внял ему и накинул на плечи плащ из шкуры леопарда.

Дикари, дрожа от холода и нетерпения, собрались в стойло Живчика. Они ждали Николку, который незаметно для них стал предводителем во всех их начинаниях, связанных с охотой. Мъмэм энергично жестикулировал, объясняя, сколько он видел «акъьву», где они находятся и как их надо ловить. Подоспевший Николка усомнился в сообщении дикаря и, так как на конкретные темы он мог беседовать свободно, то и спросил на языке жестов, т. е. закрыв глаза левой рукой, а правой разгоняя туман:

— Как Мъмэм мог увидеть «акъьву» в тумане, густом, как дым?

Мъмэм на том же языке, вперемежку со словами, рассказал все подробно.

Мъмэм шел к реке посмотреть, не сделала ли она «крak». Земля холодом щипала ноги, и вдруг — что-то горячее!.. Он даже привскочил от неожиданности, привскочил вот так, как человек, наступивший на змею «ург»... Это был лошадиный помет — «кака», — совсем теплый, совсем го-

рячий; от него шел пар, как изо рта, вот так: ху-у-у... По-мета было на десять-десять-десять-десять-десять лошадей, на десять-пять, на «дашнь-пяньч» акъви*. И лошади совсем близко, потому что Мъмэм слышал «и-го-го-го», слышал ржание на расстоянии полета камня, брошенного слабым ребенком, «абалья рбанк». Лошади ушли туда, где умирает солнце, ушли на запад. Там есть гора, треснувшая пополам, там — ущелье; лошади пошли в ущелье; охотники там поймают их...

После такого подробного — и поэтому убедительного — отчета нельзя было сомневаться в сообщении дикаря. Николка разделил отряд и стаю собак на две половины. Первую, во главе с Мъмэмом, он послал вперед с заданием обойти табун и стать у него на пути, загородив ему выход из ущелья. Сигналом, показывающим, что задание выполнено, должен быть троекратный крик махайродуса. Тогда Николка, во главе второй половины отряда, обрушится на табун с тыла. Нужно стараться, чтобы лошади не прорвались сквозь ряды охотников, для этого пустить собак вперед.

Охотники первого отряда, держа руки на загривках собак, помчались в обходной путь, подобные немому урагану. Второй отряд двинулся не спеша, следя за отпечатками копыт на прибрежном песке. Отпечатки эти действительно от реки поворачивали к ущелью. Ущелье служило некогда ложем бурной речонки; теперь по нему вился лишь небольшой ручеек, впадающий в Волгу.

Табун успел уйти далеко. Выползло из-за реки олохмаченное туманом солнце, брызнуло светом, очистилось само, очистило землю от молочной мглы, и только тогда почуяли дикари носами присутствие впереди себя доброй полусотни лошадей. Николка привел отряд к боковому отрогу ущелья и здесь рассыпал в цепь и животных и людей. От-

* Счет древних индусов, по всей вероятности, близок к счету «плиоценщиков», и он очень похож на русский. Вот он, по порядку — до 10: adi (ади), dva (два), tri (три), satur (чатур), panca (панча), sas (шаш), sapta (сапта), asta (ашта), navan (наван), dacan (дашан).

рог был глубокий, обладал крутыми, почти отвесными стенками и имел только один и притом весьма узкий выход — в ущелье. Через некоторое время послышался впереди троекратный рев махайродуса и тотчас за ним — беспокойный топот опрокинувшегося назад табуна.

— Ну, ребятки, держи собак крепче и приготовь глотки, — предупредил Николка своих охотников.

Табун приближался, грохотали камни под копытами, — казалось, откуда-то сорвалась лавина и мчит, сокрушая все на пути. Но топот покрывался хоровым ревом махайродуса (Мъмэм старался!) и свирепым лаем громадных собак. Николка едва сдерживал азарт своих охотников, неудержимо рвавшихся вместе с собаками навстречу бегущей лавине. Только когда матерый жеребец — не гиппарион, а настоящая лошадь-великан, — вырвавшись из поворота, показался во главе табуна и поравнялся с предательским отрогом. Николка дал сигнал. Охотники, с топорами в руках, пустив вперед корчившихся в кровожадном вожделии собак, рванулись с места в карьер, оглашая воздух рывканьем пещерного льва. Жеребец, а вслед за ним и весь табун, круто вздернувшись в воздухе, перевернулись на дыбах, шархнулись вспять, снова вздыбились и хлынули безудержным потоком в единственно свободное от рева и зверей место — в проход бокового отрога — в западню...

Трудное было дело заставить дикарей и собак, разгоряченных преследованием, войти в нормальные свои чувства. Николка, став у входа в западню, собак отогнал от нее копьём, а людей руганью, выраженной в категорической форме. Все-таки три-четыре собаки прорвались к яростно метавшимся в ловушке животным и там, в назидание краснокожим, быстро расстались с жизнью под ударами многочисленных копыт.

— Эх, олkki жълон, — жалобно воскликнул Гири: из погибших собак две были его.

Смерть четвероногих друзей на разгоряченных дикарей подействовала как студёный ливень с безоблачного неба. Они перестали лезть на рожон и сразу вспомнили о двух своих предводителях. На Къколю и на Мъмэма уставилось

шестнадцать пар вопрошающих глаз. Гири констатировал печально:

— Къян мьэрт... — что в переводе на русский значило: — Собаки-то подошли...

— Ничего нет мудреного, — отвечал Николка и прибавил назидательно: — Это тебе не буржуазная танцулька, а плиоцен!

— Лио-це... — растерянно подтвердили дикари и все свое внимание перенесли на маленького человека, продолжавшего оставаться спокойным в таких исключительных обстоятельствах.

Не слезая с коня, Николка взял у Мъмэма связку мочальной веревки; один конец ее он привязал к луке седла, на другом сделал петлю и кольцами собрал всю веревку в правой руке. Оставив Мъмэма вместо себя, он шагом поехал в овраг, где сбился в плотную, но беспорядочную кучу отчаявшийся найти выход табун; вне его пребывал лишь один вожак-жеребец; на приблизившуюся странную пару — гиппарион плюс двуногий — он вытянул шею. Живчик приветствовал жеребца серебристым ржанием. Полосатая кобылка бесспорно была красива, но доверия не внушала; жеребец повернулся к ней крупом, намереваясь использовать отпущенные ему природой смертоносные копыта. Момент был удобный, и Николка не зевал: разматываясь, заструился в воздухе аркан, петля легла на стройную шею великана-жеребца. Не давая пленнику времени на размышление, вскачь понесся Николка по направлению к выходу из оврага. Дикари сорвались ему навстречу, заранее подготовленные Мъмэмом. Аркан хлестко натянулся. Не ожидавший такого оборота жеребец повалился навзничь. Дикари перехватили веревку и быстро-быстро, как ребята бумажного змея, стали собирать ее. Дрыгая беспомощно копытами, полузадушенный жеребец на спине выехал из оврага и не успел опомниться, как был связан по всем четырем ногам, занузdan и на могучих плечах поднят с земли в стоячем положении. На хвосте, на ногах, на гриве с обеих сторон висели у него греготавшие дикари.

— Кто собирается прокатиться? — перекричал всех Николка, иллюстрируя свой вопрос жестами.

— Мъмэм, — был твердый ответ, и никто ему не перечил.

Николка снабдил дикаря мешком из мочалы и объяснил, когда и как нужно применить его.

Охотники все еще удерживали связанного пленника, когда Мъмэм в один прыжок вскочил на него. Два удара ножа, и путы были сброшены. Жеребец, с налитыми кровью глазами, молнией рванулся вперед, почуяв свободу, и вдруг, резко остановившись, начал выделять сатанинские прыжки, дробить камни копытами и крутиться на месте гигантским волчком. Дикари, довольные зрелищем, хохотали во всю глотку, ладонями ударяя себя по бедрам. Мъмэм испускал ликующие звуки и, казалось, совсем не чувствовал рискованности своего положения. После десятка замысловатых вольтов жеребец понял, что такими приемами ему не сбросить приклеившегося к спине всадника, что неистовые вопли двуногих и вой собак, привязанных к дереву, заставляют его терять последние остатки разума. Изогнув шею крутой дугой, он сделал отчаянную попытку зубами добраться до волосатой ноги, но не добрался, потому что нога исчезла, вместо себя выставив могучий кулак, в кровь разбивший ему губы. Тогда жеребец, не помня себя от боли, от унижения, от темного ужаса, вон понесся из рокового ущелья...

— Приступим к следующему, — сказал Николка. За великана Мъмэма, скрывшегося из глаз, он нисколько не боялся. Все дикари научились лихо ездить верхом, — правда, на укрощенном вполне Живчике; все научились пользоваться поводьями, а седло они даже игнорировали, находя его элементом смехотворным и мешающим свободному движению. На вкус и цвет товарищей нет — Николка не спорил: без седла, так без седла — меньше работы, но уздечки и поводья он приготовил на всех двадцать человек.

Со следующими лошадьми дело пошло значительно легче. Живчика с Николкой они подпускали вплотную к себе,

и аркан с выбором вытягивал из их гущи очередного пленника.

Охотничья дружина постепенно таяла: один за другим уносились новые всадники. С уменьшением числа дружины увеличивалась опасность дальнейшей ловли. Николка приостановил ее, когда осталось всего пять человек и когда двое ловцов были попотчеваны гневным копытом. Спустя четверть часа начали прибывать дикари на укрощенных лошадях; впрочем, трое вернулись пешими и притом сильно сконфуженными; это были плутоватый Ург, Гоо — охотник на коров — и Ничь, родившийся ночью. Их встретили дружелюбно, громким хохотом; неудачники успели сговориться и дружно оправдывались тем, что лошади под ними сдохли от напряжения... Для того, чтобы вернувшиеся кони стояли спокойно, им сделали на глаза повязку из разрезанного на полосы Николкиного плаща. «Попадет мне от Скальнеля, — говорил Николка, — он передернет карты и обвинит меня в порче народного достояния...»

Поймали еще восемь коней. Табун поредел и был теперь так распуган, что близко к себе никого не подпускал. С десятков пленников прорвалось сквозь заставу и вихрем умчалось на волю, в сопровождении оборвавших веревки собак. Тогда Николка переменил тактику.

Дождались возвращения всех охотников, потом верхами окружили табун, состоявший к тому времени из двух десятков голов. Собак поместили на периферии круга, и таким порядком двинулись из естественной западни по ущелью к дому. Лошади, подавленные численностью врага и, главным образом, свирепым кольцом громадных собак, до самого двора шли без попыток к бегству. Перед двором, в виду замешательства во вражеском кругу, штук шесть из них улучили удобный момент и прорвались на волю. Николка махнул им вслед рукой и остановил дикарей от преследования.

Скальпель, вопреки положению вещей, встретил охотников и табун без малейшего намека на удивление. Он только весело потирал руки и подсмеивался:

— Собственностью обзаводитесь, друзья, ха-ха... Это мне на руку, на руку. Пожалуй, я скоро пари выиграю...

— Это собственность общественная, — возразил Николка. — У вас слишком элементарные представления о коммунизме. Стыдно! Вы думаете, что коммунисты непременно должны ходить голыми, не стричь волос и ногтей, а питаться по евангелию: акридами и диким медом. Стыдитесь!..

— Ну-ну, я пошутил... — отвечал сконфуженный медик.

Его загадочная невозмутимость раскрылась просто. Оказывается, охотники перед тем, как вернуться в ущелье, все до одного заезжали во двор, не слезая с коней, кричали громко и победоносно:

— Ффель! Ффель! Вах-акъьву! — и когда медик со своими пациентами высовывался из пещеры, гарцевали перед ним по двору в позах премированных жокеев. Таким образом Скальпель заранее узнал о готовящемся ему сюрпризе.

Приобретение лошадей породило целую революцию в быте плиоценщиков, встряхнуло их, взбудоражило, заставило ворочать мозгами так, как до сего времени ни разу не приходилось ворочать. В этом заключался огромный фактор прогресса.

Впустив табун во двор, дикари попрыгали со своих коней и с самым жизнерадостным гвалтом ринулись к ученому медику, к его печке, на которой жарились аппетитные свиные котлеты — каждая величиной с небольшой тазик для стирки белья; с утра они ничего не ели, а медик, учитывая их аппетит, не хотел разбиваться на мелочи. Николка остался один у ворот. Он соскочил с Живчика и теперь размышлял: как ему без помощи краснокожих (а на них надежды были проблематичны) завалить камнями ворота. Вдруг — рраз! — Николка вверх ногами катится на песок. Через него, шаловливо дрыгнув задними копытами, пролетает укрощенный Мъмэмом жеребец, за ним кобылка, вторая, третья... Шесть обьежженных лошадей, одна за другой, вырвались из плена, пока краснокожие размазни догадались, прихлопнув свои ротовые отверстия, заменить собою сшибленного от ворот Къколю.

— Идиоты! — взбешенный, проорал Николка, поднимаясь с песка и растирая на плече свежий кровоподтек.

— Дёты... — гневно повторил Ург, так как в числе шести лошадей была и вторая его лошадь.

Медик тоже отозвался от своей плиты — хладнокровно и язвительно:

— Учите, учите их уму-разуму. Меня они уже перестали слушаться.

Первой истиной, которую познали дикари благодаря приобретению лошадей, было: если хочешь сохранить за собой пойманное животное, закрывай ворота.

Так они и сделали, чтобы сохранить остальных. После чего ничто более не мешало им отдаться уничтожению Скальпелевских яств.

Но время было раннее, — на часах медика, уцелевших во всех пертурбациях каким-то чудом и потерявших всего лишь стекло, минутную и секундную стрелку, стоял второй час дня... У дикарей после сытного завтрака возникло естественное желание поохотиться верхами. Их главный вождь — маленький Къколя — на это усмехнулся коротко, встал, лениво потягиваясь; следовательно, если он и не выражал безумной радости по поводу замысла краснокожих, то и не относился к нему отрицательно. Возможно еще, что он сам захочет участвовать в этой экспедиции. Дикари шумливой гурьбой побежали к табуну. В следующую минуту раздались глухие удары чего-то твердого о что-то упругое, посыпались тяжелые комья тел на песок и осенне-звонкий воздух заколебался в гневно-изумленных междометиях:

— Ваах! Охе! Ух! Ху!..

Если бы эти удары приняли на себя Скальпель и Николка, лежать бы им в постели неделю, а то и две. Дикари же вскочили, почесываясь.

Второй истиной, открывшейся им в этот день, было: если рассчитываешь кататься на только что укрощенных лошадях, всегда помещай их или привязывай отдельно от неукрощенных.

Николка, хохотавший под сурдинку, предоставил дикарям самостоятельно разделяться с возникшим недоразу-

мением. Второй штурм, произведенный ими с теми же негодными средствами, закончился столь же плачевно. На третий — желающих не нашлось. Дикари были, возмущенные своим бессилием и неприступностью лошадей, были, приплясывая на месте от не находивших себе приложения сил. Скальпель с пальцем, приложенным к переносице (читай: с мыслью), подошел к Николке.

— Чем вы ловили лошадей в первый раз? — спросил он.

— Арканом.

— Почему же они сейчас не обратятся к нему? — Скальпель искренно желал помочь дикарям: их галдеж действовал на его слабые нервы...

— Потому что, — отвечал Николка, — они слишком возбуждены, чтобы помнить об аркане.

— А! Это интересно! — не то с иронией, не то серьезно произнес медик. — Вы замечательно тонко разбираетесь в их психологии. Будем смотреть!

Не прошло и двадцати минут, как дикари вдруг успокоились, а успокоясь, действительно вспомнили об аркане. Николка торжествовал.

После охоты, которая, кстати сказать, не состоялась по той простой причине, что охотники все свое внимание обращали на коней, открылась им третья истина и в этот день последняя: лошади, так же как и люди, как и все живущее, требовали питания, — мяса они не ели... Для Живчика Николка каждый день с самодельной косой ходил косить траву на ближайшую поляну. Дикари, хотя и видели, что Живчик питается травой, смеялись над косарем от души, не умея связать эти два факта. Теперь они связали их, когда у каждого была лошадь, отказавшаяся от мясного питания, и поняли, что косой работать гораздо легче, чем голыми руками. Николка вынул запасные косы, приделал к ним древки, и плиюценщики до темноты косили с упоением и с сознанием важности исполняемой работы.

Четвертая истина — пожалуй, самая важная — развернулась во всей широте в течение следующего дня. С утра было положено ей начало.

Дикари вставали всегда до солнца, — это был их обычай, унаследованный от звериного прошлого; к нему невольно привыкли и люди XX века: спать после пробуждения плиоценщиков, незнакомых с правилами хорошего тона и поэтому начинавших день песнями, было мудрено. В это утро заря встречалась с новыми песнями. В пещере было темно. Дикари высекли огонь, развели костер. Подле костра уселись в крут. Тоненьким голоском затянул Ург. Лукавый Ург, проказник Ург! Ург-поэт!

— Къколя пой-мал ло-о-ша-адь. Ой-е!..

Все подхватили дружно и торжественно:

— Поймал Къколя лошадь. Вах, хорошо!..

Мысли дикарей были заняты лошадьми и больше ничем; поэтому, когда розовый луч рассвета робко прокрался в пещеру и свет от костра померк рядом с ним, все, оборвав песню, бросились во двор к лошадям. Прежде всего нужно было проверить: съедена ли трава, и затем: не разучились ли они сами за ночь ездить верхом. Трава оказалась подобранной дочи́ста — блестящее подтверждение третьей истины и необходимости нового покоса. Пожалуй, сначала нужно было накормить лошадей, а потом кататься на них. Но Мъмэм твердо сказал «мргайя», и он был прав; так как предстоящий день не был обеспечен свежей мясной пищей, надо идти на «мргайю». Но Николка вчера обещался им показать, как строятся пещеры для лошадей, — надо оставаться во дворе... Николка действительно вылез из пещеры с топорами, пилой и неуклюжими железными гвоздями. Ему сразу же бросилась в глаза растерянность дикарей. Зная каждое движение души своих плиоценщиков, входя во все мелочи их быта, он быстро понял их растерянность: перед ними во весь рост стали четыре неотложные задачи, и они не знали, на что решиться; более всех других задач их привлекала первая: проверить свои способности в верховой езде. Но и на охоту нужно идти и на покос; не мешает также остаться во дворе, посмотреть, что собирается творить хитроумный Къколя... «Ага, милые, вот где ваш быт-то корежится!» — с удовлетворением отметил Николка. Его организаторские способности были достаточны для того, что-

бы одним ходом решить четыре «трудные» задачи. Прежде всего он пристроил раненых разводить Скальпелевскую печь — сам Скальпель, воспользовавшись окончанием пещерного концерта, снова окунулся в безмятежный сон; затем двух дикарей послал в пещеру принести мяса и фруктов из наготовленных запасов, при этом сказал:

— На охоту идти не надо...

Краснокожие восторженно заплескали руками; они поняли, наконец, целесообразность запасов: им не нужно теперь ходить на охоту, привлекательность которой погасла перед более привлекательными занятиями. Запасов много — вах! На много-много дней хватит! Они могут, не заботясь о каждодневной охоте, целиком отдаваться тому труду, который их притягивает своей новизной и который им поэтому люб. Вах, какая большая голова у маленького Къколи. Что он придумал, ой-йе-йе! Это и была четвертая истина, пожалуй, самая важная, которая крепко зафиксировалась в первобытных мозгах, благодаря изменению быта, и двинула их далеко вперед по пути развития...

Николка не кончил еще своих распоряжений, направленных к общему благу. Семерых дикарей, вызвавшихся добровольцами, он отправил косить траву, с наказом не опоздать к завтраку; в помощь им для переноски скошенного был придан Ду-ду, мастодонт. Остальные дикари, вместе с ним и малышом Эрти (Эрти на Живчике), разрешали последнюю задачу: до самого завтрака катались взапуски по песчаному берегу реки...

К завтраку собрались все; раненые самостоятельно приготовили суп и компот в глиняных котлах, увезенных Скальпелем с места первой стоянки. Чтобы быть справедливым до конца, Николка предложил дикарям, поработавшим на славу — они не на день, а на несколько дней накосили сена — закусив, отправляться на проездку своих лошадей.

Когда Скальпель изволил стряхнуть с себя сон и выползти из пещеры, на дворе кипела работа. Вах! Строились конюшни, стояла, а для мастодонта — целая галерея с колоннами!

— Эге, батенька мой, — заметил медик Николке, — да вы никак оставили мысль об орде?!

— Орда подождет, — отвечал тот, красный от горячки работы, и минуту спустя прибавил неуверенно: — Мы решили зиму здесь пробить и сюда же привести всю орду...

— Кто это «мы»? — засмеялся Скальпель, впрочем, довольный решением своего предприимчивого друга.

Он не был ленив, — этот медик, — только любил поспать. Наскоро закусив скромными остатками вареного мяса и компота, он попросил отрядить к себе несколько дикарей, мотивируя:

— Ежели оставаться здесь на зиму, пещеру нужно привести в сносное состояние, ремонтировать и благоустроить ее. Зима на носу — надо спешить...

В жизни плиоценщиков открылась новая эра, — эра, которой более самостоятельно, без революционного вмешательства коричневых человечков, они достигли бы через десятки тысяч лет. Нельзя сказать, чтобы они работали вполне сознательно — по крайней мере, на первых шагах, но — с безотносительной верой во все начинания человечков, ибо начинания эти всегда разрешались необыкновенными вещами. Несомненно еще одно. Они гордились тем, что в созидание этих вещей вкладывается их труд. Когда рушилось двадцатисаженное дерево, подрубленное или Мъмэмом, или Ургом, или Ркшою, или еще кем, дровосек становился в гордую позу, топал ногой, привлекая к себе внимание всех, и трижды провозглашал свое имя, твердой рукой указывая в то же время на сраженное дерево. Когда из бревен незаметно вырастало строение, восторгу юных строителей не было конца. Ведь это они строили — къян их заешь!.. Вот это самое бревно, которое теперь так высоко, срубили Кана и Гири. — Вах! Они хорошо запомнили его. А на этом Джала обрезал себе руку и мейд Ффель, сидя на нем, перевязывал рану; а на том отдыхал Ург, — о, Ург хорошо помнит, что это именно то самое бревно, а не другое: он потихоньку заметил его глубокой зарубкой... Это они рубили, таскали и поднимали бревна, пристраивали их друг к другу; они копали песок, водружали столбы, воздвигали сте-

ны и потолок, прорубали окна. Вах! Большие «пещеры» выросли, и все это их труд.

Когда Николка на следующий день предложил дикарям отправиться всем на покос, чтобы накосить много-много «трна» — травы, перевезти ее во двор и сложить про запас на зиму, никто не возражал и никто не смеялся: все теперь понимали жизненную необходимость подобных мероприятий, понимали хотя бы потому, что наличие запасов обеспечивало им большой досуг, а большая голова маленького Къколи была хитра на всякие занимательные выдумки.

Дни летели головокружительно-быстро, как осенние листья, увлеченные вихрем на степной простор; и, как листья в вихре, крутились с утра до ночи в горячке работ коричневые человечки и красные великаны среди них, обязанности были строго распределены. Николка заведовал постройками на дворе — параллельно техническим воспитанием дикарей, — снабжением кормом животных, охотой и восстановлением по старому Скальпельскому образцу скотного двора. Для осуществления последнего им были организованы три экспедиции в лес и степи; каждая экспедиция давала какую-нибудь живность: коров, свиней, коз или птицу. Снова кудахтанье, мычание, блеяние и хрюканье наполнили двор (сердце Скальпеля ликовало). Все это на «завдвором» клало большой ответственности обязанности. Пришлось выстроить громадный сеновал, амбары и погреба, границы каменной ограды соответственно раздвинуть. Выстроить было легче, чем заполнить их съестными припасами для многочисленных животных. Легче всего доставалось сено: трава на корню высохла, оставалось только косить ее; но сено было неважное, поэтому Николка собирал мешками желуди, дикие яблоки и груши, копал клубни, похожие на свеклу, косил в степях рожь и овес, посеянные ветром. Конечно, он не один работал — в его сотрудничестве состояло 15 плиоценщиков, трудившихся беззаветноусердно. С ученым медиком сотрудничало пятеро — они сами выделились; это были раненые: Гух, Вырк и Оджа, и еще двое — добровольцы Ничь и Гоо. Скальпель заведовал

пещерой и всем тем, что близко примыкало к ней. Пещеру он разделал «под орех», по собственному признанию. Были сравнены и отшлифованы стены, потолок и пол, прорублены три окна — два на восток, одно на юг — и вставлены стекла из расплавленного песка; поставлена мощная печь, устроен дымоход; на 50 человек, по числу всей орды, построены койки, поделаны стулья и столы. Не хватало одного: хорошего освещения. Скальпель вздыхал по керосину, Николка обещал ему электричество... Питание пещерных коммунаров разнообразилось теперь молоком, сыром, маслом и яйцами. Гончарный круг снова закрутился, выпуская аляповатые тарелки, миски, чашки, котлы и кадки, — дикари принимали пищу вполне по-культурному...

Но не забывал Скальпель и о «духовных гостинцах». Он заставил-таки дикарей слушать себя без смеха, поющего и играющего на гитаре. Пускай развивают музыкальные способности. Учил игре на гитаре наиболее музыкального из всех — Урга, и всех дикарей обучал говорить по-русски. Здесь он поступал довольно остроумно. У плиоценщиков были свои слова — полный набор слов — для охоты, для оружия, для природных явлений и для некоторых действий, связанных с общественными работами. Эти слова он не трогал. Он лишь вносил в их речь новые, зачастую заменяя ими соответствующие жесты и мимику.

Плиоценщики будто проснулись от долгой и глубокой спячки и теперь широко раскрытыми глазами смотрели на мир. Этот мир был стар, знаком им до последней детали, в тысячи раз более знаком, нежели коричневокожим чело-вечкам, которые являлись в нем недавними пришельцами. Стар, но в нем открылись такие грандиознейшие возможности, что сознание дикарей — наивных детей природы — революционизировалось катастрофически в каких-нибудь две-три недели.

По этому поводу между друзьями не один вечер велся ожесточеннейший спор, и всегда разбитым выходил Скальпель. Знаток в естественных науках, он не был особенно сведущ в социологии, Николка же воспитывался на ней; дискуссия на словах, а если нужно, то и на винтовках, была

его революционной специальностью. Медик всегда горячился и всегда безнадежно путался в своих возражениях; Николка, оставаясь спокойным, насколько этого требовала ясность мышления, беспощадно бил врага своею наблюдательностью, своей памятью, хладнокровием и отчетливым представлением о предмете спора. Образцом такого рода дискуссии может послужить та, которую они вели по завершении всех работ на дворе и в пещере, вечером одного трудового дня.

Скальпель говорил, беспрестанно испуская горестные вздохи, и качал сокрушенно головой:

— Мы сделаем из них идиотов. Смотрите: они уже растерялись, они ничего не понимают, они лишились всякой активности, они делают только то, что им укажешь, что объяснишь. Пройдет немного времени — год, два — и перед нами будут полноценные дегенераты... Человеческое общество должно развиваться органически медленно, постепенно, как дерево в лесу — день за днем, год за годом, равномерно, без скачков. А что сделали мы? Мы дали им такую крутую кашу из впечатлений, что они ее ни за что не переварят, они получают расстройство мозгового пищеварения...

Николка возражал по пунктам — уверенный в своих знаниях и в своей правоте — эпически-спокойно:

— Первое. Вы проявляете недостаточное знакомство с жизнью и поведением наших плиоценщиков; если бы я не был уверен в том, что вы здесь просто передергиваете карты, я бы сказал, что вы оторвались от масс. Так вот: они ничуть не растеряны, они все понимают, они не лишились своей активности, — все это вздор. Факты?.. — Позвольте, я доскажу, а потом — факты... Они впитывают в себя все, как лучший сорт промокательной бумаги, и впитывают не механически-бессмысленно, а докапываясь до самой сути естества, вполне сознательно, относясь критически и делая соответствующие выводы. И это не готовит из них идиотов, а, наоборот, повышает их сообразительность, толкает на путь изобретательности. Теперь факты. С недавних пор вы потеряли свою наблюдательность или просто спрятали ее в

карман, ибо она не говорит в вашу пользу... Ваш ближайший помощник — Гух. Помните? Вы мягким известняком пытались отшлифовать стекло; было бы очень поразительно, если бы вы достигли здесь каких-нибудь результатов, вы их не достигли и поэтому выходили из себя. Гух подал вам кремень, известняк назвал «какой», и стекло быстро было отшлифовано. Вы это помните?..

Медик пробормотал:

— Вполне естественно... Гух более знаком с шлифовкой... Это не изобретательность, а так что-то...

— Ладно. Пойте!.. — усмехнулся Николка. — Пойдем дальше. Кто вам заменил струны на вашей любезной гитаре? Не Ург ли? Не он ли вполне самостоятельно, без всяких указаний приготовил струны из жилы быка взамен ваших — козьих... О! У меня много собрано фактов. Я не такой рассеянный, как вы... правда, и не такой ученый. Вот еще фактик. Мы таскали бревна с горы вниз, к пещере. Бревна тяжеленные и длинные; очень трудно было проносить их по лесу, лавируя между деревьями, еще трудней — нести по извилистому спуску. Мастодонта тут нельзя было использовать. Мучились плиоценщики, мучился я. И что вы думаете? Мъмэм предложил такой гениальный и такой простой, вместе с тем, способ переправки их, что я треснул себя за недогадливость по башке и всенародно назвался идиотом.

Медику захотелось быть гениальным.

— Наверное, — сказал он, — Мъмэм предложил не переносить их, а волочить на веревках, пользуясь катками.

— Хо-хо-хо!.. В лесу?! На катках?! — Николка поздравлял медика с очередной «посадкой в лужу».

— Нет, — продолжал он дальше, — Мъмэм предложил подносить бревна к обрыву и сбрасывать их вниз на песок... Просто?

— Д-да... это действительно... — признался медик, а потом: — Черт вас знает, где вы рубили. Значит, близко от обрыва...

— Вы это прекрасно знаете, — возразил Николка, — не притворяйтесь. Просто ни вы, ни я, ни кто другой не доду-

мались до такого простого решения трудной задачи, а Мэм додумался. Это бывает... Хотите еще фактов?..

— Мелочи все!.. — прогудел медик.

— Мелочи?! На мелочах, батенька мой, жизнь строится. А вот вам, если хотите, не мелочь, а «крупность». Знаете ли вы, чем сейчас занят великан Ркша? Нет, конечно, вы этого не знаете. Вы ничего не знаете. Удивляюсь, на чем тогда базируетесь вы, строя свои обвинения против первобытников... Великан Ркша занят усовершенствованием своего оружия — лука. Я его не толкал на это и никто не толкал; опыт и наблюдение дали ему толчок. Опыт и наблюдение навели его на мысль, что если сделать древко лука крепче и длиннее, то и стрелы можно делать длиннее, и соответственно увеличится от этого длина полета стрелы. Вы знаете: когда я мастерил луки, я применялся к своей мышечной силе; я не рассчитывал увидеть в первобытном человечестве таких богатырей; и луки вышли слишком слабыми для них — вроде детских игрушек. Теперь Ркша — подчеркиваю: самостоятельно, без каких-либо указаний — делает себе лук, отвечающий его силе... Может быть, вы скажете, что это не есть прыжок, громадный прыжок в будущее? Может быть, вы станете по-прежнему уверять, что «они растеряны, они ничего не понимают, они лишились всякой активности» и пр. и пр...

— Нет, — честно отвечал медик, мигом переменяя фронт, — я теперь отказываюсь от этого утверждения. Я действительно был недостаточно знаком с мелочами жизни краснокожих... Однако я вижу во всех этих фактах и фактиках совсем другое. Я вижу в них кратковременную реакцию, после которой пойдет резко прогрессирующая полоса растерянности, отупения и окончательного вырождения. Развитие человеческого общества не может идти скачками, это вам не заяц. Развитие...

— Позвольте, — прервал его Николка, — вы повторяетесь. Я уже слышал: «человеческое общество должно развиваться органически-медленно, постепенно, — как дерево в лесу» и т. д. Против этого я тоже сумею возразить. Человеческое общество — не дерево, прежде всего. У дерева

техники нет, а техника в человеческом обществе — все. Дерево борется с природными стихиями своими крепкими корнями, толстой корой, борется, не употребляя никаких искусственных орудий.. Дерево непосредственно соприкасается с природой; человек же между собой и природой ставит свою технику: он борется с голодом, стужей, ливнями не голыми руками, а вооруженными — против зверей он употребляет дубинку и камни, от стужи укрывается одеждой, от дождей прячется в пещерах. Между человеком и природой стоит третья сила, которую коротко можно назвать «техникой». Этой третьей силы у деревьев нет, нет ее — за исключением логовищ — и у зверей. Следовательно, законы развития, обязательные для деревьев и зверей, совсем не обязательны для человека, не говоря уже о том, что эти самые законы в том виде, как вы их излагаете, можно очень и очень сильно оспаривать...

— Великий ученый Дарвин... — начал торжественно Скальпель. Николка без стеснения оборвал его:

— Знаю, знаю. Я Дарвина тоже читал. Много сильного есть у Дарвина, но много и слабого. Дарвин говорит, вы хотите сказать, что все живущее — растения, животные и человек — развивается всегда только путем эволюции, то есть медленно, постепенно, без скачков. Слыхали. Я, конечно, не ученый, но если я что читаю, то читаю внимательно и крепко помню. Я великолепно помню также, что сам Дарвин признавал или, по крайней мере, отмечал и другой вид развития, именно — не эволюционный, а революционный: внезапными бурными скачками... Что?! Вы мне не верите?! Вы поражены?! Плохой же вы последователь Дарвина, если не знаете хорошо его трудов. Вы, конечно, читали его книгу «Прирученные животные и культурные растения». Так вот там, именно, и встречаются места — довольно длинные места,— где он говорит о скачкообразном внезапном развитии. Например?.. Извольте. Он говорит, насколько я помню, о внезапном появлении разновидности плакучей ивы и пирамидального дуба, об одной уродливой форме рогатого скота (ниат, или натас, она называется), тоже появившейся внезапно; о ягнятах, похожих на таксу,

родившихся от нормальных родителей и давших стойкую форму (это в Соединенных Штатах где-то; в Массачузете, кажется), еще говорит о черноплечих павлинах, тоже появившихся внезапно, и еще о ком-то...

— Это он отмечал как курьезы... — довольно неуверенно возразил медик.

— Курьезы тоже требуют объяснения, а не с потолка валяются, — отрезал Николка и продолжал: — Дело, в конце концов, не в этих курьезах, как вы их называете. Дело в том, что Дарвиновская теория эволюции сильно нуждается в исправлении и дополнении, нечего «оокать»: не так страшно!.. И хотя я не ученый, я знаю, что это уже сделано: Гуго де Фриз, Коржинский и др. дополнили ее своими мутациями — учением о скачкообразном развитии, которым обязательно прерывается всякая эволюция. И еще в одном исправлении нуждается учение Дарвина... Нечего там головой качать. Дарвин для вас божок, которого и пальцем нельзя колупнуть. Ну, мы, марксисты, на этот счет имеем свое мнение: колупнуть дозволено всех... У Дарвина ошибка в том, что он, говоря о развитии человека, забыл о той третьей силе, которая стала между человеком и природой. Забыл о технике. Дарвин, несмотря на то, что он «великий», так и не дал правильного объяснения происхождению человека. Это сделал Маркс.

— Вот это «Америка»! — воскликнул Скальпель и чуть не свалился со стула.

— Можете себя поздравить, — невозмутимо предложил Николка, — для вас это, как я вижу, действительно «Америка». Приложите ее к сокровищнице своих знаний. Да! Происхождение человека и человеческого общества объяснил Маркс. Это он указал на коренное отличие человека от животного, с той ступени развития, когда человек начинает производить, создавать себе технику. Правильно: человек вышел из животного мира; правильно: у животного имеются такие же физические потребности, как и у человека. Но животные не производят, они просто захватывают предметы, производство которых предоставляется, так сказать, природе. При этом захвате они пользуются только своими

органами: языком, когтями, в то время как человек пользуется органами плюс орудия. Животные, приспосабливаясь к среде, изменяются всей своей организацией; человек — очень мало организацией, зато резко изменяет свои искусственные органы; совершенствует орудия, технику. И эта техника, это производство — пускай самое первобытное — и выделило человека из животной среды. Благодаря развиваемой технике, двигался человек вперед, уходя от звериного своего прошлого. И недаром Маркс говорит, что революции, совершаемые в орудиях производства (т. е. в технике), обязательно влекут за собой резкие изменения в человеческой психике. Это мы с вами видим у наших плиоценщиков: мы произвели революцию в их орудиях производства, в их первобытной технике, и смотрите, как они теперь прыгнули вперед. Как резко изменилась их психика в сторону большего очеловечивания. Разве те факты, которые я вам приводил, не доказательны?!

— Совсем не доказательны, — упрямился Скальпель. — Вот дайте, пройдет некоторое время, и вы увидите, что их прогресс — только кажущийся прогресс, всего навсего — временная реакция, после которой неумолимо явится резкая дегенерация, вырождение... И так они уже вырождаются. Мы не принесем им пользы, только — вред. Без нас эта орда существовала бы еще 200-300 лет, а с нами она и сотни не просуществует: выродится, не сумев переварить нашей культуры...

— Чушь!.. Какую чушь вы городите! — возмутился Николка. — Просто злитесь, как старая бабка, которой клопы не дали спать...

— Позвольте, милостивый государь! — заорал медик. — Вы не имеете права называть мои суждения чушью! Вы докажете, а не головоупячничайте!.. И я вам не старая бабка, это... тоже требуется доказать!..

— Хорошо, — сказал Николка. — Я вам докажу все... Где ваша хваленая логика и где ваша память?.. Вы уже забыли наше первое пари. Не вы ли тогда утверждали, что «как только мы внесем в быт дикарей наши знания и нашу культуру, тотчас из них выделятся способнейшие, и возникнет

класс буржуазии», теперь же вы стараетесь уверить меня совсем в другом, что «дикари отупеют и вырождаются». Как-то не вяжется ваше первое утверждение со вторым. Вы бы как-нибудь связали их, а?..

Медик оторопел.

— А ну вас к черту!.. — сказал он, наконец. — Голова у меня болит от ваших споров... Вечно вы спорите...

Так обыкновенно заканчивались все дискуссии ученого медика Скальпеля с фабзавуком Николкой.

С зимой случился конфуз. — Об искусственной среде между человеком и природой. — Экспедиция за стариками. — Исполинский олень. — Копье чужестранца. — Плиоценцики опасаются кары стариков. — «Старое слово арийя» — закон. — Первобытная орда. — Недоброжелательная встреча. — Николка агитатор. — Бунт молодежи против стариков.

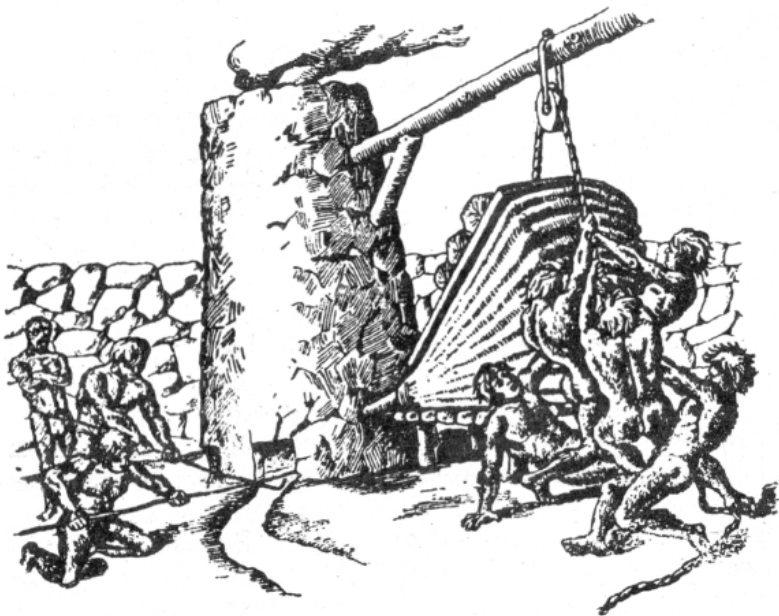
Определенно с зимой случился какой-то конфуз. Уже все приготовилось встречать ее: леса и степи оделись в блеклые краски, небо захмурилось грузно снеговыми тучами, прибрежный песок по утрам кололся хрупким и звонким ледком, а она вдруг пошла на попятную: заморосил теплый дождичек, снова позеленела хвоя, в ясные дни солнце стало ласкать по-вешнему.

Сконфуженный конфузом зимы медик (не он ли пророчил: «батенька мой, зима на носу») лепетал в свое и зимы оправдание:

— Милый друг! Это — влияние моря. Море — гладко, как и всякое море; на нем нет гор (как и на всяком море) и нет лесов (тоже). Через море, не встречая никаких препятствий, свободно доходит до нас теплое дыхание Юга. Это — во-первых, а во-вторых: нужно помнить, что плиоцен — период пограничный между жаркой третичной эрой и холодной четвертичной. И как всякий пограничный период, он не может соблюдать постоянства в правильной смене времен года. Беря распространенный в народе медицинский термин, я скажу: в плиоцене времена года «путаются». Возможно еще, что зима придет резко, вдруг, но я также не буду удивлен, если набухнут вдруг древесные почки, зацветут ранние весенние цветочки, и перелетные певчие птички вернутся к нам из-за морей. Нет, я не буду удивлен. Таково милое свойство всех переходных периодов. Для подкрепления этого положения я мог бы взять сравнение из милой вашему сердцу политики, но я не возьму его, потому что не люблю спорить...

Говоря о возможном набухании древесных почек, медик уже кривил душой, так как почки набухли за три дня до этой его декларации, а солнышко стало сиять по-весеннему еще раньше и сияло так радостно, что дикари без приплясывания не могли на него глядеть.

Все предзимние приготовления на дворе и в пещере давно были закончены. Спешка велась отчаянная, а зима надула. В этом, однако, была своя хорошая сторона: у пещерных коммунаров (названьице с подковыркой пустил Скальпель, Николка принял его без подковырок) оставалась теперь масса свободного времени. Пока медик придумывал, как наиболее разумно употребить досуг, Николка гнул свою линию и досуг заполнял техническим образованием дикарей, благо они с душой отдавались этому делу и схватывали все поразительно быстро.

На дворе — из камней, глины и песка — была построена огромная домна, — конечно, до настоящей ей было дале

ко, но все же она имела в высоту более полутора сажений. Ее заполняли железной рудой, попеременно с древесным углем, нагнетали воздух снизу при помощи гигантских мехов, на которых работало пять человек, и гнали теперь вместо мягкого самородного железа крепкий чугун и упругую сталь. Кузница тоже была восстановлена, восстановлены слесарные и токарные станки, и вновь поставлено литейное дело. Конечно, все это было первобытно, с большими дефектами, упущениями, но назначению своему — уменьшить зависимость человека от природы, увеличить технику, эту искусственную среду между человеком и природой — этому назначению Николкины сооружения отвечали в полной мере. Например: не имея чугуна, коммунары должны были и в стужу и в бурю ходить за водой на реку, подвергать себя опасности простудиться или быть унесенным разбушевавшейся рекой; чугун устранил это неудобство: из реки провели водопровод до самой пещеры по чугунным трубам. Мало того, по настоянию медика устроили настоящую баню — с душами, бассейном для плавания, с горячей и холодной водой. Николка задался еще более крупными планами: построить динамо или, на худой конец, паровой двигатель, но осуществление этих планов ему пришлось пока отложить, — нужно же было, наконец, побеспокоиться о женах, детях и отцах краснокожих плиоценщиков, тем более, что сами плиоценщики ничуть не заботились о соблюдении пятой заповеди и при напоминании о ней морщились. Скальпель, вначале, подобно дикарям, относившийся индифферентно к существованию орды, теперь почему-то горячо торопил Николку в экспедицию за ней, будто надеялся встретить там свою бабушку...

Одним солнечным утром эта экспедиция выступила, наконец. В пещере остался медик с пятью коммунарами и малышом Эрти, неожиданно разревевшимся, когда ему предложили ехать со всеми «за своей мамой». Николкин отряд собрался в путь тоже без большого воодушевления. Без сомнения, дикарей радовала перспектива прокатиться верхами на далекое, сравнительно, расстояние; радовали возможности опасных встреч с хищниками, но сама цель

поездки, видимо, мало привлекала, пожалуй, даже угнетала. Дивился Скальпель, дивился Николка, но разгадать причину такого отношения к орде никто из них не мог.

Как бы там ни было, пятнадцать краснокожих и один коричневокожий — верхами, на отличных конях, с оружием — копьями, топорами и стрелами — не железными, а стальными, со стаей собак — в упомянутое солнечное утро выступили со двора. Их путь лежал по берегу реки — сначала на юг, потом, вместе с поворотом реки, — на запад. Всадники оживленно болтали; их лексикон значительно обогатился за счет русского языка не потому, что ученый медик, выгоняя из себя и из учеников по семь потов, вечерами занимался с ними русской речью, а в силу многочасовой ежедневной работы на дворе под руководством Николки, работы, которая проходила всегда с песнями, шутками и болтовней и которая, в смысле обогащения языка, давала несравненно больше, нежели всякие учебные филологические занятия.

Николка тоже болтал, ничуть не уступая в этом плиоценщикам. Он теперь свободно понимал их речь и так же свободно мог отвечать. Их разговор был легок, как семя одуванчика, и так же легко порхал с предмета на предмет; он никогда не касался «высоких» тем, и содержание его лишь отражало в себе самые конкретнейшие явления природы и действия самих плиоценщиков. До отвлеченностей они не дошли, зато могли свободно беседовать с цветами, деревьями, камнями, водой и с животными, как с подобными себе существами.

Первую половину пути кавалькада следовала шумно — с криками, песнями и хохотом, в начале второй — приумолкла: всадники проголодались. С собой они ничего не взяли, надеясь в пути поохотиться. Замолкнув, они хорошо сделали: коллективная болтовня разгоняла и мелкого и крупного зверя в округности, по меньшей мере, одного километра. Но и численность самой экспедиции не благоприятствовала охоте. Надо было сделаться более незаметными.

Николка свернул от реки к обрыву, за ним, как за главным вожакom, последовала вся кавалькада. Обрыв у своего подножья окаймлялся по всей протяженности широким ровом, глубиной метра в два, — ров образовался в результате падения весенних вод, стекавших из леса. Его ширина позволяла всадникам ехать в три коня, высота, не закрывавшая голов, давала возможность наблюдать за берегом реки.

Дикари во время своего пребывания в «пещерной коммуне» привыкли к регулярному приему пищи, — к хорошему легко привыкаешь! — и если раньше они могли в течение двух и более суток свободно обходиться без пищи, теперь лишение ее, на протяжении даже двух часов, действовало на них угнетающе. Николка, как менее податливый материал в отношении всякого рода привычек и отвычек, — не он ли в лице своих предков миллион с лишком лет варился на огне всевозможных переделок? — Николка не унывал. И это он первым завидел мясо, много мяса в четверти километра от обрыва, склонившееся лесом двадцатичетырехконечных рогов к зеркалу многоводной реки.

— Стой! — скомандовал он категорическим шепотом.

Всадники замерли, шенкелями принуждая коней к тому же. Собаки, почуявшие мясо, осторожно-радостно зафыркали.

Николка быстро объяснил план атаки: надо рассыпаться цепью, не выходя из прикрывающего их рва, — так, чтобы между каждым звеном могло поместиться десять копий; по сигналу, по свистку Къколи, выскакивать из прикрытия — собак вперед, и мчать во весь опор к реке, стараясь отрезать оленю путь к лесу. В круг не смыкаться. Все время держаться полукругом, чтобы не перестрелять друг друга. Ну, айда!..

Пригнувшись к гриве коней, всадники безмолвно и бесшумно понеслись по рассыпчатому песку, сжимая копыта в охотничье-радостном спазме. Мъмэм умчался раньше всех: ему поручено было возглавлять цепь на правом фланге. Николка остался на левом.

Маневр выполнен. — Свист. — Рванулась вперед собачья свора, за ней — лавой — лихая конница. Распластались кони, вихря копытом песок; загикали дикари, размахивая копьями... Олень на шум поднял тяжелую голову. О! Он нисколько не испугался! В нем было больше трех метров роста, расстояние между концами его рогов равнялось трем с половиной метрам. Это был плиоценовый, исполинский олень, а не какой-нибудь. Прежде чем испугаться, он еще посмотрит, заслуживает ли того враг. На разноголосую ватагу, цепью растянувшуюся по песку, он уставился испытующе. Враг не был страшен, но — многочисленен и видом — необыкновенен. Собаки — пустяк. Собаки убегут, разглядев, с кем им придется дело иметь. Олень, спокойно ступая, отошел от воды и вдруг — прыгнул стрелой навстречу необыкновенному врагу... В середине цепи находились Ркша, Гири и Трна; на них несли олень, низко склонив украшенную лесом острых пик гордую голову. Собаки, скуля, отступили перед осторогой громадиной. Всадники центра сдержали коней, фланги загнулись. На длине пяти лошадей Ркша, Гири и Трна метнули копья и, подняв лошадей на дыбы, схватились за луки. Громадина запнулась, получив два копья в спину и одно в грудь, но это — только мгновение, в следующее — две собаки, осмелевшие на свое несчастье, взвились кверху и упали, пронзенные в десятках мест. Одновременно зачертили воздух копья и стрелы. Олень споткнулся, ослепленный и усеянный древками. Ркша бросился к нему с топором.

— Ох-хао! Ркша не боится рогатого зверя! Ркша-а...

Олень резко вскочил на ноги, и смелый всадник, не закончив фразы, вместе с лошастью кувырком покатился на песок. Это было последнее злодейство гиганта, — Мъмэм раздробил ему позвоночник. Ркша поднялся помятый, лошадь — в лужах крови — осталась лежать.

— Ркша не пойдет за отцами, ах-хо! — печально сказал дикарь.

— Ркша пойдет, — ответил Мъмэм.

— Ркша не поедет за отцами. Ркша понесет лошадь к мейду. Мейд вылечит лошадь...

Но лошадь, с распоротым брюхом и грудью, пронзенной в двух местах, не могла ждать помощи всесильного «мейда». Она скончалась прежде, чем расстроенный великан успел подойти к ней.

Николка успокоил его:

— Ркша вернется в пещеру. Ркша возьмет новую лошадь и догонит нас.

С этим великан согласился и перестал печалиться. Николка поехал в лес за дровами для костра.

Охотники не стали ждать, пока маленький Къколя соберет сухого валежника, высечет огонь и разведет костер. Вах! Длинная история! Очистив оленя от копий и стрел, они мигом раскромсали его на куски и зачавкали с аппетитом, расправляясь с парным дымящимся мясом.

Вернувшийся с валежником Николка застал их за концом трапезы. Мъмэм уже стоял в стороне, он держал в руках синеватый блестящий предмет и разглядывал его с пристальным вниманием.

— Что у тебя, Мъмэм? — спросил Николка.

— Коппе, — не совсем спокойно отвечал Мъмэм, спокойно исковеркав русское слово.

Заинтересованный ответом, Николка подошел к дикарю.

— Ого! — вырвалось у него при первом же взгляде на странный предмет.

Это был наконечник копья, сделанный из вулканического стекла — обсидиана, с обломком деревянной рукоятки, прикрученной к нему жилами... Мъмэм поведал, что он извлек «коппе» из тела убитого оленя.

— Из оленя? — переспросил Николка, огорошенный сюрпризом. — Кто же пустил в оленя эту штуку?

Мъмэм отвечал: его охотники не пускали; его охотники имеют копья с наконечниками из стали; старики же совсем не знают копий, старики — глупы...

— Ва-ах, — сказал Николка и, крутя головой, сел к костру.

Несомненно, что появилась новая орда.

Сюрприз! И этот сюрприз мог быть двоякого сорта, — «сорта альтернативного», сказал бы ученый медик: орда может стать к пещерным коммунарам или в дружественное отношение или во враждебное. В первом случае все пойдет как нельзя лучше: исчезнет надобность в далеком путешествии, диктуемом, если верить медику, вырождаемостью краснокожих. Новая орда — свежая кровь — чего еще надо. Во втором случае... Черт его знает, что может произойти во втором случае!..

— Мъмэм узнает, кто пустил коппе, — сказал вожак. — Мъмэм пойдет по следам оленя. Мъмэм найдет кровь оленя, найдет следы новых охотников.

— Послушайте, идея! — вскричал Николка, к вящему удовольствию дикарей в точности копируя почтенного «мейда». — Мы все пойдем по следам. Тихо пойдем, языки спрячем за зубами.

Его предложение встретили с большим энтузиазмом, потому что идти за приключениями было гораздо приятней, чем навещать каких-либо забытых родственников. Ркша — медведь, удовлетворенно заворчав, немедленно пустился в обратную дорогу; он теперь будет отхватывать по километру в минуту, он лошадь обгонит, лишь бы отложить радостный момент встречи со стариками!..

Закусив на скорую руку полусырым мясом, Николка разделил остатки исполинского оленя, по числу охотников, на 16 разных частей. Мясо нужно было взять с собой: неизвестно, как повернутся обстоятельства.

Кавалькада снова выступила в путь, держась глубоких следов в песке, но в том же направлении, так как олень на свой последний водопой бежал по берегу реки — с юга. Николка заинтересовался: почему животное не напилось где-нибудь раньше, а выбрало именно это роковое для себя место. Если бы оно выскочило к нему из леса, было бы понятно, а тут... Его недоумение вскоре рассеялось, когда, отъехав километров пять от места кровавой драмы, он сам почувствовал жажду: здесь вода имела уже горько-соленый вкус. Скривившись, выплюнул Николка воду и с расстерянной улыбкой взглянул вдаль.

Ему бросилось в глаза, что картина, расстилавшаяся перед ними, несколько изменилась; здесь — куда только хватал взгляд — по безбрежному раздолью на гребнях волн гуляли белые резвые барашки; с беззвучным, казалось, смехом они догоняли друг друга; взмывая кверху снежным дождем, сшибались; падали мягко, как гимнаст в сетку, в изумрудно-прозрачные ухабы; скользя вверх, неслись дальше, словно играя в бесконечную чехарду, и, наконец, пенным ворчливым валом опрокидывались на берег, заливая копыта фыркавших недружелюбно коней и разгоняя собак, досаждающих, что с ними играют, как с малыми щенятами.

— Море?! — с невольным восторгом воскликнул Николка, ища сочувствия в лицах краснокожих. Море он видел однажды в своей жизни, это когда конница Буденного гнала на «водопой» разбойные рати «белых», но тогда совсем не было времени разглядывать его, тогда более сильные эмоции волновали душу. Теперь его охватило буйное чувство восторга, как ребенка перед новой игрушкой с замысловатым механизмом, и необыкновенный подъем сил испытал он каждой клеткой своего тела, вдохнув солоноватый запах, исполненный первобытной свежести.

— Мъра! Мъра! — отвечали дикари, восторгов особенных не выявляя и дивясь беспокойному поведению маленького вожака. Море у них было связано с понятием смерти. Море скрывало за собой их родину, теплый юг. Море безжалостно уничтожало смельчаков, ухотивших вплавь далеко от берега. Когда оно гневало, то выплескивалось с бешеным воем из своей гигантской чаши, уничтожало все вокруг себя, крушило вековые деревья и отрывало от берега громадные скалы. Одним словом, это был страшный и загадочный враг, против которого ни дубинка, ни топор не действовали и которого, если желаешь остаться живым, нужно избегать во всех случаях жизни. Поэтому радоваться, глядя на него, конечно, не приходилось, и дикари отнюдь не радовались.

Берег изогнулся крутой дугой на запад. Исчез обрыв. С левого бока теперь плескалось море, с правого — тянулась широкая песчаная отмель, заканчивающаяся невысокими

скалами. Скалы были изъедены и изрыты волнами, доходившими до них в бурю или во время прибоя. Следы оленя от моря повернули к скалам.

— Руд! — крикнул остроглазый Мъмэм, заметив капли крови на камнях. Кровь сопутствовала следам, и чем дальше уходила кавалькада, тем многочисленней становились кровавые пятна. За скалами лежала степь. Здесь Николка перестал видеть и следы и кровь; но краснокожие видели их по-прежнему, а собаки, кроме того, чуяли свежий запах оленя. По твердой высохшей почве кони ускорили бег. Соперничая в быстроте с ветром, охотники в полчаса покрыли десятка два километров. Неожиданно Мъмэм, возглавлявший кавалькаду, на полном ходу остановил лошадь и соскользнул к земле. Поднявшись с испачканным пылью носом, он сказал тревожно:

— Здесь стояли люди. Пять человек стояло, ух-хао...

Никаких следов не было видно, но Мъмэм продолжал утверждать:

— Пять человек; они нехорошо пахнут, ой-йе! Пахнут не как арийя.

Каждый плиоценщик счел своим долгом удостовериться в показаниях вожака. Тринадцать носов поочередно склонились к сухой почве и тринадцать глоток заверили:

— Пять человек, ой-йе!..

— Куда они ушли? — спросил Николка.

— Пять человек не умеют охотиться, вах! — отвечал Мъмэм. — Пять человек устали догонять оленя и вернулись обратно. Здесь они отдыхали и думали. Плохие охотники, ох-хе!..

— Надо проследить их до самого жилья, — сказал Николка.

Коммунары азартно вскочили на коней, в них проснулся дикий боевой пыл. Николка выдвинулся вперед, совсем не желая, чтобы с новыми охотниками произошла стычка. «Надо заставить плиоценщиков уважать себе подобных, — думал он. — Трудовое содружество, а не война должно быть написано на наших знаменах».

Благодаря собакам дикари избегали неприятной обязанности вынюхивать землю для дальнейшего следования. Собаки бежали уверенно: к следам оленя присоединялись другие следы — его преследователей. Степь оборвалась громадным оврагом, диким и унылым. Мъмэм узнал местность.

— Там,— сказал он, сокрушенно махнув рукой вверх по оврагу, — там старики.

Но следы шли вниз, а не вверх. К ним вскоре подошли новые следы — целой охотничьей дружины. Коммунары поспорили и остановились на цифре «50».

— Пятьдесят человек — это слишком много даже для дружественной встречи, — сказал Николка и заставил своих товарищей быть более осторожными.

Овраг был длинен и завален острыми ребристыми камнями. Лошади то и дело спотыкались, неподкованные копыта сильно страдали, и всадники принуждены были ехать медленно. Олень давно отделился от общих следов и ушел в сторону, вверх по крутому скату; охотники оставили его без внимания. Только часа через два окончился опостылевший всем овраг. Песчаные холмы-дюны закрыли горизонт; за дюнами развернулось безбрежное море.

— Вот так фунт! — Николка был поражен до глубины четвертого желудочка в мозгу, где, по свидетельству Скальпеля, находится центр дыхания и кровообращения. У него захватило дух и учащенной забилося сердце: многочисленные следы ног на мокром песке уперлись в самую воду и здесь пропали...

Краснокожие в первую минуту растерялись, во вторую — нашлись:

— Ох-хе! Глупые охотники потонули в море, вах, вах!..

— Глупые те, кто говорит глупые слова, — проворчал Николка.

— Нет, друзья мои, тут пахнет навигацией, — сказал он через несколько минут, когда обнаружил в песке желобоватые вдавления, как бы следы вытащенных на берег лодок.

— Навигация очень первобытная, но все же навигация, — еще добавил он, поняв, что вдавления на песке произве-

дены стволами деревьев, и открыв в море, саженьях в 200 от берега, темную холмистую полосу.

— Это остров, — сказал он себе и попросил остроглазого Мъмэма посмотреть как следует вдаль на горизонт.

— Там лес и горы, — подтвердил его открытие великан.

— Там... люди, — прибавил Ург, нюх которого мог поспорить с нюхом собак, — они скверно пахнут, эти люди. Это — новые охотники.

— Нам здесь больше нечего делать, — резюмировал Николка. — Поворачивайте лыжи. Мы отдадим им визит, когда у нас будет лодка.

Краснокожие в недоумении хлопали глазами: эти люди, эти глупые охотники перебрались на остров. Но море кишит хищными, длиннотелыми рыбами. В море даже купаться опасно... Николка пытался объяснить, как можно плавать на деревьях, — безуспешно; это им было совершенно непонятно, такого способа передвижения они ни разу не видели... Пускаться в детальное толкование с примерами и чертежами Николка счел неуместным в данной обстановке.

Свежий предвечерний ветерок подул с запада, закосило солнце золочеными лучами, когда утомленные кони и всадники на них вступили под торжественную сень строгого соснового бора. По грустным лицам краснокожих чувствовалось, что «желанные» родственники их не за горами, и еще чувствовалось, что от этой встречи никто не ждет для себя чего-либо хорошего. Перед тем, как въехать в бор, дикари — наивные дети природы — ударились в хитрость.

— Ух-хао! Мъмэм забыл дорогу... — сам себе удивился Мъмэм.

— Ай-яй-яй! Охотники заблудились. Ай-яй-яй-яй! — запел Ург.

Гири:

— Чужой, чужой лес. Гири здесь никогда не был...

Трна:

— Скоро ночь, нас скушают звери, ой-йе-йе!..

Все заохали, застонали:

— Домой, домой! Надо ехать обратно! Скорей домой!..

Опешивший на секунду, Николка увидел в опущенных взорах хитрость, самую первобытную хитрость, и он разоблачил ее при помощи такого же первобытного приема.

— Мъмэм хорошо помнит дорогу, — сказал он, — Мъмэм большой охотник. Ург не заблудился, у него нюх собаки. Гири много-много раз был в этом лесу. Гири знает лес, как свою руку. Звери не скушают Трну, Трна сам их скушает. Домой не надо ехать: охотники все смелы и непобедимы...

Что ж! Если смотреть объективно, в словах маленького Къколи сидела чистая правда, он несколько не преувеличивал достоинства арийя, и эта правда льстила им. Надо было ехать дальше, чтобы не уронить своего достоинства.

Первые пять минут плиоценщики ехали, выражая на лицах отвагу и непреклонность, потом отвага понемногу растаяла, а непреклонность снова перешла в нерешительность. Мъмэм во второй раз задержал коня.

— Дороги нет, дорога пропала... — сказал он голосом, исполненным отчаяния.

— Надо найти, — сурово отвечал Николка.

К нему подъехал Ург.

— Зачем нам старики? — вдруг спросил он.

Вопрос был поставлен ребром. Николка не сумел на него ответить. В самом деле, зачем им старики?.. Не распространяться же перед дикарями о морали, диктующей хранить старших и немощных, «читать отца своего и мать свою» и т. д. и т. д.?

Коммунары тесно обступили маленького вожака и нетерпеливо ждали ответа.

— Правда, — согласился Николка, — старики нам не нужны, но там женщины и дети.

— Зачем нам женщины и дети? — снова спросил Ург.

Очень трудно было объяснить дикарям о необходимости сохранения молодых побегов и продолжения славного рода арийя. Николка не знал соответствующих слов на языке плиоцена и вряд ли такие слова были. Николка молчал и начинал злиться.

— Зачем нам старики, женщины и дети? — с ножом к горлу пристал Ург, убедившись в надежности своих позиций.

— Ох-хе! — презрительно воскликнул Николка. — Большие охотники боятся слабых женщин и дряхлых стариков... — Он думал этим холодным замечанием подхлестнуть отвагу, задев самолюбие.

— Охотники не боятся женщин и стариков, — раздув ноздри, отпарировал Мъмэм. — Охотники боятся старого слова арийя..

— А-а! Вон что!.. — сообразил Николка. Ему было знакомо это понятие «старое слово»: когда дикари возвращались с охоты, добычу должен был делить тот, кто наносил ей смертный удар, — так говорило «старое слово»; когда кто-либо из охотников получал тяжелое ранение, его нельзя было бросать, даже если он совсем не мог ходить, — его нужно было нести в пещеру; когда охотник делал себе второй топор, первый он должен был отдать тому, кто совсем не имел топора, — так говорило мудрое «старое слово».

«Старое слово» — это обычай, закон, установленный неизвестно когда и неизвестно кем, но закон обязательный для всех без исключения. Неисполнение его каралось смертью.

Так они боятся «старого слова», — думал Николка, довольный, что загадка, наконец, раскрыта. Они удрали от стариков, бросили их без защиты и без мясного питания и теперь боятся справедливой кары. Не будь эта кара столь жестокой, он без колебания перешел бы на сторону стариков. Ведь, заботясь о себе, они заботились также о женщинах и о детях и этим сознательно или бессознательно стояли на страже всего коллектива. Тут возразить ничего нельзя. Вполне правильная тактика. Но дикарей нужно было ободрить, заставить их довести до конца экспедицию. Николка сказал:

— Пусть охотники не боятся «старого слова». Къколя скажет старикам новое слово. Пусть Мъмэм смело продолжает путь.

Все же дикари не чувствовали в себе достаточно бодрости, чтобы показаться на глаза покинутой орде. При знаках общего одобрения снова выступил хитрец Ург. Подражая в интонациях и в построении фразы Къколе, он важно сказал:

— Пусть Къколя сам говорит со стариками. Маленький вожак имеет большую голову и язык быстрый, как стрела. Охотники будут немые, как дождевые черви. Пусть Къколя смело говорит свои новые слова.

Николка торжественно согласился. Тогда всадники соскочили с коней и взяли их за поводья. В настороженном безмолвии они прошли весь сосновый бор; деревья стали редеть, и почва, засыпанная хвоей, изменилась в каменистую; то тут, то там попадались отдельные скалистые громады, поросшие можжевельником и елями. Вдруг Мъмэм остановился. Остановились все.

— В чем дело? — спросил Николка.

Ему показали на землю. Длинной и широкой полосой перед ними лежали сухие ветви. За ветвями начинался гранитный массив — утес, имевший в вышину сажен 25 и в обхват — около сотни.

— Что это? — спросил Николка, указывая на странные ветви, которые вызвали остановку.

— Гра, — отвечали ему*.

Николка знал, что на языке плиоценщиков «гра» значило «ограда»; так они называли, по крайней мере, каменную стену вокруг пещеры. Но эта «гра» — из суков и веток — вряд ли кого могла задержать; через нее можно было свободно перейти, не затрачивая больших усилий.

Дикари, однако, колебались, а когда они осторожно — сучок за сучком принимая — стали делать в «ограде» проход, Николка понял назначение ее: животное, вздумавшее перебраться через широкую полосу сухих веток, неминуе-

* По-санскритски grha (гра) значит «дом», «хижина»; отсюда — славянское «град», «город», что значит «огороженное место».

мо подняло бы треск, треск послужил бы тревожным сигналом*.

— Значит, орда близко, — решил Николка, — а краснокожие хотят нагрянуть на нее, как снег на голову.

Он поднял глаза к верхушке горы, надеясь увидеть там часового; в ту же минуту чья-то лошадь шарахнулась в сторону и раздавила копытами несколько сухих веток, — на горе показалась голова, предупреждающий крик сорвался с ее уст.

Мъмэм крикнул навстречу:

— Арийя!.. — и вытолкнул Николку вперед.

Голова кого-то предупредила, повторив то же самое слово, и скрылась.

Коммунары обошли гору и очутились на гладкой площадке перед отвесной гранитной стеной, в которой зияло широкое отверстие. На площадке кипела жизнь.

— Да их совсем не тридцать человек, — поразился Николка.

Куча волосатых ребят, начиная от возраста Эрти и кончая 15-летними юношами, куча, по крайней мере, в двадцать голов, буянила и резвилась вокруг неподвижной группы из стариков, женщин и мужей среднего возраста. Ребята приветствовали прибывших визгом, свистом, криками и смехом...

Старец, сидевший в центре группы, что-то произнес гневное, и ребята вмиг замолкли. Некоторое время стояло жуткое молчание. Николка успел разглядеть тех, перед которыми ему надлежало произносить свои новые слова, и успел пересчитать их. Дюжина преклонных старцев с белыми гривами и бородами; десяток мужей средних лет — по всей вероятности, инвалидов: среди них были кривые, хромые и безрукие; около восьми женщин, из которых лишь

* У дикого народа Ведда (на Цейлоне) место ночевки обводится кольцом из сухих ветвей. В этом можно видеть зачаточную форму изгороди.

три были молоды, а остальные напоминали страшных ме-гер.

«Да, взрослых, действительно, около тридцати человек, — отметил Николка, — значит, ребята у них не идут в счет».

Старец, сидевший в центре, — седой с головы до пят, — глазами метал молнии, грудь его тяжело вздымалась, подбородок дрожал; он походил на белого медведя, которого выгнали из берлоги. Такой прием действовал всем на нервы, и Николка решил нарушить молчание. Может быть, это будет не по правилам, но что же делать!..

— Охотники пришли с большой добычей, — сказал он и прибавил приветствие, сочиненное им самим: — Солнце да освещает вечно ваши старые, мудрые тела.

Коммунары будто проснулись: торопливо сняли с лошадей оленьё мясо и сложили его к ногам старцев. Сделав это в какой-то катаlepsии, они снова укрылись за спину маленького вожака.

Белый медведь глухо заворчал, из его глотки вырвались протестующие слова:

— Человек с желтой голой кожей пусть молчит. Айюс знает, кого спросить. Айюс знает Мъмэма — вожака.

Николка обозлился и, ткнув себя в грудь, заявил:

— Къколя — первый вожак, Мъмэм — второй. Къколя приветствует стариков, мужей попорченных и женщин — старых и молодых... — и для самоободрения добавил непонятное никому: — Старики — идиоты и деспоты.

Айюс — белый медведь — на заявление и приветствие Къколи обратил ровно столько внимания, сколько обращают на пустую кость. Айюс крикнул — свирепый:

— Мъмэм!..

Великан, верный уговору, молчал.

— Мъмэм!! — Старец вскочил на ноги и угрожающе взмахнул палицей. — Мъмэм умрет!..

Из группы охотников вырвался ропот негодования. Ург скорчил дерзкую мину.

— Ург умрет!! — завопил старец.

Новый ропот — более громкий. Гири негодующе произнес: «Олки жълон!»

— Гири умрет!..

Ропот громче, возмущение заставило Трну, Гьсу и Ничь схватиться за топоры. Старец — с пеной у рта:

— Трна умрет! Гьса умрет! Ничь умрет!.. — И, высоко взметнув палицу, он бросился на неподвижных охотников.

— Вот старый дьявол! — возмутился Николка. — Он совсем не дает сказать мне мои новые слова... — И когда над черепом застывшего в фатальной оцепенелости великана Мъмэма взлетела палица, Николка отразил ее ловким ударом топора.

Палица выпала из рук ошеломленного старика. Николка демонстративно рассек ее топором, сначала пополам, потом на четыре части.

Айюс отпрянул в сторону с резвостью пятилетнего младенца.

— Маленький желтый шакал! Безволосая лягушка! Воющая мышь!.. — неистово орал он, но к Николке приблизиться боялся.

— Поори у меня! — внушительным басом предупредила «безволосая лягушка». — Я те поору... белая крыса!..

Последние два слова были произнесены на языке плиоценщиков, их поняли все. Николка пожалел о своем промахе. Сзади него раздались приглушенные восклицания ужаса; ребяташки, не без юмора взиравшие на предыдущую сцену, один за другим «на цыпочках» поспешили оставить площадку; женщины закрыли лица руками и прижались к земле; группа старейших и инвалидов передернулась, как от сильного электрического разряда. Сам Айюс побледнел и вытаращил ошалелые глаза, словно ему не хватало воздуха...

Несколько минут стояла отвратительная тишина. «Пропаду ни за грош ломаный», — сообразил Николка и заговорил, обращаясь к посеревшим охотникам:

— Храбрые братья, мы приехали сюда, неся в сердцах великое добро. Мы хотели дать старикам хорошую пещеру, обильную пищу и безопасную жизнь. Старики приняли нас

гневными словами. Старики не захотели слушать «новые слова» Къколи. Айюс — злой старик — обругал Къколю шакалом, лягушкой и мышью. Къколя обругал Айюса белой крысой... Пусть старик скажет, что Къколя — не шакал, не лягушка и не мышь. Тогда Къколя скажет, что старик — не белая крыса; тогда Къколя скажет свои новые слова, и старикам будет хорошо, женщинам будет хорошо, детям будет хорошо...

У охотников лица покраснели, выправились угнетенные позы, заблестели потускневшие было глаза. О, маленький вожак умел говорить! Его речь журчала, как прохладный ручеек в знойной пустыне; логика его слов действовала ободряюще. Никто из арийя, даже сам Айюс, «умудренный годами», даже этот великий старец, проживший 150 зим, не мог так красноречиво, так убедительно и так плавно говорить... Когда говорил Къколя, его речь завораживала и своей формой и своим внутренним содержанием. Длинная, плавная и красивая речь гипнотизировала дикарей, как глаза аметистового питона...

Маленький Къколя учитывал все это прекрасно. Не в первый раз приходилось ему уничтожать панику разумными словами. Теперь он нарочно не употреблял русских слов, принятых в обиходе коммунаров, но непонятных старцам. Его речь, хотя он и повернулся лицом к охотникам, в той же мере предназначалась сейчас и для остальных слушателей. Николка продолжал говорить, чувствуя за спиной возрастающее к себе внимание, переходившее в благоговение.

— О храбрые мужи! Мы покорили лошадей, мы заставили Ду-ду — мастодонта работать, мы построили себе большую пещеру, мы провели воду из реки, мы умеем делать сверкающие, как солнце, топоры... Мы много-много умеем делать такого, чего старикам не снится... Къколя говорит свои новые слова. Вот они, новые слова (оратор по внутреннему побуждению изменил прежнее свое намерение и повернулся к старцам). Слушайте, о старики, новые слова, — слова Къколи — первого вожака великих охотников.

Коммунары имели полное право гордиться своим вожаком. Как же! Ведь он заставил-таки грозных старцев слушать себя, да еще как слушать. Глаза, опущенные мохнатой сединой, прямо впились в рот искусного оратора... Къколя говорил:

— О старики! О мужи, без ног, без глаз и без рук! О женщины — старые и молодые! Охотники пришли к вам и принесли доброе свое желание. Охотники хотят видеть вас каждый день сытыми, одетыми и в тепле. Охотники считают, что так нужно по справедливости, по заветам «пъпа арийя»... Охотники покорили себе огонь, страшный огонь. Огонь служит теперь охотникам, как топор служит руке. Огонь отгоняет хищных зверей, пугает лесных людей, — врага, уничтожавшего женщин и детей арийя. О старики, слушайте обоими ушами и раскрытым сердцем! Хотите жить, не зная страха, не зная голода, холода и хищных зверей? Отвечайте! Къколя сказал свои «новые слова». Къколя ждет ответа. Охотники ждут ответа...

Николка кончил и внимательно осмотрел лица коммунаров: на них уже не было страха, было восхищение и беспрекословная готовность исполнять какие угодно приказания маленького словоискусного вожака. Старики имели подавленный вид. Айюс беспокойными жестами выдавал свой душевный разлад; его мысли прыгали, как распуганные блохи. Но вот он поймал нужную и заговорил, стыдясь тяжелой неповоротливости своих слов:

— Маленький голый человек сказал хорошо. Куда зовет нас маленький человек? Где находится его добро? Айюс стар, как слон. Айюс много видел. Айюс знает обман. Большой обман! Двадцать зим прошло от большого обмана. Маленький человек — Къколя — хочет повторить большой обман. Пусть покажет Къколя свое добро. Пусть глаза старого Айюса увидят. Много говорил Къколя, пусть немного покажет...

Николка, несмотря на туманность речи старика, понял все: старик требует от него доказательств, старик боится обманчивых слов. Обман — вообще редкое явление среди

арийя, но кто-то жестоко надул старика двадцать лет тому назад.

Хорошо! Николка даст требуемые доказательства. — Пусть охотники оседлают лошадей. — Это будет первое доказательство.

Лихо вскочили коммунары на спины застоявшихся коней, лихо загарцевали вокруг утеса... Зрители буквально обмерли, они не подозревали такого трюка: лошади — думали они — пойманы для мяса, а на них — смотрите-ка! — люди ездят верхом, все равно, как малые ребята на плечах матери...

— Довольно! — крикнул Николка.

Всадники полным галопом примчались к площадке, подняли коней на дыбы и соскользнули с них — невозмутимые, спокойные.

Не понять всех преимуществ конного охотника перед пешим мог разве только совершенно слабоумный человек. Старики, инвалиды и даже женщины шумно-неистово выразили свое одобрение.

— Ну-ка, братва, — крикнул Николка, — следующий номер: огонь!..

Четырнадцать пар рук — не за страх, а за совесть — принялись высекать искры из кремня и колчедана, соперничая друг с другом в быстроте и ловкости. Ребятишки, выскочившие на зов Мъмэма из пещеры, по его же просьбе на таскали сухих веток. Четырнадцать огоньков запыхало почти одновременно на площадке. Это вызвало отчаянный переполох...

Одно за другим выложил Николка все свои доказательства: перед ошалевшими зрителями рубили стальными топорами многовековые деревья, металы копыя и стрелы в мешки с сеном, ловили арканом собак. В заключение Николка угостил орду жареным мясом, потом — новой речью.

Айюс, успевший найти себя, величаво ответил:

— Старейшие пойдут на совет. Старейшие тогда скажут свое слово.

Двадцать старцев и пять старых женщин удалились на совещание в пещеру.

Вернулись они через пять минут — среди них царило единодушие. Айюс длинно и запутанно изложил свой ответ. Слушая его, Николка только посвистывал — изумленный. Ответ содержал в себе следующие категорические пункты:

1. Старейшие милостиво принимают предложение маленького Къколи.
2. Орда выступит завтра на заре вместе с охотниками.
3. На новом месте, как это было и на старом, как это было всегда, извечно, власть карать и миловать, власть над всею жизнью орды принадлежит совету старейших. Охотники самостоятельны только в охоте.
4. Маленький Къколя утверждается советом в обязанностях вожака — только на время охоты и войны.
5. Мъмэм, как нарушивший заветы отцов, должен умереть.

Николка счел нужным возразить на пункты 3-й и 5-й.

Пункт 3-й. Относительно власти. — Власть принадлежит всем, достигшим совершеннолетия. Къколя соглашается, что раньше было вполне нормальным, когда власть находилась в руках наиболее мудрых и опытных в орде — в руках старых людей. Теперь это будет ненормально, потому что охотники знают столько же, сколько и они, если не больше. Власть должна быть выборной. Пяти человек, избранных на общем собрании, с полномочиями на год, будет достаточно.

Пункт 5-й. Относительно Мъмэма. — Мъмэм не должен умирать, потому что он искупил свою вину. Это он, а не Къколя привел охотников к старикам. Если бы не Мъмэм, старики поумирали бы зимой от холода, голода и хищного зверья. Мъмэм будет жить и останется вторым вожаком после Къколи.

Ни того ни другого возражения Айюс — председатель старейшин — не принял, даже слушать не стал. — Айюс сказал. Его слово — камень. Так было — так будет. Мъмэм сейчас умрет, и его скушают, ибо мяса, привезенного охотниками, недостаточно для всей орды.

Вон оно что! Старцам человеческого мяса захотелось!.. Николка подозревал о каннибальских наклонностях краснокожих, о их людоедстве во время голодовок, но он никогда не думал, что об этом можно говорить так просто и цинично. Да дело-то, в сущности, и не в этом: людоедство нужно истребить в корне; чтобы и помыслов таких не было. Вот как надо вопрос ставить!

Но старики были непреклонны, в их глазах загорелись плотоядно-звериные огоньки, в мыслях они уже кушали Мъмэма. Айюс встал и повторил, что его слово твердо, как кремьень, — пускай Мъмэм убьет сам себя.

Великан Мъмэм сделался пепельно-серым, миндалевидные его глаза помутились. Чего доброго, он готов был исполнить требование кровожадного старца. Николке только и осталось, что призвать охотников к открытому восстанию.

— Братья! — сказал он, ожесточившись. — Старики глупы, как кремни. Головы их тверды, как кремни. Слова их тверды и глупы, как кремни. Охотники умнее стариков и сильнее их. Охотники жалеют глупых стариков. Не надо их убивать, но надо заставить их ехать в новую пещеру. Власть там будет принадлежать всем... Вот смотрите, что я делаю. Пусть братья поступят так же.

Он взмахнул арканом, приготовленным загодя, и Айюс, захлестнутый в плечах, скувыркнулся с председательского места.

Старики и пять ведьмоподобных старух схватились за свое жалкое оружие. Инвалиды держали нейтралитет: они ничего не теряли. Схватка окончилась смехотворно-быстро. Противник был силен своей нравственной силой, но когда эта последняя, в лице Айюса, грохнулась на землю, богатырям-охотникам не составило большого труда обезоружить слабые руки и надеть путы на дряхлые тела. Нужно отдать справедливость охотникам: они обращались со старцами и старухами сыновне-нежно и спеленали их веревками, как грудных детей.

— Вах! — свободной грудью вздохнул дикарь Мъмэм и нерешительно добавил: — Охотники будут кушать стариков.

— Нет, — отвечал Николка, — старики будут жить с нами в мире; они полежат немного и поумнеют.

— Старики жестки, как веревки, — согласился Мъмэм, — пусть лежат.

Наскочившая на утес ночь загнала всех в пещеру — и людей, и коней, и собак. Около пленников Николка установил посменное дежурство.

Лесной пожар. — Николка сооружает сани. — Лун — забияка. — Старики голосуют вместе с молодежью. — Выступление колдуна-гипнотизера. — Предательство стариков. — Николка вносит «порядок». — Необходимость антирелигиозной пропаганды. — Печальный вестник от Скальпеля. — Новая орда — «моглей». — Скальпель в плену. — Семейных отношений в орде не существует. — Николка надул. — Обида Скальпеля.

В полночь затряслась земля. Гранитные своды пещеры наполнились гулом. Проснулись все; даже часовой, мирно склонивший голову на живот одного из старцев и задремавший крепко, вскочил, ровно встрепанный... Ему-то показалось, что это пленники, зорко охраняемые им, сбежали и колотят теперь палицами по головам спящих коммунаров... Но нет: пленники были на своих местах; они тоже прислушивались к зловещему гулу. — Дрожал великан-утес; ревело смертельным ревом лесное зверье; панически-тоскливо выли собаки; бились кони в темном углу пещеры. Старуха Гарба — «Утроба», складчатостью кожи похожая на летучую мышь, прокакала вещь:

— Рушится земля, ух-ху! Смерть всем — связанным и свободным! Ах-ха-ха!..

Она определенно была на увеличение паники.

Николка бросился к каменной глыбе, загораживающей выход, чтобы посмотреть — что там, на воздухе, но его удержали перепуганные насмерть охотники.

Гарью пахнуло в трещины стен. Айюс, «умудренный годами», отозвался спокойно из груди спеленатых тел:

— Лес горит. Бегут звери... Много мяса будут иметь арийя.

Спокойные слова внесли умиротворение в трепещущие сердца. Николка проникся вдруг уважением к человеку, прожившему 150 зим. В самом деле, ведь этот гул — топот бесчисленных ног спасавшихся бегством от стихийного бедствия животных. Как можно было думать о землетрясении!

На глазах остолбеневших охотников он собственноручно развязал старца и сказал ему с веселой покорностью:

— Пусть Айюс приказывает, что делать.

Польщенный старик гордо тряхнул седыми лохмами и победоносно осмотрелся кругом.

— Маленький Къколя имеет хорошую голову, — сказал он, — но старый Айюс жил долго и знает больше Къколи.

— Пусть так, — согласился Николка, — не буду пока спорить. Дуй, старче, дальше.

— Старый Айюс, — продолжал старик с горечью в голосе, — будет приказывать, потом — его опять свяжут?

— Нет, он теперь навсегда освобожден.

Старик ворчал:

— Старый Айюс имеет старые кости. Старые кости болят от грубых веревок...

— Ладно, ладно, старче, не дуйся, не проезжался бы насчет Мъмэмского мяса, не был бы связан.

По забывчивости последнюю фразу Николка произнес на чистом русском языке, ее никто не понял, и тем большее впечатление произвела она на старика. Кто его знает, что он подумал, только вместо того, чтобы приказывать, он стал конфиденциально советоваться с Николкой:

— Айюс думает: зверей бежит много, звери потеряли голову, легко охотиться; будет много мяса.

Это была хорошая мысль: в пещерной коммуне людей должно значительно прибавиться, и совсем не лишнее пополнить ее запасы.

Николка стал разъяснять охотникам, что от них требуется. В этот момент тяжело заухала каменная глыба; кто-то снаружи барабанил нещадно. Охотники повскакали в новом приступе животного страха.

— Кто там? — спросил Николка.

Из-за глыбы дошел глухой человеческий голос:

— Арийя...

Глыбу приняли. То был Ркша — медведь, обожженный и окровавленный. В таком же состоянии находилась и его новая лошадь.

Не слезая с коня, Ркша въехал в пещеру.

— Лес горит... Большой огонь пожирает деревья... Звери горят... Звери бегут... — забормотал он, дико блуждая глазами. — Ркша ехал среди зверей... Миау хотел его скушать... Волки хотели его скушать... Медведь хотел его скушать... Ркша отбился... Вот он, Ркша, вместе с лошадейю...

— Молодец, Ркша, — успокоил обезумевшего дикаря Николка, но он чувствовал, что еще не все сказано. Он вспомнил мрачное предсказание Скальпеля: «Друг мой, вы научили дикарей обращаться с огнем... В одно прекрасное время они нас спялят...»

Николка отвел великана в сторону.

— Это Ркша упустил огонь? — тихо спросил он.

— Ркша должен умереть... — с глухой тоской отвечал великан. — Ркша развел костер. Ркша заснул. Огонь убежал из костра.

— Ркша не умрет, — категорически сказал Николка. — Ркша пойдет сейчас охотиться вместе со всеми. Он хорошо сделал: будет много мяса. Только... пускай он этого не делает больше. Вот так.

— Вотта!.. — повторил воспрянувший духом дикарь, и он уже готов был хвастаться своим поступком.

Охотники вышли на воздух. Огненное море полыхало в южном направлении от пещеры, с каждой минутой разливаясь шире и шире и грозя отрезать коммунаров от Скальпеля с его помощниками. Но нечего было и думать о немедленном выступлении в обратную дорогу: толпы животных, спасавшихся от пожара, мчались с юга и востока. Слоны, мастодонты, мамонты, динотерии, носороги, исполинские быки и олени грозной лавиной сметали все со своего пути. Между ними металась хищники кошачьей породы, обезьяны, которых до сих пор Николка близко не видел, волки, дикие собаки, гиены, лошади, лани и мелкие обитатели степей и лесов. Свет костра, вырвавшийся из пещеры, заставлял их далеко огигать утес.

Огонь полыхал, казалось, совсем близко, но Николка знал, как обманчива ночная перспектива. Километра два, во всяком случае, отделяло их от пожара. Опасаться — быть окруженным всепожирающим кольцом — не приходилось:

утес стоял на лысом плоскогорье, и ближайшие к нему деревья были редки и низкорослы. Кроме того, пожар обна-

руживал тенденцию распространяться на восток, а не на север; это потому, что как раз в двух километрах от пещеры в южном направлении протекала широкая река, и она ставила огню естественную преграду. На востоке, правда, находились остальные коммунары, но и там — Николка знал это твердо — огненное море встретит себе препятствие — ущелье, в котором они некогда ловили лошадей. Полное безветрие обеспечит невозможность переброски искр и углей через эти преграды. Так или иначе, но для того, чтобы возвращаться в коммуну, нужно было дожидаться конца пожара. Как скоро пожрет огонь отведенные ему природой участки леса, никто из коммунаров не знал. Обратились к много выдавшему Айюсу. Этот уверенно отвечал, что больше двух-трех дней никак не пройдет.

— Больше двух-трех дней, черт побери! Как-то там чувствует себя Скальпель? — Николка возмутился «идиотской» стихией. Два-три дня в первобытном мире такой большой

срок, что за это время можно сто десять раз погибнуть и тем скорее, чем более «многоученную» голову носишь на плечах. А у Скальпеля-то голова не только многоучена, но и безнадежно рассеянна...

Николка возмущался, но дела не забывал. Он заметил, что коммунары, приблизившись к движущейся полосе из животных тел, со свойственным им пылом занялись приготовлением «мясных запасов». Конечно, они били без промаха, но так как приблизиться к живому потоку на расстояние топора было опасно, они употребляли метательное оружие — копья и стрелы. В большинстве своем это оружие пропадало — или уносилось животным, в котором оно застревало, или растаптываясь вместе с трупом павшего. Такая охота причиняла слишком большой убыток, но дикари не видели его в охотничьем азарте. Как это ни трудно было, Николка настоял на прекращении охоты и получил за это восхищенный взгляд седого Айюса. Старик сознался, что он не смог бы прекратить охоты в самом ее разгаре, его бы никто не послушался.

— Надо быть товарищем, а не начальником, — тоном преподавателя отвечал Николка.

Старик не понял, но это не помешало протянуться невидимым, но прочным нитям взаимной симпатии между фабзавуком и старейшим из старейших арийя.

Наутро в южной стороне пожар прекратился; вместо зеленого соснового бора там стояла теперь молочно-дымная завеса. Огонь бушевал на востоке. Бегство животных остановилось — за ночь участки леса, предопределенные к уничтожению, более или менее очистились.

Необычайное поведение земных стихий послужило стимулом к такому же поведению стихий небесных: с утра, казалось бы — ни с того ни с сего, повалил вдруг густой снег; температура резко понизилась. Пожалуй, это была настоящая зима, и Скальпель в своем утверждении относительно непостоянства времени года в плиоцене оказался прав. Николка ничего не имел против зимы — лишь бы не вызвала наводнения эта комбинация из океана огня и массы снега,

— вот чего он опасался. Но, как всегда, опасаясь и размышляя, он дела не забывал.

Еще до снега, по его инициативе, орда в полном составе (были освобождены и старики со старухами) рассыпалась в окрестностях утеса и к полудню натаскала такое количество затоптанных и зажаренных трупов, что площадка перед пещерой, площадка в 50, а то и более квадратных метров, покрылась целиком и выдавалась кверху холмом метра в четыре.

С полдня снег перестал валить, небо очистилось и ударил крепкий морозец...

— Все идет как по писаному, — радовался Николка и, собрав орду к костру, под защиту гранитных сводов, стал объяснять ей, что такое «сани» и как на них можно перевозить мясо с одного места на другое. Объяснение длилось часа полтора. Николка вспотел и упарился, когда получил, наконец, первый удовлетворительный ответ. Этот ответ последовал не от инвалидов и стариков, не от женщин и даже не от охотников. Маленький, лет 10-ти, мохнатенький, как мартышка, плиоценщик Луп — «луп» потому, что он всех своих сверстников лупил — забияка-мальчишка Луп дал этот ответ. Он сказал тоненьким и срывающимся от волнения голосом:

— Луп знает «саны», это — две деревянные ноги к четырем ногам лошади. Мясо надо класть на две ноги, лошадка будет бежать, две ноги будут ползать по земле, мясо будет бежать. Да?

— Ох-хао! — воскликнул Николка и привлек забияку в объятия.

Тогда вдруг все заявили, что они давно поняли объяснения Къколи, но не хотели об этом говорить, чтобы не обижать тех, которые не поняли; что две деревянные ноги, ползающие за лошадью по земле — вещь не такая уж сложная, и они готовы хоть сейчас делать их, если, конечно, Къколя согласится показать.

Къколя безусловно согласился, смеясь добродушно над наивной хитростью дикарей. Возможно, что ему не следовало смеяться; возможно, что здесь была не хитрость, а кол-

лективистская солидарность. А может быть, он был прав: его объяснения бесспорно уступали в простоте и доступности объяснению смышленного Лупа, и если дикари на протяжении одного с лишком часа не понимали толкований человека, ушедшего от них на миллионолетие вперед, то первобытно-образное толкование своего соплеменника они могли понять с первых же слов. Так или иначе, Николка смеялся — правда, доброжелательно, — и, смеясь, немедленно приступил к устройству первых, показательных саней. За материалом ему не пришлось идти в лес, — в пещере нашлись подходящие бревна и жерди; из бревен он вырубил грубые полозья, из жердей — перемычки и оглобли, из шкур сделал подобие хомута.

Самой смирной и самой прирученной из всего табуна лошадью был Живчик; на нем Николка объездил первую пару саней. И стар и млад высыпал из пещеры, несмотря на сильный мороз, подивиться чудесному изобретению. Гарба — «вещая» старуха — разъикалась с переляку и отнеслась пессимистически к новой затее. Да и все старики, пожалуй, разделяли ее мнение, но они-то хоть не выражали вслух. Гарба же не постеснялась.

— Ах-кха-кха! — прокаркала она. — Чужеземец Къколя хочет смерти арийя. Саны поломают шеи арийя...

Относясь с уважением к преклоннолетним, никто ей не возразил; только Луп-забияка, улучив момент, в виде protesta высунул язык, за что, впрочем, в ту же секунду получил увесистый подзатыльник от одного из инвалидов.

До темноты продолжалась горячая работа коммунаров, подгоняемых желанием иметь такие же сани, как у маленького Къколи: ведь на санях-то, как выяснилось, не только мясо может кататься, но и сами люди! Потом объезжали под упряжью лошадей. Перед началом работ имел место небольшой инцидент, открывший Николке глаза на истинную природу общественных отношений в орде.

Дело было так. Кончив демонстрацию первых саней, он взял с собой трех дикарей и поехал с ними в лес за бревнами и жердями. Уезжая, он крикнул оставшимся, чтобы к его возвращению они достали из переметных сум зимнюю

одежду — куртки, штаны и мокасины, так как работать придется на воздухе и работать долго — может быть, до самой ночи. По возвращении он увидел умильную картину. Вся орда находилась на площадке, декорированная — кто одним мокасином, кто курткой, кто штанами; цельного костюма не было ни на ком. Только с десяток ребятишек — наиболее волосатых — не получили ничего: у них, значит, своя, природная одежда достаточно укрывала тело...

Вмешательство Николки, желающего одеть тех, которые должны были работать на воздухе, не привело к каким-либо результатам: охотники наотрез отказались взять обратно свою одежду; получившие не менее категорически отказались возвращать ее. Николка принужден был уступить, — здесь «старое слово» арийя оказалось сильнее его доводов рассудка. Вот тогда-то он и решил, что напрасно смеялся по поводу того, что ему показалось наивной хитростью дикарей.

Лесной пожар закончился уже к вечеру этого дня. Ненасытный огонь сделал свое дело, съел все, что можно было съесть, и теперь умирал, разбившись на очажки, — голодный по-прежнему.

На следующее утро первое общее собрание коммунаров — всей орды, проведенное под председательством Николки, вынесло резолюцию — немедленно отправляться в путь. Старики тоже голосовали за нее — у них теперь имелось хорошее оправдание: огонь-де уничтожил вокруг утеса все леса, звери разбежались, охоты не будет; конечно, надо переезжать на новое место. Но и без этого оправдания им пришлось бы голосовать вместе со всеми. Разве они не видели, что базис, на котором покоилась их власть, разбился вдребезги? — Прерогатива на выделку оружия — прерогатива исключительно стариков, даже инвалиды не были посвящены в это дело — отошла от них более чем определенно; появилось новое оружие, в котором они, что называется, — ни бе, ни ме, ни кукареку. Руководство кочевками, внутренним распорядком орды и даже лечебная помощь, с которой охотники, благодаря науке Скальпеля, справлялись теперь необыкновенно искусно, все это самым не-

понятным образом ускользнуло из рук умудренных годами старцев. Короче говоря, революция в орудиях производства революционизировала сознание дикарей, и в стариках они перестали испытывать надобность. Кроме всего, маленький безволосый Къколя, вторгшийся неизвестно откуда, имел такую быструю голову, был так обильно начинен знаниями, что и в области опыта соперничать с ними представлялось очень мало возможностей. Оставалось кое-что у старичков, что они берегли в виде последнего резерва для самой последней, решительной минуты. Берегли, не разменивая на мелочь. Эта минута, по соображению Айюса, настала тогда, когда охотники принялись грузить мясо в сани.

Раздался гнусавый зауспокойный вой — будто гиена плакала над умершей своей подругой, предварительно скушав ее; из рядов зрителей выскочил, приплясывая, в одном мокасине и в куртке, мрачный уродец — горбун Тьма. Он весь был обвешан — как рождественская елка игрушками — хвостами зверей, раковинами, кореньями и иссохшими трупиками жаб, мышей, ящериц и змей; на голове его красовался скальп пантеры. «Тьма» значит «тьма», и Николка не придавал большого значения мрачному красавцу, находя, что его имя вполне отвечает его наружности — наружности выжившего из ума инвалида.

Уродец попрыгивал, бряцая своими украшениями; все зрители, кроме охотников и детей, тянули с надрывом гнусавый мотив.

— Театр? — спросил Николка ближайшего к себе коммунара. Это слово вошло в лексикон плиоценщиков, и они очень любили театр, но спрошенный отрицательно замотал головой и глазами, в которых разгорался страх, уставился на танцора. Все коммунары, бросив погрузку, тесно сплотились за Николкой. Тот пока еще ничего дурного не подозревал; наоборот, подозревал приятный сюрприз, который, видимо, ему хотели преподнести старцы.

Горбун крутился быстрее и быстрее. Хвосты и трупики раздували его жалкое тельце в некое безобразное чудовище, похожее на мифического героя древних индусов — змее-

голового царя змей — Кали. Соответственно ускорился темп песни.

— Ин-терес-но, черт возьми! — потирал руки Николка, не замечая, что его охотники помертвели и трясутся мелкой дрожью.

Горбун развил невероятную скорость: вращался вокруг невидимой оси, делая по 120 оборотов в минуту — и вдруг сам начал издавать звуки. Эти звуки походили бы на рыкание свирепой пантеры, если бы не были столь хриплы и не прерывались кашлем. Скорее они походили на голос простуженной кошки.

— Интересно, черт возьми! — потирал руки Николка, не замечая, что сзади него грохнулся на землю впечатлительный Ург и забился в судорогах.

Уродец перестал вращаться и запрыгал на четырех конечностях. Из ряда охотников вырвались придавленные вопли:

— Смотри! Смотри! Тьма — пантера! На руках — когти!

Ничего подобного Николка не видел, но все-таки он был доволен зрелищем; так перед ним ни разу не танцевали. Только — почему охотники подняли вой и скрежет? Разве было что-нибудь страшное в смешных движениях горбуна? Николка оглянулся на своих коммунаров и мгновенно переменился в лице: здоровенные ребята лежали животами на площадке и дрыгали ногами, как лягушки, раздавленные копытом лошади... В чем дело?

Горбун продолжал бесноваться, но уже видно было, что он выбивается из последних сил. И вдруг — надтреснутый голос старца Айюса покрыл вой и песню:

— Охотники нарушили заветы предков. Охотники потревожили предков. Тьма-колдун говорил с предками. Вот их воля... Охотники — встать!

Кажется, Николка начинал догадываться.

Коммунары послушно вскочили с земли с лицами, обезображенными ужасом. На колдуна они не могли смотреть, а он, собрав остатки сил, извивался теперь на одном месте, подобно раненой кобре. Айюс продолжал напыщенно:

— Предки приказывают слушаться стариков. Предки...

Николка не дал ему договорить. Свирепый, как та пантера, которую тщетно пытался изобразить колдун, он бросился на старика с кулаками, по дороге здоровенным пинком выбив из священнослужителя последние силы. Священнослужитель растянулся без сознания, растянулся вслед за ним и Айюс, угощенный в висок. Охотники все еще дрожали, скованные ужасом. На Николку кинулась Гарба-старуха, и старики — Ршаба, Грва и Дъру; из-под одежды они извлекли дубинки, хотя был приказ: «старикам оружия не иметь». Николка выхватил из-за пояса топор. Увернувшись от Гарбы, он дал подножку Ршабе, огрел обухом Грву по голове, выбил оружие у Дъру и развизжавшуюся старуху смазал с левши по скуле. Остальные в панике бежали. Инвалиды, по обыкновению, держали нейтралитет.

— Будем грузить мясо... — спокойно сказал Николка и первым показал пример.

Энергии у него было — хоть отбавляй.. Ворочая тяжелые туши, он негодовал и смеялся в то же время:

— Черт побери, тут дракой, пожалуй, добьешься малого, если не обратного, придется повести антирелигиозную пропаганду. Ведь эти «предки» ни больше ни меньше как корни религии, и они, видимо, глубоко внедрились в сознание дикарей. Ну, не ожидал! Признаться, не ожидал! Рассчитывал иметь дело с настоящими безбожниками, а тут, извольте радоваться, даже поп нашелся... Проклятый старикашка! Будто смирился, а на самом деле какую пакость преподнес. Меня надеялся врасплох застать. Да, собственно, и застал. Не будь я столь решителен в своих действиях, была бы контрреволюция... Молодец ты, Николка, все-таки... А старуха-то как развизжалась!.. Будто крыса с отрезанным хвостом... А колдун-то каким туманом завертелся от моего пинка. Хо-хо!.. Здорово, однако, угостил я их. Долго будут помнить... Но... с этих стариков нельзя глаз спускать, и надо им дать какое-нибудь самостоятельное, интересное дело, иначе у них слишком много досуга, а досуг в их положении, в раскоронованном положении — одно зло...

Николка хорошо знал увлекающийся, порывистый характер людей плиоцена и знал их способность легко переходить

доть от одного настроения к другому. Нужно только уметь к ним подойти. Старикам требовалось дать занятие на время дороги, чтобы их мысли не долбили в одну точку, и Николка нашел путь к их сердцам.

Когда длинный обоз, окруженный выплясывающими невесть что ребятишками, тронулся в путь, Николка передал управление своей лошадью забияке Лупу, а сам будто невзначай пристал к мрачно шагавшему впереди всех Айюсу.

Айюс стрельнул огненным взором, но у маленького Къколи глядело с лица такое милое, незлобивое выражение, он так обаятельно улыбался, что стариновское сердце, умевшее ценить улыбку — редкое явление в суровой обстановке плиюцена, — растаяло.

— Къколиа хочет говорить Айюсу, — поулыбавшись, сколько надо было, сказал Николка.

Старик неопределенно пожевал мохнатыми губами и ничего не ответил: нельзя же так быстро забывать болезненный и оскорбительный удар в висок!

— Къколиа хочет говорить Айюсу важное, — мягко, но настойчиво повторил маленький вожак.

— Пусть Къколиа говорит... — разрешил, наконец, старец, теряясь перед необыкновенным поведением врага.

— Охотники должны охранять орду, — начал Николка и, чтобы звучать в унисон с временем и нравами, пояснил: — так говорит «старое слово» арийя...

— ...Так говорит «старое слово» арийя... — как эхо, повторил старец.

— Охотники не свое дело делают, — продолжал Николка несколько бодрее, — они управляют лошадьми и санями. Охотники должны охранять орду. Старики — хорошо — лучше охотников — знают местность. Старики долго жили и много видели. Они лучше будут управлять лошадьми и санями...

Здесь Николка остановился, выжидая мнения заблестевшего глазами старца.

— Къколиа прав, — глухо произнес старик, не сумевший быстро разобраться в хаосе противоречивых чувств, наполнивших его душу. Управлять лошадью, конечно, благород-

ное, почетное и завидное занятие, но, если он даст на это свое согласие, не выйдет ли так, будто старый Айюс исполняет приказание маленького чужеземца? Старик угрюмо помолчал — Къколя тоже молчал — потом старик молвил:

— «Старое слово» арийя ничего не говорит о лошадях. «Старое слово» говорит: охотники охраняют орду в пути...

Николка понял возражение Айюса, но повернул его по-своему. Старик намекал на то, что законы предков ничего не говорят о лошадях: этим самым они как бы идут против их приручения. Зато, мол, законы твердо указывают на обязанности охотников. Николка сделал вид, что он видит замешательство старца в другом.

— Предки арийя, — сказал он, — не знали прирученных лошадей, поэтому их «слова» ничего не говорят о лошадях. Но Къколя думает, что лошадьми должны управлять старики. Для этого Айюс, проживший 150 зим, Айюс — сам старый, как предок, — должен сказать свое новое «старое слово» о лошадях... — Иными словами, старику предлагалось сделаться законодателем.

Айюс подпрыгнул на четверть метра вверх и задышал порывисто. Николка даже струхнул немного: «черт его... еще вообразит себя умершим предком и потребует воздавать себе соответствующие почести...» Но нет, у старика был силен здравый смысл. Голосом, выдававшим волнение — волнение, бесспорно, приятного порядка — он произнес:

— Пусть Къколя скажет о новом «старом слове» охотникам. Айюс скажет старикам и людям попорченным...

Отходя от новоиспеченного законодателя, Николка хотел беззвучно, но во всю глотку.

Охотники ничего не могли возразить против нового порядка. Признаться, им здорово надоело сидеть неподвижно на возу и изредка подергивать веревками-вожжами; молодая горячая кровь бурлила в жилах и требовала сильных движений. Тем менее могли что-либо возразить старики и старухи, у которых подагрические от многолетней жизни в сырых пещерах ноги нуждались после каждых пяти километров пути в продолжительном отдыхе. Дипломатичес-

кое выступление Николки, таким образом, увенчалось полным успехом.

Смена обозного персонала была произведена быстро. Дергать за правую вожжу, когда хочешь, чтобы лошадь шла направо, за левую — налево, натянуть вожжи, если хочешь остановиться и пр., — все это не носило характера трудной науки. Местность была ровная — спаленный до основания лес, прикрытый десятисантиметровым настом снега. Лошади после короткого периода возмутительного неповиновения бежали спокойно.

Айюс, севший в сани Николки — на передние сани, тотчас показал себя мастером в новых обязанностях. Вместо того, чтобы вести обоз по старой обходной дороге, куда направили его охотники, он повел его напрямик на восток по ровному пожарищу, на пещеру, которая была ему хорошо известна. Таким образом он сразу выгадал километров двадцать. И еще одно преимущество влекла за собой смена обозного персонала — увеличение скорости следования: охотники и молодежь предпочитали беглую рысь медлительному шагу, и теперь тяжелонагруженные лошади принуждены были догонять их, то и дело уходивших далеко вперед.

На половине расстояния, когда уже близок был овраг и за оврагом — лес, уцелевший от пожара, остроглазый Мъмэм завидел впереди черную точку на снежной равнине. Точка приближалась к ним. Ург сказал, что это — волк; Ркша признал в точке собаку, Трна — медведя, Гьса — пантеру, Ничь — горбатую козулю. Мъмэм, высказавшийся последним, заявил:

— Это — обезьяна несет на спине детеныша.

Николка сознался, что он ничего не видит, но почти уверен, что это — вестник из пещерной коммуны: какой бы другой зверь стал бежать навстречу шумному и многолюдному каравану?

Мъмэм был ближе всех к истине и все-таки ошибся. Николка оказался правым. Не обезьяна и не детеныш приближались к ним, а выздоровевший Керзон с малышом Эрти на спине.

— Скальпелище влопался, — екнуло сердце у Николки.

Не добежав десятка шагов до передних коммунаров, Керзон свалился в снег в полном изнеможении. Эрти попытался встать и тоже упал. Обоих немедленно отнесли в пустые сани к молодым женщинам. У малыша тельце поси-
нело, конечности окоченели. Первые его слова, когда он при-
шел в себя, были:

— Пещера... враги...

Этих слов было достаточно для того, чтобы обоз сор-
вался с места, как взбесившийся. Дикую гонку устроили
старики, не желая ударить лицом в грязь и отстать от вих-
рем умчавшихся вперед охотников. Мясные туши во время
переезда через овраг наполовину рассыпались, на них ни-
кто не обратил внимания, а старики — так те даже не по-
нимали, для чего везти столько мяса. Переезд по лесу окон-
чательно облегчил сани, тут уж сами повозочные способ-
ствовали этому.

На берегу реки, в двух километрах от пещеры, Николка
задержал охотников, дождался обоза и выслал вперед раз-
ведчика — пронырливого Урга. Ург слетал туда и обратно в
несколько минут.

— Черти... — сказал он, употребив излюбленное выра-
жение Николки. — Пять чертей... — и наглядно объяснил,
кого он называет этим именем: оттянул наружные углы
глаз, приплюснул нос и сравнил кожу «чертей» с желтым
осенним листом.

Всезнающий Айюс поправил его:

— Это не черти, а могли...

— Дело, собственно, не в названии, а в количестве врага,
— подумал Николка и, оставив половину охотников при
обозе, сам с остальными устремился к пещере. К каменной
ограде они подкрались бесплотными духами; во двор, че-
рез открытые настежь ворота, заглянули привидениями и
обрушились на врага громом из ясного неба.

Действительно, то были могли, т. е. монголы; поэт Ург
верно описал их. Они не были высоки, но чрезвычайно ши-
роки в плечах, кряжисты, скуласты, раскосы и волосаты;
черные волосы и на голове и на теле у них стояли дыбом.

Могли беспечно сидели на земле задом к воротам подле связанных пяти арийя и Скальпеля. Они тянули заунывную, бесконечно длинную, как ветер в степи, песню. По двору тяжеловесно-спокойно расхаживал мастодонт, около десятка собак валялось тут же с разбитыми черепами. Враг не успел взять оружия, — кремневых топоров и копий с синими — из обсидиана — наконечниками, — и краснокожие честно побросали свое, так как их этика говорила, что на безоружного и малочисленного врага нельзя нападать с оружием. Николка не был столь честен, — вернее, он руководствовался другой этикой, поэтому, хотя топор был им брошен, зато поднята дубинка, и этой дубинкой, пересчитав пять голов, он помог коммунарам закончить борьбу в три-четыре минуты. Потом моглей связали веревками, снятыми с их собственных пленников.

Скальпель, щедрый на объятия, прежде чем объяснить странное положение: как могли пять человек справиться с шестью при наличии у этих последних собак и гиганта-мастодонта, прежде чем объяснить это, поочередно заключил в объятия каждого из своих спасителей, после чего заговорил торопливо и с укором:

— Батенька мой, тут уж я не виноват. Я не успел ни в рот к ним слазить, ни поздороваться, ни поинтересоваться здоровьем родителей. Упали, как снег на голову... Их было, по крайней мере, десятка два человек... Мастодонта они признали за старого знакомого, жившего у них некогда; собак они перещелкали в три счета и так же скоро расправились с нами. Но — прошу заметить — хотя мастодонт и предал нас, он спас всю живность и не позволил этим желтокожим обрубкам громить постройки: каждого, совавшего свой нос в курятник, в коровник, на конюшню или еще куда, он вежливенько брал за шиворот и бережливо переносил на почтенное от объекта своей защиты расстояние... В общем, я думаю, виноваты скорее вы, чем кто-либо другой. Вы ушли на день, а пробыли черт-те сколько. Тут без вас целое наводнение было, горы воды хлынули с обрыва... Хорошо еще, что река под боком — все ушло в реку, — а то представьте себе, что бы с нами было. Форменный потоп,

клянусь честью, мы выдержали. И мы справились с ним, но... не могли же мы справиться с двумя десятками косоглазых извергов, когда нас всего шестеро. Нет, тут мы ничего не могли поделать; хорошо еще, что они не успели нас съесть, а ведь собирались, собирались, ей-богу... Но где же наши остальные коммунары?

Остальные в этот момент тихо въезжали в ворота. Скальпель отверз уста для нового словоизвержения, — Николка поспешил его запередить.

— Ох-хе! — воскликнул он. — Не Ффель ли должен сначала сказать, куда девались его остальные — желтокожие, подразумеваю я.

— О! Они еще вернутся! Непременно вернутся, — успокоил Скальпель. — А почему вы говорите «ох-хе» и «Ффель»... А это что? Это и есть ваша орда? У нее были сани, да? О!..

— Пусть Ффель подождет с вопросами. Ффель говорит, что желтокожие вернутся. Почему?

— Как же. Разве я не сказал? Ведь эти двадцать человек — только разведка, небольшая разведка. Там их толпы. Они скоро придут все сюда. Ведь это близко: здесь где-то, на острове... Но меня поражает ваша речь. Вы совсем оплюценились. Вы употребляете арийские слова, строите фразу по-первобытному и вы жестикулируете, простите, словно дрессированная обезьянка. Я боюсь за вас...

— Пусть Ффель не боится, — машинально отвечал Николка, поглощенный мыслью о возможности нового вражеского нашествия и не замечая, что, говоря со Скальпелем, он приноравливается к пониманию плиоценщика. — Пусть Ффель не боится: маленький Къколя имеет большую голову. — С этими словами он присоединился к группе охотников, занятых приведением себя и двора в боевую готовность. А медик, неодобрительно мотая головой, пошел к саням.

Старики долго не хотели вылезать из саней: их порастил гигант-мастодонт, разгуливающий по двору с веселым трубением; оглушил гам животного населения этого странного места, огороженного камнями — кудахтанье, бляение, мычание, хрюканье, — ошеломил вид деревянных и камен-

ных построек и второй коричневокожий человек, в общем похожий на Къколю, но, в отличие от него, имевший не два, а четыре глаза. Старики, и вместе с ними все остальные, чувствовали себя попавшими в жуткое сказочное царство...

Человек пошнырял всеми четырьмя глазами по обозу, остановился на ком-то, его лицо вдруг преобразилось: от глаз по щекам расползлись радостные жилки, как на ярко-желтых лепестках болотного касатика.

— Эрти, милое дитя! — воскликнул он. — А мы-то считали, что ты погиб, что тебя утащили с собой косоглазые изверги...

Эрти, улыбающийся, вылез из-под тяжелого кожуха, которым его укрыли молодые женщины, и поспешил засвидетельствовать: это Эрти верхом на Керзоне съездил за охотниками и привел их; никто не видел, как они ускользнули со двора, но Эрти чуть было не замерз и его чуть-чуть не съели волки...

Скальпель взял малыша на руки, благодушно поглядывая на трех молодых женщин и на звонкоголосую ораву ребят, окруживших его без всякой боязни.

— А кто твоя мама? — спросил он малыша.

— Вот... — Эрти показал разом на всех трех женщин.

— Здорово! — приятно изумился Скальпель, а словоохотливая и смешливая Уша, рожденная на заре («уша» значит «заря»), пояснила:

— Ах-хо! Мама Эрти умерла. Мама Эрти дала жизнь Эрти и умерла. Но все молодые женщины, по «старому слову» арийя, заменяют бедняжке Эрти умершую маму.

Вот когда Скальпель узнал, почему малыш носит свое имя — имя смерти.

Убедившись в полной безопасности четырехглазого человечка и доброжелательности мастодонта, старики, а вслед за ними и все, решились, наконец, повылазить из саней. Скальпель перенес центр своего внимания на них. Он видел, что старцы замерзли и были бы не прочь укрыться где-нибудь в теплом месте, — в коровнике или курятнике, например, куда они и поглядывали недвусмысленно. Он по-

вел бы их без промедления в пещеру, но сначала нужно было распрячь коней и поставить их в конюшню. Это было сделано не без малого труда — соединенными усилиями: старики ни за что не хотели уступать кому бы то ни было своих прав по уходу за лошадьми; их руки заскорузли от холода, но они терпеливо повторяли каждое движение четырехглазого человечка над примитивной упряжью, а так как сам человечек не был особенно сведущим в этой области, то они повторяли и каждую его ошибку. Работа совершалась в полном молчании: Скальпель боялся попасть впро�ак и вызвать гнев Николки в случае какого-нибудь инцидента с ордой. Скальпель заговорил только тогда, когда все было окончено, и Николка с охотниками вышел за ворота:

— Ффель (удар в собственную грудь) просит стариков, всех мужей и женщин идти в пещеру...

Орда выстроилась, т. е. расположилась по старшинству: впереди пошли старики и старухи, за ними инвалиды и последними — молодые женщины с малолетними ребятами, — более старшие ребята сбежали к Николке. Эрти не обратил внимания на эту первобытную иерархию и побежал вприпрыжку впереди всех; он чувствовал себя хозяином, наравне со Скальпелем.

Дверь, заскрипевшая на петлях, исказила лица дикарей мистическим ужасом.

— Пожалуйте, пожалуйста, пожалуйста, — препровождал всех Скальпель, стоя у двери и почти насильно вталкивая каждого: он так боялся выстудить пещеру, ведь у него не было тамбура при входе.

Внутреннее убранство пещеры — печь, пышущая жаром; окна, прорезанные в стенах, застекленные и декорированные хвоей (— «для свежести воздуха, мой друг, для свежести воздуха и вообще» — оправдывался Скальпель с виноватой улыбкой, когда Николка иронически подмигивал над этой декорацией; на Николкином языке всякая склонность к уюту носила название мещанства); топчаны, покрытые мехом разнообразных зверей; шкуры на полу с оскаленными мордами; рога оленей, служившие вешалкой; столы, табуреты, шкапы; плотничьи и другие инструмен-

ты, в порядке развешанные на стене, и прочее — повергло дикарей в состояние, близкое к столбняку. Весело поблескивая стеклами очков и глазами, Скальпель молчал, давая дикарям время прийти в себя и наблюдая за ними внимательно. — Колдун Тьма, легкомысленно коснувшись раскаленной печи, отскочил от нее, как от крокодила, щелкнувшего зубами; старуха Гарба, любопытная, как газель, но отнюдь не похожая на нее внешностью, попыталась высушить голову из окна, крепко ударилась о толстое стекло и опустилась на пол, шепча бессвязные проклятия. — То было двое смельчаков из всей орды, только они и проявили исследовательскую активность; остальные стояли истуканами. Скальпель сел на скамейку подле стола и, остановившись глазами на библейском старце Айюсе, как на наиболее заслуживающем внимания, предложил ему садиться. Около Айюса находился табурет. Предварительно осведомившись: «не кусается ли оно — четырехногое, деревянное», и получив успокоительный ответ, старец сел на пол, табурет отодвинув от себя. За ним последовали все, стараясь занимать позиции подальше от стола, скамеек, шкапа и печки.

Скальпель пригладил лысинку и начал разговор; с несложным языком плиоцена он справлялся не хуже Николки. По профессиональной привычке он спросил прежде всего о здоровье, летах и образе жизни своих гостей. Ответ был таков: лета у всех разные, самый старый Айюс: он забыл счет годам и вот уже какую зиму повторяет, что прожил 150 зим; самый молодой — Кха, ему две с половиной зимы; после него женщины почему-то перестали давать жизнь новым детям...

(— Симптом вырождения, — отметил Скальпель).

...У стариков здоровье плохое: болят руки и ноги, болят все суставы...

(— Пещерная подагра, — объяснил Скальпель, — в пещерах сыро и холодно, а старикам приходится сидеть в них более всех. Даже у пещерных медведей наблюдается та же болезнь... Ну, дальше!.. —).

...Образ жизни орда ведет простой — тот, который вели ее предки и предки предков...

— Замечательно, — сказал Скальпель, — но гордиться последним не следует.

Затем он перешел на выяснение семейных отношений и тут напоролся на сюрприз: «семейные» отношения в орде отличались оригинальностью необыкновенной. Все старики, по отношению к детям, были дедами, старухи — бабками, охотники и инвалиды — отцами, молодые женщины — матерями; сами же дети делились на две категории — до 8-летнего возраста они находились при матерях и назывались поэтому «материнскими», с 8 лет по 16 лет, по совершеннолетию — при стариках и назывались «стариковскими». Но это еще не было особенно оригинальным. Поразило Скальпеля вот что: в орде не знали слов «муж» и «жена». «Муж» был синоним мужчины вообще, «жена» синоним женщины. Каждый мужчина по отношению к любой женщине был мужем, каждая женщина по отношению к мужчинам — женой. Дети называли всех женщин «мамами», охотников — «папами». Семейных пар в орде не существовало. Семьи, следовательно, не было...

— Вот те на! — воскликнул Скальпель, сдвигая очки на лоб. — Читал я, конечно, насчет брачных отношений в первобытном коммунистическом обществе, но, признаться, никогда не верил. Ори-ги-наль-но... Ну-с, так-с, будем продолжать... Кто же у вас старший в орде? Кто, так сказать, вершит ее судьбами?..

Этот вопрос он перевел на язык плиоцена. Словно тяжелые замки повисли на устах доселе словоохотливых стариков. Инвалиды и женщины потупили взоры...

Из угла, куда Эрти увел своих сверстников, чтобы показать им игрушки: лук, маленький острый топорик, пилу и рубанок, на вопрос Скальпеля откликнулся задорный детский голосок:

— Къколя! Къколя у нас старший над всеми... — Это ответила синеокая девочка Наба («наба» — «небо»).

— Цыц!.. — крикнул Айюс, поднимаясь с пола и надуваясь вдруг венами на висках и на шее. — Девчонка Наба сосет грудь матери...

— ...Следовательно, не имеет права голоса, — механически перевел Скальпель.

Бурливо-жалобной, как вой ветра в узком ущелье, полилась речь старца Айюса.

— Все было хорошо, пока не явился Къколя. Маленький Къколя с чрезмерно большой головой. Охотники слушались стариков. Старики, как это было заведено от прапра-предков, руководили всей жизнью орды, чинили суд и расправу, через колдуна Тьму сносились с умершими предками. Старикам воздавался должный почет... Но явился Къколя — будто лавина обрушилась и переломала все доброе. Сначала Къколя связал стариков, потом развязал, — избил старика Айюса, ногой в живот ударил колдуна Тьму, больно ушиб старуху Гарбу — вон какие у нее синие скулы... Къколя отнял власть у стариков и сказал: все будут управлять ордой; все, кому исполнилось 16 лет; совет старейшин заменится советом из пяти; пять будут избраны на общем сходе орды... Но ведь на общем сходе — больше молодых, чем стариков: молодые пройдут в совет, что будут делать старики? У стариков — опыт, знание; за стариков — «старое слово» арийя... Къколя — маленький безволосый гаденыш, желтокожая мартышка... Къколя должен умереть, — так говорит Айюс, проживший 150 зим.

К концу речи старца побагровел и надулся венами ученый медик. Как? Николка дал ему слово, что не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь орды. Значит, самым наглым образом он нарушил свое слово. Значит, он решил, что с ученым медиком можно так же считаться, как считаются с придорожным булыжником: отпихнул ногой и все?.. Ну, нет, доктор Скальпель еще покажет себя. Он сумеет повернуть по-своему. Он заставит своевольного фабзавука плясать под его, Скальпельскую дудочку... Николка! Николка!..

Скальпель перепрыгнул через двух старух, расположившихся у порога, легкой козочкой и с размаху настезь хлестнул дверью.

Снаружи ворвался в пещеру стоголосый галдеж, воинственные крики и раскатистый выстрел из винтовки.

*Бой арийцев с моглями. — Друзья в смертельной опасности. —
 Вмешательство природы — землетрясение. — Мир. —
 Скальпель чуждается Николки. — Первобытный дипломат —
 старик-могли. — Старик против производственного фактора
 революционизирования. — Последствия землетрясения. —
 Скальпель — агитатор. — Оппозиция Скальпеля и стариков. —
 Обструкция стариков. — Раскол орды. — Скальпель порывает
 с Николкой.*

Задача обороны двора сводилась к тому, чтобы устроить вдоль каменной стены, внутри, каменный же помост, с которого было бы удобно обстреливать неприятеля, наступающего от реки или справа и слева по берегу. Еще требовалось укрепить ворота бревнами и глыбами да разместить пять человек с неограниченным запасом стрел по деревьям над обрывом — на случай, если бы неприятель задумал произвести нападение с тыла. Мъмэм самостоятельно проделал все эти приготовления — у коммунаров была основательная практика в деле защиты своего жилища: не раз и не два приходилось им отстаивать себя от хищников и лесных людей — ванара («вана» — лес; «нар» — человек). От себя Николка прибавил только то, что развел на дворе громадный костер, который не давал бы коммунарам мерзнуть, да, затопив баню, вскипятил бак с водой; от бака провели к стене железную трубку, заткнув ее деревяшкой.

— Лишний гостинец, если могли не выкажут себя миролюбивыми, — смеялся он.

Николка совсем не имел желания проливать чью бы то ни было кровь, он рассчитывал мирным путем разрешить конфликт, если таковой будет; залогом тому, думалось ему, являются пленники. Но если его благие намерения не встретят отклика в сердцах желтокожих братьев, он не постоит на щедром угощении каленым железом, огнем и кипятком, и во всяком случае не отдаст себя и своих друзей живыми в

руки неприятеля. Чтобы их скушали вместо баранины, благодарю покорно!..

Запыхавшийся, прибежал Вырк, высланный на разведку — его нога давно зажила, и он снова носил с честью свое имя — имя быстрого волка.

— Идет тьма врагов, ах-хао! — доложил он. — Идут охотники, мужи пожилые, старики, женщины и дети. Все идут. Тащат бревна, несут кремни и две туши мяса.

— Они не ожидают встретить здесь сопротивления, — из донесения разведчика вырешил Николка, — они просто переселяются на новое место, им понравилась наша пещера. Надо их предупредить, что мы ничего не имеем против сожительства вместе с ними... Новая кровь — чего лучше! Целый городок оснуем. Городок коммунаров, елки зеленые!..

Николка готов был размечтаться, но обстоятельства требовали немедленного действия. Он подошел к связанным пленникам, развязал двух из них и на языке жестов, пополам с арийскими словами, сказал:

— Арийя имеют острые палки, которые убивают на далекое расстояние. Арийя имеют огонь, который сжигает все. Арийя имеют животных, которые живут с ними, как собаки. Арийя мудры, сильны и добры. Они хотят жить с моглями в мире. Они поделятся с моглями своими знаниями и имуществом. Пусть пленники скажут это своим.

Освобожденные, перебравшись через стену, поколебались немного, опасаясь предательского удара в спину, и, не получив его, с ликующими криками пустились навстречу своей орде.

— Ну, что-то будет! — соображал Николка, нервно потирая руки. — Или меня поймут, или меня не поймут...

Ожидать долго не пришлось. Охотники моглей в количестве не менее 200 человек появились со стороны реки. Но уже на таком далеком расстоянии — 1/4 километра — можно было смело сказать об их настроении. Они возбужденно и воинственно размахивали копьями и топорами...

Коммунары умели на расстоянии 150 метров попадать из лука в цель. Новые луки Ркши, Гуха, Вырка и Оджи стре-

ляли без промаха на 250-300 метров. Коммунары нетерпеливо поглядывали в сторону Николки, ожидая команды «пли». Но ее не последовало. Николка приложился к винтовке — из нее он ни разу не стрелял при дикарях — и, дождавшись более явных симптомов враждебности — атаки — со стороны моглей, выстрелил в их широкоплечего, квадратного вожака, бежавшего впереди всех. Вожак растянулся с перешибленным бедром; его подхватили на руки и все в панике с звериным воем отхлынули к реке. Защитники пещеры — не будь на дворе трех чужаков-пленных — сами готовы были удариться в бегство от объявшего их трепета перед громоносным оружием маленького Кьколи. Но они этого не сделали и даже разразились восторженными криками — правда, посерев значительно.

— Молодцы, ребята! — подивился Николка их выдержке.

В этот момент Скальпель с физиономией красной и искаженной выскочил из пещеры. Его негодование уступило место другим, не менее сильным чувствам, когда он понял положение. А эти чувства отошли на задний план перед профессиональными. Скальпель побежал обратно в пещеру за медицинской сумкой.

Николка развязал еще двух пленников и опять в виде парламентаров отправил их к неприятелю. Его напутственные слова на этот раз были таковы:

— Передайте: если могли не хотят жить с нами в дружбе, арийя перебыют их всех до одного громом и молнией.

Парламентары помчались к реке, где их соплеменники митинговали вокруг раненого вожака, не решаясь на дальнейшие действия, но, добежав, они передали, по всей вероятности, совсем не то, что говорил Николка, так как немедленно возникла новая волна атаки.

На берегу осталась толпа стариков, женщин и детей, подоспевших с тяжелой ношей. Их было не менее 300 человек.

— Приготовить луки, — скомандовал Николка, и еще: — Стрелять только в ноги...

Он еще надеялся на мирное разрешение столкновения.

Когда волна атакующих подкатилась на 100 метров, раздалась команда «пли». Каждый охотник раз за разом, как было условлено, выпустил три стрелы. Николка выпалил из винтовки. Тридцать моглей вышло из строя, и волна опрокинулась вспять.

Был освобожден последний пленник и с еще более суровым наказом препровожден через стену. Но он не успел передать его: возбуждаемая женщинами и стариками разъяренная лавина в третий раз катилась от реки. Теперь вся орда следовала за ней.

Скрепя сердце, отдал Николка приказ: «стрелять в грудь и не жалеть стрел». Сам он отложил винтовку, в которой оставалось восемь драгоценных зарядов, и тоже взял лук.

На этот раз могли не были встречены громом и молнией, зато стрелы тучами впивались в их тела. Ркша, Гух, Вырк и Оджа из своих колоссальных луков одной стрелой пронзали двух врагов. Пред оградой в две-три минуты было положено около полусотни трупов... Передние ряды дрогнули, попятились. Задние напирали, стыдя и возбуждая. Замешательство — на короткий миг, потом — ответная куча камней и копий, фонтаны крови за стеной и на стене, вой случайно раненого мастодонта, бешеное завывание собак, рвущий барабанные перепонки воинственный клич моглей... Николка вынул затычку из железной трубы, и струя перегретого кипятка зафыркала в желтые лица и груди... Кипяток вызвал панику, претворившуюся тотчас же в неистовый взрыв ярости: отступать не позволяли старики и женщины... Атака докатилась до ограды. Презирая и стрелы и огненную воду, полезли могли по телам павших на стену. Коммунары взялись за свои страшные топоры и долбили, крошили, рубили головы, руки, рассекали груди...

...Что-то помутилось в голове фабзавука, когда последние остатки кипятка выхлестнулись на чью-то черную грудь. «Успокойтесь! Успокойтесь!..» — услышал он подле себя ласковый знакомый голос. То был Скальпель — благодушный, как всегда, с сетью запутанных морщин на лице и с запотевшими стеклами очков. Николка вдруг увидел, что сидит у себя в комнате на газетно-ящичном диване и что

вся жестокая сеча была тяжелым сном. Как посветлело сразу на душе его. Николка слабо улыбнулся, собираясь е мыслями. «Я вам расскажу штуку, вот так штуку...» — сказал он вдруг и увидел, что сон не был сном, а страшной действительностью: Скальпель перевязывал ему голову, а на каменной стене, залитые кровью с головы до пят, ожесточенно сражались — из последних сил — отважные коммунары. Николка оттолкнул Скальпеля и, подняв чей-то топор, ринулся к стене. Теперь сражались не только охотники, но и старики, женщины и дети — с обеих сторон. Стена пылала кровавой краской. Собаки терзали внизу тела сорвавшихся со стены моголей. Мастоdont, мстя за свои раны, топтал ногами каждого желтолицего, сумевшего уйти от собак. Лошади разбили конюшню и метались — буйногровые, красноглазые — по двору, вместо ржания выпуская из сдавленных ужасом глоток хриплый вой. Костер, оставленный без присмотра, догорал. Сразу потемнело, будто нахмурилась природа на бешенство кровожадных двуногих; небо, как траурным крепом, затянулось черными тучами; свинцово-серая река заплескала буйно о берег. Никто не заметил этих грозных симптомов.

Николка оправился от удара в голову и понял, что дальнейшее сопротивление — бессмысленно.

— Доктор! — гаркнул он со стены. — Сейчас же всех небоеспособных в пещеру и туда же лошадей! Живо, если вам жизнь дорога!..

Медик понял его. В пещере был второй выход.

Стену остались защищать десять человек охотников, три старика с Айюсом, старуха Гарба, несколько инвалидов и несколько юношей в возрасте 13-14 лет.

— Коммунары! — перекрыл Николка ором вой, крики, лай. — Мужайтесь! Сейчас будет помощь!.. — И он дал сигнал пяти охотникам, дисциплиной прикованным к деревьям на обрыве и оттуда осыпавшим стрелами ряды нападающих. Когда помощь прибыла и яростно заработали свежие топоры, Николка снова крикнул:

— Дети и старики в пещеру! Живо!..

Его не посмели послушаться. Но это была ошибка: в горячке битвы Николка не заметил, как последним его приказанием обнажился правый фланг двора. Через стену лавой устремились могли. Мастодронт был слишком неповоротлив, чтобы сдержать их напор... Скатилась со стены морщинистая Гарба, пораженная в спину. Два инвалида шлепнулись вслед за ней.

Коммунары оставили стену и, сбившись в кучу на середине двора, сражались, теперь окруженные со всех сторон. Вторая схватка кипела около пещеры. Николка выпустил все заряды из винтовки... Рос кровавый вал вокруг обреченных на смерть. Надо было пробиться к пещере.

— Вперед! — крикнул Николка и с гигантами Мъмэмом и Оджей по бокам кинулся в самую гущу врага.

...Полыхнула молния, разодрав черное небо. Гром потряс воздух и землю. Закачалась земля под ногами. Со стороны реки буреносный порыв принес ропот близких волн. С обрыва сорвалась скала и грохнулась, разрушив полстены. Замерли все: и краснокожие, и желтокожие. Невидимый сигнал оборвал битву. Замер Николка, забыв о пещере; земля определенно тряслась... Новая молния острым зигзагом ударила в дерево на обрыве, — вспыхнул громадный факел. Гром прокатился над головами длинным рядом гигантских взрывов. Из разодранного в клочья неба хлынул слепящий ливень, — факел потух. В стену ударилась взбунтовавшаяся река и, перекатившись, наполнила двор льдом и студеной влагой. Люди омылись с головы до ног и принимали естественный свой цвет... Земля тряслась, содрогаясь конвульсивно.

— Мир! — проорал Николка, и его все поняли перед лицом взбеленившихся стихий. Смешались вместе омытые враги, опустив оружие.

Новый приступ реки под громоуханье небесного барабана снес со стены верхний ряд кладки. Вода пробралась к животным. Животные подняли переполох и, если до сих пор они только кричали в смертной тоске, теперь стали биться и ломать загоны.

— Животных в пещеру! — крикнул Николка. Исполнять его приказание бросились все, даже желтокожие. Куры, сайги, свиньи, коровы, собаки, — забарахтались в красных и желтых руках.

Под напором грозных волн распаталась каменная ограда, подземный толчок взбросил глыбы в воздух, — стена рассыпалась до основания. Грохнулась домна, перевернувшись на оси. Раскаты грома слились в непрерывный гул. Небо клубило черным дымом; меж клочьями дыма безостановочно сверкали молнии. Спустилась ночь, но было светло, как при электричестве.

— Веселей! Веселей! Веселей! — кричал Николка, бодря и своих, и чужих.

Из рук в руки по длинной живой цепи передавались животные, передавались раненые. Остатки великой орды желтокожих и остатки арийцев — все, кроме охотников, уже укрылись в пещере. По двору свободно гуляли валы. Тряслась земля, ухало под ногами, грохотало вверх. Мастоодонт серой глыбой привалился к обрыву, стонал и ныл в обиду, что на него никто не обращает внимания. Убедившись, наконец, что людям не до него, он умчался вверх по обрыву. Больше его не видели...

Когда последний цыпленок, распищавшийся, как перед смертью, тощий и обледенелый, был пойман в полуразрушенном курятнике, Николка — сам тощий и оледенелый, как цыпленок — поместившись у входа в пещеру, считая, стал пропускать охотников внутрь. Он насчитал 16 человек арийцев и моглей — 80... Вместо 200 — 80!.. Николка знал, что у моглей много погибло также стариков, женщин и детей: одни пали в битве, других — раненых — унесла река.

«Дорогой ценой куплен наш мир», — печально подумал он.

В пещере стонали и охали. Вакхический разгул стихий сюда доходил слабо, лишь стены дрожали и трескались от глухих подземных ударов. Скальпель при свете масляной лампы делал перевязку за перевязкой. Там, куда он подходил, усиливались причитания и стоны.

От нечеловеческой усталости, от тепла и духоты Николку сразу разморило; лезли на щеки свинцовые веки, песок сыпался перед глазами, в голове стоял дурман. Он приткнулся где-то в углу и уже собирался отдать измученное тело целителю-сну, как вскочил, вдруг пораженный подсознательной мыслью:

— Почему в пещере так свободно? Где могли?.. Он не видел моглей. Куда девал их Скальпель? Не выпустил ли в лес через второй выход?

С этими вопросами — охрипший и возбужденный — он наскочил на Скальпеля.

Скальпель выпрямился и сурово сверкнул глазами.

— Друг мой! — ледяным тоном сказал он. — Умерьте ваши нероновские порывы. Могли — во второй, соседней с нашей, пещере, а в третьей — животные. Пока вы странствовали неизвестно где, производя свои политические эксперименты и осуществляя тем властолюбивые свои мечтания, я открыл эти две пещеры и благоустроил их более или менее.

Не обратив внимания на вызывающий тон медика, Николка бросился проверять его слова. Действительно, рядом с основной пещерой он нашел еще две, соединенные друг с другом и с первой короткими коридорами. Одна была грандиозных размеров, там поместились все могли — около 200 человек; другая свободно вмещала в себе животных. В обеих пещерах стояли печи, около печей хлопотали старики арийя.

Могли не спали. Тусклый огонек масляной лампы освещал их понурые фигуры — фигуры бойцов, принявших поражение. Орда расположилась вокруг стариков, старики тихо и проникновенно говорили, остальные слушали их или не слушали, но во всяком случае глядели широко открытыми глазами — глядели на маленький огонек светильни, чудесным образом разогнавший ночную темь.

Пересиливая гнетущую слабость в мышцах и голове, Николка подошел к беседующим. При его приближении еще более согнулись спины и замолкла речь.

«Изображают из себя казанских сирот, — возмутился Николка. — Радоваться должны, что живыми остались и сидят в тепле...»

— Здравствуйте, храбрые воины! — приветствовал он их радушно, без всякой иронии, и, не надеясь, что его поймут, повторил приветствие в жестах. Однако его поняли и без жестикуляций.

— Пусть живет долго отважный вождь красных великанов, — отвечал ему своеобразным жаргоном шамкающий старец, одетый в шкуру махайродуса. Говор моглей очень мало отличался от арийского — то были два наречия одного языка.

Не дожидаясь приглашения, опустился Николка на землю рядом с шамкающим старцем.

— Могли — гости арийцев, — сказал он, — если могли хотят кушать, Къколя — вожак арийя — даст им мяса, сколько они хотят.

Старик отвечал:

— Человек с четырьмя глазами — отец Къколи — дал нам много мяса и плодов. Могли сыты. Четырехглазый человек сказал, что он тоже вожак арийя. У арийя два вожака?

— У арийя два вожака, — немного подумав, согласился Николка.

— Один для мира, другой — для войны? — продолжал допытываться старец в то время, как сверстники его гудели одобрительно.

— Так! — коротко отвечал Николка, совершенно не расположенный к дискуссии в данный момент: его глаза слипались, голова с большим трудом удерживала равновесие на плечах.

Старик превосходно видел это, но с прежней настойчивостью ставил вопросы.

— Вожак мирной жизни — главный вождь? Вожак войны подчиняется ему?

— Никто никому не подчиняется, — отвечал Николка с раздражением. Ему стало ясно, что старик поет с чужого голоса. Бросив косой взгляд на арийца, с деланным равнодушием хлопотавшего возле печки, он объяснил:

— Мирные дела у арийцев решаются сообща — всей ордой, всеми достигшими совершеннолетия. Дела мелкие, повседневные — советом из пяти, избранным на общем собрании орды...

Собственно говоря, это была только программа, которой надлежало быть проведенной в жизнь, но которая полностью еще не была проведена за недостатком времени, за головокружительным бегом событий.

Старик раздумчиво повторил декларацию Николки, потом вдруг спросил:

— Могли — пленники или гости арийя?

— Могли будут жить с арийя, как братья с братьями, — отвечал Николка, не понимая еще, куда клонит плиоценовый дипломат. А тот продолжал:

— Могли не могут быть братьями арийя: они разной крови.

В этой области Николка был достаточно наштудирован и сбить его оказалось не так-то легко.

— Могли — братья арийя, как леопард брат пантеры, — сказал он. — Они имеют общий язык, они произошли от одного предка — от животных, они долгое время жили вместе, потом разошлись и стали непохожими друг на друга.

— Вожак арийя говорит правду, — неожиданно даже для себя согласился старик, убежденный силой исторического аргумента; потом помолчал, отыскивая ускользнувшую мысль, и, найдя ее, заговорил с решимостью критической минуты: — Пусть могли — братья арийя. Пусть могли будут жить с мудрыми и сильными арийя. Но у моглей — иные порядки. Как свободным братьям, им оставят их порядки?

Вот оно что! Старички беспокоятся за свою власть! Конечно, кто-то их, как говорится, нашарахал. Кто? — В данную минуту это не важно. Важно: что ответить, чтобы старики не забили тревогу и не уволокли своей орды этой ночью, пока «вредные» идеи не проникли в мозги молодых охотников. Сильный подземный удар, от которого дождем посыпались со сводов пещеры звонкие сталактиты, дал Николке время придумать осторожный ответ.

— Пускай могли живут, как им хочется, — сказал он. — Къколя и никто из арийя не будут вмешиваться в их порядки и обычаи. Пусть старики только разрешат ему научить молодежь новым приемам охоты, выделке новых орудий, постройке пещер и другим полезным знаниям...

Николка ждал ответа, разглядывая мужественные лица охотников, сидевших вокруг стариков; эти лица были бесстрастны — пожалуй, тупы: или их не интересовал разговор, или они хорошо умели владеть своей мимикой.

Хитрый плиоценовый дипломат был также хорошим экономистом. Он знал ту несложную истину, что революции в орудиях производства влекут за собой революцию в сознании людей, только формулировал ее иначе: новые знания порвут зависимость охотников от стариков, в стариках перестанут нуждаться; значит, прощай старикинская власть... Лукаво покачав головой, он дал мудрый ответ:

— Пускай Къколя учит всему стариков. Старики сами станут учить свою молодежь. Молодежь скорей поймет их, чем чужака-арийца.

Хорошая голова у этого старика! Несмотря на дурман в мозгах, Николка отлично понял его: ясное дело, из полученных стариками знаний к молодежи попадет только та часть, которая не уничтожит прежней их зависимости, а оставшаяся часть еще более упрочит старую власть. Молодец, старикашка! Хорошо придумал! Но он, очевидно, не знает, что, кроме производственного фактора революционизирования, существует еще идеологический фактор — так называемая «красная зараза»: молодежь моглей, будучи в постоянном и тесном общении с молодежью арийя, без сомнения, заразится от последней ее духом, проникнется ее независимостью и, кроме того, многое из технических нововведений переймет от нее, минуя стариков.

Николка быстро согласился с поправкой неискушенного дипломата и поклялся, как тот потребовал, прахом его и своих предков, что вожак Къколя, во-первых, не будет вмешиваться в распорядки и обычаи моглей и, во-вторых, все знания, которые он хотел передать охотникам, он передаст, ничего не утаивая, старикам.

Спать! Спать!.. Шатаясь от головокружения и от непреставаемого сотрясения почвы, дотащился Николка до своего ложа, буркнул что-то медику, официально поинтересовавшемуся его здоровьем, и, едва только коснулся тяжелой головой кожаной подушки, сразу перестал слышать и гул взбудораженной земли, и шторм волн о скалы, и стенания раненых.

— Вот я и говорю, — на следующее утро, когда солнце сквозь кирпично-красную атмосферу багряным светом озаряло искореженную землю, говорил Николке медик, почему-то не глядя ему в глаза, — плиоценовый период — период великих катастроф. По изысканиям геологов, как раз в плиоцене имели место грандиозные перемены по лицу земли. О Гондване я вам уже говорил. Гондвану оставим в стороне. Речь идет о Черном и Каспийском морях: в плиоцене образовались эти два моря, поделенные выдвинувшимся между ними мощным Кавказским хребтом. Эта великая метаморфоза могла произойти в результате двух, не прекращающих свое действие и в XX веке, процессов. Известно, с одной стороны, что наша планета — Земля — постоянно, из года в год, из века в век остывает — такова участь всех планет; с другой, — что воды океанов и морей постепенно просачиваются через донные породы все глубже и глубже. В результате первого явления (остывания) сморщиваются верхние пласты Земли, образуются складки — горы и впадины — моря и океаны. В результате второго явления (просачивания) вода доходит до глубоких поддонных пород, еще не знакомых с ней и поэтому действующих, как сильное взрывчатое — по аналогии действия негашеной, т.е. безводной извести при соединении с водой. В нашем случае, по всей вероятности, имели место оба эти явления. Мы слышали и взрывы, и подземные толчки, и землетрясение и теперь видим кое-что из последствий совершившейся катастрофы, подтверждающих смешанный характер ее причин. Вот так-то!.. — круто оборвал медик и, не давая времени на вопросы, поспешно отошел.

Николка слишком озабочен был этим «кое-чем» из последствий катастрофы, чтобы замечать странное поведение

ученого друга. Прослушав его лекцию, в качестве утренней напутственной молитвы, он тотчас отправился в сопровождении своего штаба осматривать разрушения.

Прежде всего — что первым бросалось в глаза, — ушла река. Перед пещерой, на расстоянии в 1/4 километра, теперь лежал широкий и глубокий овраг с отлогими краями, на дне которого узкой сравнительно полосой сверкала безбрежная некогда Волга. Многочисленные лужи и озерца, кишевшие рыбой, окружали ее с обеих сторон. Кучи песка, камней и растений: водорослей, камыша и осоки — от начала оврага тянулись до самого обрыва. Пространство перед пещерой, бывшее двором, покрылось трехметровым слоем ила, этот слой подходил к самому входу в пещеру; кое-где из него торчали крыши построек...

С морем тоже вышла передвижка. Вырк — разведчик-любитель, — слетав на коне к тому месту, от которого начиналась соленая вода, доложил, что «море сбежало»; вместо необозримой водной поверхности с веселыми барашками на гребнях волн он увидел нагромождение скал, горы песка, топкие болота и озерца, озерца без конца...

Всюду — на почве, на скалах и на деревьях — махровой ржавчиной лежал вулканический пепел. Он же был взвешен высоко в атмосфере, делая ее кирпично-красной. Где-то, далеко на юге, всю ночь работали подземные силы, из недр земли извергая огонь, пепел и лаву; в меньшей интенсивности работали они и посейчас. За ночь земля выбросила на поверхность громадные количества тепла; небо, укрытое красным одеялом, не пропускало его в свои морозные высоты: снег, льды исчезли без следа, воздух жег влажным зноем. Особенно парило вблизи пещеры, — там из скалы бил теперь клокочущий гейзер — готовый кипяток...

Николка быстро подытожил отрицательные и положительные стороны нового положения. В число первых входило: разрушение построек и водопровода, почти полное уничтожение запасов корма для животных и бегство реки. Резкое повышение температуры, гейзер, дающий надежду на использование его во многих отношениях, масса рыбы в озерцах, плодородный слой ила, раскинувшийся на сотни

гектаров, — все это составляло положительные стороны разразившейся катастрофы. Николка оценил все и в уме выработал программу действий: 1) восстановить постройки, очистив их от ила; 2) возле гейзера выкопать бассейн и провести из него водопровод; 3) запастись, как следует, рыбой, благо позволяют обстоятельства; 4) восполнить запасы для животных; 5) засеять кормовыми травами близлежащие пространства плодородного ила и 6) самое главное, чего до сих пор не допускали обстоятельства, — созвать общее собрание орды и избрать на нем заведующего коммуной и его помощников. По пункту пятому — относительно посева — требовалось компетентное суждение медика. Николка отправился за ним.

Скальпель находился во второй пещере — среди стариков моглей; их молодежь ушла на охоту: мужчины — в лес за мясом, женщины и дети — на берег реки, за рыбой, ракушками, за съедобными корнями и растениями. Появление Николки вызвало замешательство среди внимательных слушателей Скальпеля и оборвало его плавную речь.

— Вы — что? Вы — ко мне? — засуетился он, подчеркивая тем свое и общее замешательство.

— ...и могли должны отделиться... — звучала в ушах Николки только что оборванная фраза. Какой смысл кроется в этих словах? О чем говорил Скальпель со стариками? От кого должны отделиться могли?

— Да, я к вам, — отвечал Николка, строго-внимательно рассматривая смущенную физиономию своего друга. — Мне нужно знать виды на погоду и затем — пригласить вас на общее собрание коммунаров.

— Виды на погоду? Виды на погоду? Общее собрание? — зататорил медик, стараясь оправиться. — Зачем вам виды на погоду?

— Я хочу знать: можно ли в настоящее время производить посев?

— О, смело, смело!.. Зима — тью-тью. Зимы больше не будет. В природе — громадный переворот — революция, хм!..

— Почему «хм»?

— Не почему. Просто так: в горле запершило...

— Ааа! Ну, идемте на собрание!..
— Собрание, — по поводу чего?
— По поводу предстоящих работ и выборов правления коммуны.

— О-о, это очень важно... хм...

«Скальпелище сильно начинает дурить», — взял на заметку Николка.

Коммунары, вытащив на воздух все табуретки и скамьи, расселись чинно — в первых рядах старики и инвалиды, за ними женщины и охотники — подле шумящего гейзера. С кислой улыбкой выбрал себе Скальпель место в самом заднем ряду.

— Товарищи, собрание — открыто!.. — с большим подъемом провозгласил Николка, заняв место за столом президиума и чувствуя себя, словно на заседании ячейки Эрэлкаэсэм в далеком XX веке. Он объявил повестку, которую надлежало обсудить, разработать и утвердить, сознательно поставив главный вопрос — о выборах — на последнюю очередь. Этот вопрос имел агитационное значение, и поэтому было необходимо, чтобы при дебатировании его присутствовала молодежь моглей.

— Слова! Прошу слова! — тотчас выкрикнул Скальпель из гущи стариков моглей, с любопытством обступивших место заседания.

— Ффель может говорить, — разрешил Николка.

— Я предлагаю избрать председателя на данное собрание.

Николка усмехнулся, разгадав тайную мысль медика, и перевел на общедоступный язык его предложение.

— Прошу называть имена тех, кого собрание хочет видеть на председательском месте, — добавил он.

— Къколя! Къколя! Ффель! Къколя! Ффель!.. — посыпалось со всех сторон.

— Кто за Къколю, прошу поднять руки.

Вся молодежь и часть инвалидов дружно взбросили вверх — каждый по две руки.

Николка пересчитал и объявил:

— За Къколю 26 голосов. Кто за Ффеля?

Лес рук поднялся к небу, и посреди них маячила торжествующая физиономия Скальпеля.

Николка рассмеялся и пояснил:

— Старики-могли не должны поднимать руки. Старики-могли не пожелали слиться в одну орду с арийцами. Пусть они опустят руки.

— Это неправильно! — крикнул Скальпель. — Что значит, не пожелали слиться, когда на самом деле они живут вместе с нами!..

— У моглей другие порядки, — спокойно возразил Николка словами старца, одетого в шкуру махайродуса. — Могли живут вместе с нами, но управляют они своими законами. Если старики-могли желают жить с нами по общим законам, пускай скажут сейчас это.

Скальпель не нашелся, что ответить. Выступил старец, одетый в шкуру махайродуса.

— Урви-джа, — сказал он, — хочет знать, что требуется для полного слияния моглей с арийцами?

— Если Урви-джа — тот старец, который сейчас говорит, — отвечал Николка, — то он знает, что требуется... Требуется установление равноправия во всем между стариками и молодыми.

— Урви-джа не согласен, — поспешил отказаться старец. — Пусть могли опустят руки.

На стороне Ффеля осталось всего 16 голосов; председателем собрания был избран Николка, но Ффель не сдавался.

— Прошу слова, — снова заявил он и, заметив негодующий жест председателя, добавил твердо: — В порядке обсуждения повестки.

Получив слово, он внес новое предложение: вопрос о выборе администрации должен быть поставлен на самую первую очередь, так как вопрос этот — самый важный и им более всех других интересуется собрание. Нужно было еще присовокупить, что выборы имеют большое значение, и поэтому их необходимо закончить в отсутствие молодежи моглей.

Такого добавления медик не сделал, но по его лицу и по лицам стариков ясно чувствовалось, что планы председа-

ля разгаданы.

«Мы еще поборемся», — сказал себе Николка, отмечая с досадой, что все его друзья на этот раз выразили явное сочувствие предложению медика, не понимая его подоплеку.

— Прошу голосовать, — потребовал Скальпель, видя колебание фабзавука.

— Прошу меня не учить! — огрызнулся тот. — И без решения не говорить... Прежде чем голосовать, надо объяснить, почему выборы я поставил в конец повестки.

— Нечего там объяснять, — прервал его Скальпель. — Голосовать, и баста!..

— Ффель будет лишен слова, если не замолчит! — прервал взбешенный Николка.

— Ладно, молчу. Объясняйте... хм!..

— Мы собираемся вместе, всей ордой, в первый раз, — говорил Николка. — Для того, чтобы выбрать в правление коммуны подходящего человека, нужно его хорошо знать. Мы — охотники и Къколя — знаем друг друга хорошо, но старики и охотники знают друг друга мало. Они знают друг друга только в обстановке самой простой жизни. Наша жизнь очень сложна. У нас — прирученные животные, водопровод, постройки, запасы мяса и корма. У нас новое оружие и разные машины. Всего этого в старой орде у арийя не было. Все это охотники делали без стариков, и мы не знаем, как отнесутся к нам старики и как поймут они наши нововведения. Вот почему сначала нужно разобрать всю программу, а затем выбирать в правление. Когда мы будем говорить по программе о текущих делах, станет ясно, кто и из стариков способен быть членом правления; охотники узнают стариков, старики — охотников...

Оппозиция Скальпеля во второй раз была сломлена: все инвалиды и молодежь целиком — голосовали против его предложения.

Стали обсуждать повестку дня в том виде, как ее предложил Николка. В прениях более всех выделялись своими мудрыми советами — Айюс-старик, Мъмэм-вождь и, конечно, рвущийся из кожи вон Скальпель. Последний резко изме-

нил характер своих выступлений: во всем поддакивал Николке, старался заслужить расположение молодежи и не потерять доверия старых. Из женщин только одна словоохотливая Уша осмелилась давать свои советы, остальные — и старухи в том числе — робко молчали.

Председатель настолько искусно вел собрание, что сумел окончить разбор всех пяти пунктов повестки как раз к моменту возвращения с охоты молодежи моглей. Оставался шестой пункт — самый животрепещущий. Чтобы ввести в курс заседания всех новоприбывших (иначе не было смысла воевать со Скальпелем), Николка более чем пространно изложил суть последнего вопроса и в заключение сказал:

— Мы должны избрать из своей орды пять человек — безразлично: старика ли, молодого или женщину, лишь бы они заслуживали нашего доверия и были бы способными к усердной работе. Эти пять человек сами выберут из себя главного, который будет считаться начальником коммуны; остальные четверо будут начальниками каждый в своей области: один над охотой, другой над двором, третий над запасами и т.д. Важные дела они решают сообща. Еще более важные — на общем собрании орды. Все пять человек избираются на срок в один год. По прошествии этого срока назначаются новые выборы... Пусть собрание называет имена тех, кого оно хочет иметь в правлении.

— Можно сказать? — раздался вдруг робкий голос из среды моглей. То был молодой охотник, побывавший в плену у арийцев.

Николка давно ждал этого вопроса и отвечал с удовольствием:

— Пусть охотник моглей говорит.

— Он не имеет права! — крикнул Скальпель, и, как расстроенные шмели, загудели старики-могли:

— Пусть охотник молчит. Пусть Трэпе молчит. Не его дело — говорить. Кьколя не должен давать ему слова...

Николка пожелал быть лояльным по отношению к слову, которое дал старцу в шкуре махайродуса, и он согласился:

— Къколя не имеет права разрешать молодому Трэпе говорить. Къколя должен спросить об этом собрание; если оно разрешит — не его дело. — И, не дожидаясь возражений, он обратился к собранию: — Желают ли коммунары выслушать бесстрашного охотника Трэпе?

Привыкшая за время заседаний выражать свое мнение единодушно, молодежь арийя, как один, подняла руки и хором заявила:

— Охотники желают.

К ним присоединились инвалиды.

Трэпе, спотыкаясь на словах и робея, стал говорить. Он хочет только спросить: должны ли и могли, в частности — охотники, называть имена тех, которых они желают видеть в начальниках коммуны.

Первым заорал неистово и нечленораздельно старец в шкуре махайродуса, за ним — вся седобородая свора. Орал также Скальпель, сверкая во все стороны очками.

— Гм, обструкция,— ухмыльнулся Николка и взял к плечу винтовку, которую он предусмотрительно захватил с собой. Винтовка не была заряжена, да и нечем было ее заряжать — но подействовала она великолепно: обструкция оборвалась в один момент.

Когда воцарилась тишина, поднялся из рядов охотников возмущенный Мъмэм.

— Почему Къколя не пристрелил ни одного ревающего старца? — задал он гневный вопрос. — Могли имеют свои порядки, у нас — свои порядки. По нашим порядкам на собрании реветь нельзя. Пусть старики-могли устроят себе свое собрание и там ревут, сколько влезет...

— Кто дал Мъмэму слово? — строго спросил Николка, и, когда смущенный охотник замолчал, он предложил ему дать ответ Трэпе.

Мъмэм, просияв, снова поднялся.

— Арийя, — сказал он, обращаясь в сторону желтокожих охотников, — арийя живут по «новому слову». У арийя — все равны: и старики, и женщины, и охотники. Къколя предлагал старикам-моглям установить у себя такие же порядки, — старики отказались. Но если молодежь моглей хотят

жить по новым порядкам, пусть скажут. Арийя примут их, как братьев. Арийя примут всех, кто согласится с ними: и стариков, и женщин, и охотников, и детей. Арийя никогда не голодают, не знают стужи и не боятся никого. Мъмэм сказал, пусть отвечают наши желтокожие братья...

Слово сказано. Яркая искра брошена в огнеопасную массу. Онемели старцы-могли, выпучив глаза: молодежь стала покидать их ряды...

— Это свинство! — взвизгнул Скальпель, обращая пылающее лицо к Николке. — Вы второй раз прибегаете к подлому обману. Вы обещали мне не вмешиваться в распорядки плиоценщиков... вы...

Николка проорал в ответ, заглушая вспыхнувший мятеж:

— Я обещал не вмешиваться в семейные отношения! Не клеветайте! Я никого не разводил и никого не женил! Я не отнимал детей от матерей!.. «Семейные» отношения не тронуты!..

— Игра слов! — ревел Скальпель. — Подлый обман!.. Вы дали слово старику Урви-джа оставить моглей в покое, не трогать их своими дурацкими затеями!..

— Я их не трогал! — проорал Николка. — Я вел себя лояльно!

Собрание пошло насмарку. Забыли о Николкиной винтовке. Вопили все... Ребята — желтокожие и краснокожие — сцепились в потасовке. Тщетно Николка призывал к порядку, барабания прикладом по столу. Каждый слушал самого себя... охотники арийя положили руки на топоры и ждали только сигнала. Собрание могло окончиться кровопролитием.

— Ти-ше! Слу-шай-те!.. — Председатель всю свою энергию вложил в этот зык; стол под ударами приклада разлетелся в щепы...

Никакого впечатления. Глотки красных и желтых великанов ревели, как иерихонские трубы. Еще секунда, и общее возбуждение перейдет в жестокую поножовщину.

Вдруг в один миг и на один миг исступленное буйство куда-то провалилось. Весь плиоцен провалился.. Николка перестал видеть разъяренные лица и груды мышц, содрога-

шихся в непреодолимом желании драться. Перестал слышать крики и ругань. Мертвая тишина закупорила ему уши. Где-то глубоко под черепной коробкой дзикнула и задрожала серебряная искорка.. Николка увидел себя в своей комнате вблизи завода, на кровати, и над собой — очки Скальпеля; под очками горели лаской и тревогой серые добродушные глаза.

— Батенька мой, никак вы очнулись?.. — начал Скальпель.

— Ерунда! — крикнул Николка. — Знаю, что я был ранен в голову. Это — бред. Это кошмар... — И могучим усилием воли он стряхнул с себя роковое забытие, погасил в мозгу коварную искорку, дразнящую серебристым звоном...

...Две орды, поделившиеся на классы, готовились к драке. Ученый медик в растрепанных чувствах — взъерошенный — метался среди стариков, успокаивая и уговаривая их.

— Надо действовать.

Николка прорвался сквозь беснующуюся толпу к Скальпелю и, улыбаясь (надо было улыбаться!), крикнул ему в ухо:

— Идемте на председательское место, оттуда будем говорить. Нельзя же допускать кровопролития.

Скальпель с живостью согласился.

Когда две фигуры, представляющие два разных лагеря, появились вместе у стола, гвалт и ругань понемногу стихли и ребят разняли.

— Друзья, — сказал Скальпель, волнуясь и в волнении не замечая, что его очки болтаются на одном ухе, без выполнения своих функций. — Друзья, вот что я предлагаю. Пусть те, кто согласен со мною и со стариками-моглями, отойдут в одну сторону, кто не согласен, а следовательно, согласен, с Къколей, — в другую.

Немедленно образовалось два течения. Николка и Скальпель следили за ними с большим волнением. Когда течения прекратились, оба они облегченно вздохнули: враждующие поделились приблизительно поровну. К Скальпелю отошли все старики — и могли, и арийя, часть молодежи моглей, часть женщин, преимущественно пожилых, и часть

инвалидов. К Николке — весь его красный штаб, все инвалиды арийя, большая часть охотников моглей, много молодых женщин и четыре краснокожих старухи... Ребята коммунаров решительно остались при Николке, ребята моглей поделились поровну.

Скальпель торжествующе и растроганно вместе с тем протянул руку Николке.

— Друг мой, — сказал он, — будем жить каждый по- своему. До свиданья, до свиданья, или, может быть, прощайте...

После этого он подошел к своей группе и обратился к ней с короткой речью:

— Друзья! Мы найдем себе новое место для жилища и охоты, мы построим и приобретем все то, что здесь построено и приобретено, и мы будем жить не хуже арийцев. Но мы будем жить по «старому слову» моглей. У нас в чистоте останутся те порядки, которые завещали нам наши предки, ибо только эти одни порядки — истинны... Идемте смело, друзья!..

Скальпель решительно зашагал к югу, за ним стала вытягиваться в походную цепь вся орда. В хвосте ее застряли неприкаянными старики-арийцы.

Николка был до того огорошен, что в первые минуты не знал, как реагировать. Столь решительного и опрометчивого поступка нельзя было ожидать от Скальпеля. Ведь, как-никак, они единственные культурные люди в этом диком плиоцене, затерявшемся в веренице седых веков. Им бы думать только о дружной совместной работе, о беззаветной взаимной помощи на благо первобытного человечества, а не о ссоре и, тем менее, о разрыве. Это же дико. Кошмарно...

— Доктор! Доктор! — Но уже хвост длинной цепи исчезал за поворотом. Николка махнул рукой и решил продолжать заседание.

Когда он, сломленный неудачей, заняв место у полуманного стола, призывал дикарей к порядку, среди них вспыхнул иронический смешок, и головы всех повернулись к югу. Из-за поворота показался оторвавшийся хвост,

хвост держал направление в обратную, недалекую дорогу — к пещере. Впереди шел Айюс, имея далеко не заносчивый вид, сзади остальные старики-арийцы и пара дряхлых моглей...

Николка обрел утраченную бодрость. Он в корне подавил иронический смешок и энергично предложил называть имена кандидатов.

Подошедшие старики нашли заседание в полном разгаре. Воспользовавшись паузой, Айюс попросил слова. Николка дал.

— Старики арийя и два могля, — сказал Айюс, — проводили своих дорогих братьев и гостей. Теперь они вернулись и хотят участвовать в выборах. Пусть охотники, инвалиды, женщины и Къколя не думают, что старики хотели от них уйти... У маленького Къколи — большая голова, и голова эта лучше работает, чем у Ффеля, человека с четырьмя глазами. Ффель горяч, но не тверд: Къколя — горяч и тверд. Старики это видят прекрасно. Они будут работать наравне со всеми.

Седобородый хитрец, проживший 150 зим, до конца выдержал тон и вошел в новую орду с ясными, открытыми глазами и с личиной ничем не опороченного.

Новая жизнь в пещерной коммуне. — Николка скучает без Скальпеля и беспокоится ввиду дурного поведения природы. — Гонец от Скальпеля. — Письмо. — Скальпель нашел средство для переселения в XX век. — В ожидании «всемирного потопа». — Постройка плотов. — Наводнение. — По мутным волнам. — Водоворот. — Гигантский водопад. — Море. — Земной рай. — Скальпель мертв, да здравствует Скальпель! — Конец.

Новая жизнь забила ключом. Сначала Николке приходилось частенько подкручивать машину, подвинчивать гайки, регулировать ход; по-прежнему приходилось смотреть в оба и смотреть за всех. Плиоценщики большими административными способностями не выдавались и не привыкли заботиться о завтрашнем дне. Исключение составляла краснокожая молодежь, уже имевшая в этом некоторый опыт. Но затем, по прошествии двух-трех недель, знакомство с новыми способами производства резко подхлестнуло сознание и остальных дикарей. Большой досуг, остававшийся в результате разумного разделения труда и целесообразного использования громадных богатств первобытной природы, вскоре позволил коммунарам думать не только о материальных запросах, но и о духовных. Николка начал помышлять об упреждении еще одной административной должности в коммуне — должности плиоценового Наркомпроса.

Пока существовало пять должностей и соответственно — пять «комиссаров». Выборы дали такие результаты. Были избраны: Николка — единогласно — от всей объединившейся орды; Мъмэм, как представитель краснокожей молодежи; Айюс — от стариков; Трэпе — от молодежи мogleй; Уша — от красных и желтых женщин. Каждый член правления получил в свое заведование определенную область жизни коммунаров. Николка же был общим руководителем и воспитателем ребят.

Организатор коммуны имел полное право гордиться делом рук своих и находиться в безмятежном спокойствии. Все шло, как по маслу. Коммунистические навыки дикарей, направленные в новое культурное русло, расцвели пышным цветом, и можно было надеяться, что через год, а то и меньше, всякий элемент принуждения в коммуне станет излишним... Социалистическое общество!..

Попадались, правда, отдельные шероховатости и неровности на организационном пути, но они быстро ликвидировались, и общее направление жизни указывало на постоянный, интенсивный прогресс плиоценщиков, прогресс — отнюдь не временный, не реактивный, после которого, по предсказанию медика, должны были бы наступить отупление и вырождение. Не оставалось и тени сомнения, что ученый медик оба свои пари проиграл.

Наконец-таки осуществил Николка давнишнюю свою мечту — построить динамо. Теперь вся его техника стояла на электричестве; последнее-то и дало возможность сократить до 4-5 часов рабочий день и отвоеванное время употребить на расширение и углубление учебы. Николка горячо благодарил самого себя за то, что время, проведенное им в XX веке, не пропадало даром; он умел читать и умел хорошо работать; знания, упорно приобретаемые им, теперьгодились.

Да! Организатор коммуны имел полное право гордиться делом рук своих и имел право пребывать в безмятежном спокойствии. И он гордился, но спокойствия не имел. Беспокоила его, прежде всего, судьба сумасброда медика — ни слуху ни духу о нем не доходило. Неужели Скальпель решил прервать всякие сношения? Кажется, это не входило в программу его действий. Коммунары могли быть полезными во многих отношениях второй орде, так же, как и та коммунарам. Николка был уверен, что Скальпель даст своеобразное направление жизни и деятельности моглей; техника, конечно, у них будет хромать, зато, вероятно, быстро народится большой кадр плиоценовых врачей и гигиенистов. Пещерная коммуна нуждалась в медицине. Колдун Тьма являлся единственным в этой отрасли, но он во вре-

мя лечения прибегал к заклинанию и вызовам духов, что ему строго-настрого запрещалось. Без заклинаний же средства краснокожего врача не оказывали целебного действия. Очевидно, все дело заключалось в гипнозе. Николка ничего бы не имел против приобретения одного-двух врачей на свою коммуну.

Но беспокойство его о судьбе медика крылось не в этом. Он просто болел душой за своего опрометчивого друга; боялся, что тот по вине своей интеллигентской мягкотелости пропадет ни за грош ломаный — может быть, свихнется с ума... Кроме того, он боялся и за себя. Боялся одичать и опуститься. Не с кем было поговорить, поделиться своими соображениями и планами — проще говоря, не с кем было душу отвести. Ведь между ним и его коммунарами все-таки стояли миллионылетия.

Другой стимул к острому беспокойству лежал в состоянии погоды: изо дня в день, не переставая, доносились глухие удары разгневанных сил, бесновавшихся на юге, и эти удары с каждым днем будто становились явственней и явственней, будто шли в победном шествии с неумолимой настойчивостью дальше и дальше на север. И другое: небеса все более и более разбухали кровавым месивом, часто падали кровавые ливни, грозно повышалась температура атмосферы. Был бы здесь Скальпель, он бы, пожалуй, объяснил эти явления и, может быть, сумел бы предвидеть их разрешение.

Черт его разберет, этот плиоцен! Почему ученые неходят в земле человеческих костей, приуроченных к этому периоду? Николка не без глаз, он видит, что плиоцен населен — и не десятками индивидуумов, а добрыми сотнями. Должны же от этих индивидов остаться кости в свидетельстве их существования! Может быть, что-то страшное, гигантское — как и все в этом веке гигантов — уничтожало их до тла, обратило в прах, развеяло по ветру? И не ожидает ли коммунаров такая же участь? И не удрал ли Скальпель за благовременно вместе со всей своей ордой, предвидя наступление какой-нибудь гигантской катастрофы?..

Николку мучили все эти вопросы и не давали ему душевного покоя.

Однажды, когда отяжелевшее небо уже в продолжение трех дней разрешалось проливными дождями, отчего Волга вышла из берегов, заняла старое русло и стала подкатывать буро-ржавые валы к подножью пещеры, он собрал всю коммуну и попытался изложить перед нею беспокоившие его мысли.

Айюс — комиссар над двором и животными — ближе всех подошел к тревогам начальника коммуны.

— Животные,— сказал он,— сильно беспокойны. Они чувт беду. Айюс давно хотел сказать об этом, но он думал, что Къколя сам имеет хорошие глаза и обо всем позаботится.

— Какая беда? Что думает Айюс о беде? — заволновался Николка, обрадованный, что он не в одиночестве со своими тревогами.

— Айюс много жил, — отвечал старик, уважавший свое преклоннолетие и никогда не упускавший случая покинуться этим. — Айюс много видел и много помнит. Сто зим прошло с тех пор, как небо было такое же красное и земля так же рокотала. После этого — Айюс хорошо помнит — шли долгие дожди, реки поднялись к небу, и многие тогда нашли свою смерть.

Николка вскочил в волнении.

— Надо уходить из этих пещер! Надо переселяться в новую местность! Подальше от реки, подальше на север!..

Громкий лай собак, стук в дверь, и в пещеру влетел, преследуемый Керзоном, истощенный, израненный, оборванный и грязный дикарь — желтокожий. Он не был из орды коммунаров.

Сделав несколько шагов, дикарь свалился на пол в полном изнеможении. Его подняли и перенесли на кровать; женщины влили ему в рот крепкого бульона, от него он тотчас же заснул вопреки ожидаемому эффекту.

Заинтригованный странным визитом, Николка стал всматриваться в лохмотья, прикрывавшие исхудалое тело гостя. На груди у него была привешена сумка, из сумки тор-

чал продолговатый четырехугольный предмет, тщательно завернутый в мочало и лыко. Николка счел себя вправе завладеть этим предметом и осторожно развернуть его. Под слоем лыка и мочала находились две тонкие дощечки из крепкого белого дерева; с внутренней стороны они были исписаны неровным скальпельским почерком...

— Скальпель изобрел чернила... — мелькнула первая, немного завистливая мысль у Николки. — Но что он пишет — этот чудак, пропавший без вести?

Чудак писал:

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЮ,
ГОСПОДИНУ ДИКТАТОРУ
И ЭКСПЕРИМЕНТАТОРУ
НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ ДАНИЛЕНКО.

Дорогой друг (хотя вы — жестокий диктатор и неисправимый экспериментатор, для меня вы остаетесь дорогим другом), спешу вас уведомить по долгу старой дружбы, что через неделю — максимум через две — нас ожидает чудовищной силы наводнение. И сверху и снизу хлынут горы воды. Это — не мое предвидение, это предвидение старых, почетных моглей, и я им верю. Опасаюсь, что вас затанет катастрофа врасплох. Опасаюсь и виню себя за свой поступок. Мне не нужно было отделяться от пещерной «коммуны». Мне следовало остаться с вами и начать медленную, но упорную борьбу с вашими ошибочными воззрениями на природу человечества и на природу общественных отношений. Вы еще молоды, и можно было надеяться, что неумолимые факты переделали бы со временем вашу идеологию на более соответствующую истине. Мне следовало бы остаться и удержать подле вас всех стариков, знаниями и опытом которых пренебрегать в этом суровом времени более чем преступно. Впрочем, я надеюсь, что вы — если не с полным раскаянием, то с некоторой повинной — еще придете ко мне.

Или, быть может, сама судьба столкнет и соединит нас. Тогда будет разговор иной.

Так или иначе вам надлежит срочно принять меры против надвигающейся опасности. В принятии мер не мне вас учить, осмелюсь все-таки предложить соорудить незамедлительно ковчег, наподобие Ноева — в который погрузить себя, жен и детей и все, что вы найдете нужным. Что касается нас (если вас это интересует), то мы уже приняли все меры и можем спокойно ожидать какого угодно библейского потопа.

Очень грущу без вас и — повторяю еще раз — виню себя за свой необдуманный поступок. Сожалею. Однако не теряю надежды — в непродолжительном времени увидеть старого своего друга Николку подле себя, и тем более надеюсь, что средство для *обратного переселения в XX-й век мною снова найдено.*

Остаюсь искренне расположенный к вам
д-р Скальпель.

Плюцен. 223-го дня
по оставлении XX-го века.

Р. S. Гонца Анилю можете оставить у себя. «Аниля» значит «ветерок». И он действительно легкомыслен, как ветерок, так как успел за несколько часов, проведенных вместе с вами, заразиться от вас вашими ошибочными взглядами.

C.

Читая, Николка то краснел, то бледнел, а в конце письма побагровел. Скальпель ударил его по самому больному месту: XX век, — фабрики, — братва, — революция!.. О, как они далеки и как бесконечно дороги! Неужели без медика

к ним возврата нет?.. Подлый человек медик!.. Николка бросил дощечки оземь и принялся без жалости трясти сладко храпевшего гонца:

— Где Ффель? Где Ффель?

Гонец открыл глаза, мутными зрачками отыскал лицо своего мучителя и прохрипел:

— Да-ле-ко.. Там... где... горы...

— Сколько дней шел Аниля? — задал Николка более точный вопрос.

— Пять... шесть... Семь дней. Семь дней...

Да, это далеко. Нет смысла устраивать погоню. Скальпеля не догнать. Не вырвать тайны... И черт с ней, с тайной. Надо думать о предотвращении опасности... Письмо было написано неделю тому назад; для наступления катастрофы Скальпель дал срок максимум две недели. Спасибо: вовремя предупредил! Наводнение может быть завтра — послезавтра...

— Ну, ребята! Нас сто человек, вполне работоспособных. За работу! День и ночь, день и ночь будем валить деревья, пилить, строгать, сколачивать. Что успеем, то успеем. Ковчега не построим — построим четыре плота... Айда!.. Объявляю военное положение.

Николка толково разъяснил коммуне положение вещей. Его энергия заразила весь коллектив. Дети, женщины, инвалиды, старики и охотники высыпали наверх, на обрыв. Каждому нашлось дело, и каждый старался не за страх, а за совесть. Мъмэм руководил охотниками, Айюс — стариками и инвалидами, Уша — женщинами, забияка Луп — ребятами. Николка поспевал везде и подгонял, подгонял, сам делая сразу десяток дел.

Самое трудное — начало. Первый плот вышел неказистым и с большой затратой времени и труда, остальные пошли, как из формовочной мастерской. Днище делали из обтесанных бревен, пригнанных друг к другу и соединенных между собой железными скобами, стены — борта — из горбылей, крышу — из тонких досок. Весь плот представлял собой четырехугольный ящик, закрытый со всех сторон, с несколько покатой крышей. Входные его отверстия закры-

вались плотными дверями; для света и для воздуха служили отверстия в крыше; одно — застекленное (стекла выломали из окон пещер), другое — открытое дымоходное. Под последним находился каменный помост для костра; складывать печи не было времени. Потом, когда Николка задумал соединить ящики-плоты один за другим, в ряд, — были прорублены еще шесть дверей, так, чтобы по мосткам можно было переходить из одного плота в другой, и два окна: одно — в передней, носовой стенке головного плота, другое — в задней, кормовой последнего плота. Здесь же установили носовое и кормовое весла.

На третий день в плоты, поставленные на подмостках и соединенные друг с другом шестивершковыми бревнами и мостками, были погружены животные, запасы корма, продовольствия и дров. Меха, орудия, оружие и вся пещерная утварь тоже нашли себе место там. У коммунаров осталось еще время для того, чтобы сшить сорок кожаных мешков, наполнить их воздухом и поместить по десять штук под каждый плот.

На утро 4-го дня покинула пещеры коммуна. Небо опрокинулось на землю миллиардами ведер горячей воды; река вздулась, разломала двор, снесла все постройки и с лютой яростью принялась грызть обрыв. От непрерывного ливня — среди бела дня стояли вечерние сумерки.

Проснувшись на 5-ое утро, коммунары увидели себя окруженными грязными потоками воды, низвергавшейся с обрыва в близкую-близкую реку.

К полудню их сняло с подмостков, к вечеру носило по гигантским вспененным буграм посреди трупов зверей и вырванных с корнем деревьев. Обрыв исчез, от леса кое-где торчали голые вехи.

На 6-е утро ничего, кроме взбудораженного простора мутных вод, для глаз не существовало. Где кончался этот простор, куда несло упавших духом коммунаров, — никому, даже маленькому Кьколе, имеющему большую голову, известно не было. А несло с чрезвычайно большой скоростью; ветер свистал, гудел и выл мимо плотов, будто они падали

в пропасть. Несло вместе с мутными валами, трупами зверей и вывороченными деревьями.

Все-таки маленький Къколя соображал кое-что, сидя у носового окна на переднем плоту и пытаясь проникнуть взором за серую завесу дождя и пара.

— Летим... Куда, как не в море? По пословице: все в море будет. Не сложилась ли эта пословица во время всемирного потопа? Может быть, в плиоцене, гм?

Первую неделю плаванья коммунары не скучали. Николка не давал им сидеть без дела, а освободившись, они дрались из-за места у окна. Дрались без сердца, но с упоением. Кто кого положит на две лопатки, тот смотрит в окно полчаса.

Окон было мало, желающих смотреть — много; у окон возникали шумливые очереди. Были еще развлечения, как-то: пляска, песни, игра и разговор по телефону. Телефон придумал Николка — не для развлечения — для дела. Протянул от первого плота до последнего водопроводные трубы, к концам труб приделал рупора из бересты. «Телефон» давал ему возможность сноситься с кормовым веслом и сообразовать таким образом управление плотами.

В первые дни второй недели родилась на плотях скука, заползало уныние. Серая, однообразная обстановка приелась, из-за окон перестали спорить и драться; валы да валы, дождь да дождь, пар и пар, — ничего нового... Надоел телефон, опостытели бесконечные пляс и песни. Затосковали коммунары по зеленым лесам, по широким степям, по вольной охоте. Ург перепел все старые песни, а из новых выходило одно:

*Плывем, плывем, ух-ха-хао,
Не видать конца...
Воет ветер, ох-хе-хео,
Дождь — вода и пар — вода...*

Больше ничего не выходило. Не было стимулов к вдохновению.

Опустив лицо на колени, Ург с утра до ночи скулил эту

неприхотливую песенку. Как она действовала на неприхотливых же слушателей, показывает один коротенький инцидент, происшедший незадолго перед тем, как Ург совсем бросил петь — и новую и старые песни.

К нему подошел серьезный Ркша:

— Ург, слушай!

Ург не слышал, он пел, порхая в мыслях по желтому горячему песку, по цветистым лужайкам под лазурным небом:

*Плывем, плывем, ух-ха-хао,
Не видать конца...*

— Слушай, Ург!..

Поэт поднял тоскливые глаза. Сначала ничего не увидел, потом увидел мрачно и решительно настроенного Ркшу — медведя.

— Что хочет от меня брат мой? — спросил он.

— Давай подеремся, — без намека на улыбку предложил Ркша.

— Зачем?.. — Поэт опешил.

— Ург меня побьет, Ург будет петь скверную свою песенку, сколько хочет. Ркша побьет Урга, Ург не станет петь...

Учитывая свои маленькие шансы на одоление волосатого богатыря, поэт отвечал печально:

— Пусть брат мой будет спокоен. Ург совсем не станет петь. Ох, как ему надоело петь!..

И он долго держал слово. Держал вплоть до того радостного утра, когда на омытых лазоревых небесах вновь появилось стыдливо-прекрасное солнышко. Тогда Ург сразу вдохновился и симпровизировал приветствие:

*— Здравствуй, мой кругленький братец!
Ты такой же хороший,
Как бывает хорош
 испеченный
 в золе
 каштан.
И я хочу тебя съесть.*

Солнце появилось на исходе второй недели. Воспрянули духом коммунары. Высыпали на крыши, щебеча, подобно разнежившимся воробьям. И тени уныния не осталось на их лицах. Забыта тоска, забыты невзгоды плаванья — теснота, духота и недостаток движения. Еще сколько угодно готовы были они плыть, ныряя по изрытому грядами волн полю... Иначе чувствовал себя маленький Къколя. Он не отходил от переднего окна и не спускал беспокойного взора с широкого горизонта, открывшегося впервые за все длинное плаванье.

Не горизонт его смущал. Смущал глухой рокот, доносившийся с той стороны, куда по течению влекло их с непреодолимой силой. Что могло так рокотать? Пороги? Водопад? Действующий вулкан?.. Пороги можно обойти. Водопад? — Смотря какой водопад... Вулкан? — Какой вулкан...

Впервые появились длинные илистые отмели — справа и слева, без конца.

— Будут пороги, — решил почему-то Николка. — Это ничего. Нужно только уметь выбрать удобное место.— И успокоясь, он полез на крышу, оставив у носового весла и у руля жёлтокожего Трэпе.

С крыши развернулись более далекие перспективы: цепь отмелей кончалась через пяток километров, волнистая поверхность уходила в лазурный свод. Явления, производившего рокот, Николка не открыл. Успокоившись окончательно, он слез вниз и, строго наказав разбудить его при первых признаках изменения обстановки, лег спать, так как ночь провел плохо.

Проснулся он часа через два. Проснулся самостоятельно — от криков, сутолоки и совсем близкого грохота. Дикари, забыв о строгом наказе, теснились у окна и возились на крыше.

— Стена! Стена!.. Мы плывем на стену!..

Эти слова заставили Николку стряхнуть с себя остатки сна и броситься к окну. Перед плотами, в 10-15-ти километрах, действительно стояла белая стена, верхним краем подпиравшая небо; и справа и слева ей, казалось, не было конца. У Николки захолонуло на сердце.

— Черти! Дьяволы! Тетери! — завопил он. — Почему не разбудили? Пропадем теперь! Ведь это водопад!..

— Чэрти! Дьяволи! Тэтэри!.. — с наслаждением повторял за ним поэт Ург, никогда не упускавший случая пополнить свой запас слов.

Как нарочно, ни одной, даже самой паршивой, отмельки не было впереди...

Ругаясь на чем свет стоит, полез Николка на крышу... Гибель! Безусловная и бесславная гибель!.. Река обрывалась резким уступом; снизу распыленная вода поднималась сплошной высокой пеленой; пелена занимала горизонт от края до края. Оставалось только выбрать в ней наиболее низкое место, где падение было бы менее сокрушительным. Николка нашел такое место, там стена была в два раза ниже. Может, кто-нибудь и уцелеет...

— Держи вправо! — скомандовал он через окно в крыше. Его приказание повторили в рупор. Плоты резко повернули вправо.

— Еще правей! Еще правей! — не удовлетворился Николка, и потом: — Стать к веслам по пяти человек!.. Пусть все наденут пузыри! Все! Все! Все до одного!..

Исполнительный и перетрусивший Айюс — комиссар животного двора, обвязавшись со всех сторон бычачьими пузырями, поднял лицо к окну:

— Животным тоже надеть пузыри?

Николка только рукой махнул.

— Держать прямо! — через некоторое время скомандовал он и вдруг задышал взволнованно-радостно: в том месте, куда он направил плоты, имелся прорыв в страшной стене; там, очевидно, вода сбегала более или менее отлого... Лишь бы не понимавшие опасности рулевые не умудрили какого номера. Надо плыть, как по нитке.

— Слушай меня! — закричал он, опутив голову в окно, так как грохотанье водопада заглушало его слова. — Слушать и передавать все в рупор!.. К веслам пусть станут еще пять человек. Исполнять мою команду без разговоров и в три счета!

— Фтрищета... — улыбаясь в пространство, повторил поэт Ург, приняв новое слово за ругательство.

— ...Кто нарушит команду, — умрет!.. Прямо держать! Прямо держать!

Теперь дикари поняли, что дело не шуточно, и застыли около весел красными и желтыми изваяниями.

Плоты неслись стрелоносно; воздух задышал влагой; скрылось солнце в молочной завесе; гул и рокотание рвали напряженные нервы. Уцепившись за поручни у окна, сверлил Николка глазами желанный прорыв. До него оставалась сотня сажен, и вдруг — прорыв мотнулся вправо, вправо двинулась вся белая стена, плоты накренились на левый бок.. Николка оторопел, побледнел, похолодел.

— Конец!.. Дикари съидиотничали..— мелькнуло у него. Но когда стена зашла к нему за спину и потом снова появилась слева, снова ушла направо и закружилась вокруг плотов, он понял, что дикари тут ни при чем: плоты попали в водоворот.

Не смея нарушить приказание сердитого Къколи, рулевые, несмотря на верчение, по-прежнему стояли каменными изваяниями.

— Держать прямо! — подкрепил Николка свою команду и стал искать выход из опасного положения. Водоворот был огромен, в центре он имел клокочущую воронку, в которой исчезали все предметы, попадавшие в него. В одном месте вода крутым взбросом выплескивалась из заколдованного круга. На это место Николка обратил все свое внимание.

После целого ряда неудачных попыток (требовалось провести очень сложный для дикарей маневр), плоты под дружными ударами обоих весел выплеснулись, наконец, из водоворота вместе с пенистым взбросом воды. Где-то что-то треснуло, — Николка ни на момент не задержался.

— Держать вправо! Левей! Правей! Прямо! Прямо! — снова начал он подавать команды.

...Плоты попали в прорыв и сразу скользнули вниз с такой быстротой, что Николку сорвало с крыши, перевернуло через голову несколько раз и бросило на крышу второго

плота в цепкие объятия сидевших тут двух старцев... Таким образом он пролетел через саженный промежуток... Поражаться и благодарить себя за свою легковесность ему не пришлось в голову. Он принял чудесный полет за самую обыкновенную вещь и тотчас стал сноситься с Мъмэмом, оставшимся на крыше первого плота, при помощи знаков.

— Прямо! Прямо! — прежде всего подтвердил он.

Спуск был крут и кончился внизу невысокой стеной дробящейся в пену воды. Этой стены нельзя было избежать, разве только свернуть в сторону и разбиться в щепы. Мъмэм колебался, Николка сердито тряс головой:

— Прямо! Прямо!

Треща, подпрыгивая и давя под собой надутые шкуры, плоты проскочили через препятствие и сразу попали в спокойные воды. Совсем недалеко впереди темнел гористой полоской берег. Разобрав часть крыши и употребив доски в качестве весел, коммунары очутились через час в цветущем и благоуханном раю...

Непосредственно от берега, местами даже из воды, начиналась роща вечнозеленых магнолий; крупные белые цветы с красными влагалищными лепестками испускали приятный аромат; он был настолько силен, что чувствовался, как нечто материальное, взвешенное в воздухе. Дальше, попеременно с теми же магнолиями, длинной полосой, уходящей вверх, стояли лимонные, померанцевые и апельсиновые деревья — в цветах и в плодах. Лиловые снаружи, белые внутри, цветки лимонного дерева бросались в глаза своей нарядностью. Еще более это относилось к плодам — золотисто-желтым лимонам, кроваво-желтым померанцам и ярко-красным апельсинам.

Из того, что магнолиевая роща местами была затоплена водой, нетрудно было догадаться, что море скрыло в своих пучинах значительную часть берега.

Выше этого естественного сада начинался пихтовый лес и серебристый ельник; кое-где маячили перистой кроной гордые пальмы.

Чтобы выволочить плоты на берег, на безопасное место, понадобилось прорубить в благоуханном саду длинную и

широкую аллею. Совершая это, Николка чувствовал себя безобразным вандалом; впрочем, делал он это в каком-то полусне.

Как-то не верилось, что кончено утомительное плавание, что кошмарные переживания остались за гигантской стеной. От счастливого исхода, от одуряющего аромата, от грохотанья водопада у него кружилась голова. Оставив кому-то приводить в порядок свое новое жилье — плоты, поставленные на каменный фундамент — и условившись, что в случае какого-либо события орда даст об этом знать дружным воем, он с Ургом и Вырком пошел исследовать берег моря.

Да, это был рай! Рай без богов и ангелов, но с игривыми мартышками, крикливыми попугаями, радужными крошками-колибри и с настоящими райскими птицами, носившими пышное, сказочное оперение. Как и полагалось в раю, они были совсем ручными, эти птицы и мартышки. Изловчившись, Ург поймал одно четверорукое существо и на его верещание ответил мудрой речью:

— Скверный, ленивый человечишка, говори по-человечьи. Нечего притворяться иностранцем... Мартышка не хочет работать и поэтому живет на деревьях. Если бы она жила на земле, и приходилось бы ей драться с хищниками, если бы она работала, была бы такой же, как и Ург, даже, может, лучше.

Николка с изумлением отметил, что Ург в своей поэтической импровизации предвосхитил великие слова Энгельса о роли труда в очеловечивании животного предка человека. — «Труд сам создал людей из каких-то животных, — говорит Энгельс, и далее: — Только благодаря труду, благодаря приспособлению ко всем новым условиям среды, благодаря развитию мускулов, связок и костей рука человека достигла того совершенства, при наличии которого она могла созидать картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини...»

— Ай да Ург, ай да поэт Ург! Он своим пониманием законов человеческой эволюции даст сто очков любому нашему буржуазному экономисту...

Легкий крик разведчика Вyrка, — крик из-за стройной туи, приютившейся у самого моря, вернул Николку из мира абстрактных размышлений в мир голых фактов и сюрпризов.

К берегу моря прибило первобытно-несуразный плот. На нем покоилось несколько человеческих трупов, полузанесенных песком. Здесь же стоял Вyrк, наивно-старательно загромождавая собой что-то.

Николка вгляделся пристальней. Пять трупов были начисто обглоданы, только волосатые лица сохранили кожу, но эти лица так были обезформлены морской водой и солнцем, что родной сын не узнал бы среди них своего отца. Два трупа лежали необглоданными, тесно обнявшись и вонзив друг в друга зубы.

— Кто это? — спросил Николка, невольно задрожав.

Разведчика Вyrка не смутило обезображивающее действие солнца и морской воды.

— Могли, — уверенно отвечал он и повернулся так, чтобы снова загородить собой какой-то предмет.

Но Николка уже догадался. Зашатавшись и сделавшись белее снега, он оттолкнул Вырка в сторону... На него глянуло стеклами очков изуродованное до полной неузнаваемости лицо...

Кто, кроме ученого медика Скальпеля, мог носить очки в плиocene?.. Подстреленной птицей рухнул Николка на белые кости. От сотрясения кости рассыпались, и страшная голова отскочила.

.....
.....

Со стороны оставленной орды донесся дружный вой. Николка вскочил на ноги. Вырк держал под мышкой голову Скальпеля... Новый залп воя, и три коммунара помчались назад, опасаясь и там встретить что-нибудь чудовищное.

Они порядком отошли: орда успела еще три раза зовуще провить, прежде чем возбужденный разговор долетел до ушей Николки. Среди знакомых голосов выделялся один — удивительно близкий и неузнаваемый в то же время. Он говорил:

... — Они у меня отняли очки... они стали есть друг друга... Они хотели съесть меня... Я спрыгнул в воду с обрубком дерева в руках, и вот меня принесло на этот берег... Не знаю, что стало с ними...

— Скальпель!.. — дико вскрикнул Николка и, безумно захохотав, к ногам изумленного медика, окруженного коммунарами, шваркнул голову, вооруженную очками...

* * *

Белые стены. Мягкая, как вата, тишина. Солнечный луч играет в воздухе пылинками. Через открытое окно свешиваются гирлянды белоснежных цветов с нежным ароматом весны.

Николка — в кровати, он только что пришел в себя. Мягко открылась дверь, и в медицинском халате — выбритый и нежный, как весна — вошел Скальпель.

— А-а-а!.. Вы очнулись?.. Очень хорошо!.. То есть лучшего и желать было нельзя. Лежите, лежите и молчите.

Как это так: лежать и молчать, когда он — начальник коммуны, когда его ждет неотложная работа?..

— Где Мъмэм? — холодно спросил Николка.

— В царстве бреда и грез... — немедленно последовал ответ.

— Ерунду говорите, — сердито констатировал начальник коммуны голосом слабым, но твердым.

— Пускай так, — философски-спокойно согласился Скальпель, — но я вам запрещаю говорить.

— Тогда где же, по-вашему, я? — с недоверием спросил Николка. — Вы что: переселили себя и меня обратно в XX век?

— Прошу вас молчать. Я вам все расскажу. Никуда я вас не переселял, разве только с квартиры в фабрично-заводскую больницу.

— Чушь! — совсем обозлился Николка. — У меня повязка на голове. Я ранен — помню твердо — в бою с моглями.

— Фигли-мигли! Бред! Лежите и молчите. Оставьте свои фигли-мигли-могли. Расскажу все.

— Ну, рассказывайте!

— Вы были больны сыпным тифом, друг мой, — начал медик ровным усыпляющим голосом, садясь подле Николки на скамейку. — Тифом — так называемой геморрагической формы — очень тяжелым и, кроме того, осложнившимся на вашей нервной системе. Две недели вы пролежали без сознания — бредили и буянили... Тогда-то вы и ранили себе голову о стену, приняв ее за какого-то старца Айюса... Каюсь, что в содержании вашего бреда отчасти виноват я. За день до болезни — помните ли вы это? — я пробовал усыпить вас и переселить в первобытный мир. Потом вы заболели, а голова ваша по инерции продолжала работать в том же направлении.

— Фокусы все...— проворчал Николка и недовольно закрыл глаза.

— Фокусы?! Но кто мог знать, что после гипноза вас ждет сыпной тиф?..

— Жалею, — устало сказал Николка, не открывая глаз.

— Жалееете? О чем?

— Вообще... Теперь уходите... Буду спать...

Но медик ушел лишь тогда, когда крепкий, здоровый сон основательно закутал измученную голову фабзавука.

Примечания

Роман «Век гигантов» впервые вышел в свет в изд-ве «Земля и фабрика» (М.-Л., 1925) тиражом в 10000 экз. В СССР не переиздавался. Переизд.: Екатеринбург: КРОК-Центр, 1994; Витебск, без указ. изд., 2010; Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015.

Текст публикуется с исправлением ряда очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

«Век гигантов» – проба пера В. Гончарова в жанре палеофантастики – стал заключительным романом дилогии о докторе Скальпеле и «фабзавуке» Николке. Научно-просветительские элементы соединены в нем с традиционными для произведений такого рода приключениями на лоне грозящей всевозможными опасностями природы, среди диких животных и первобытных людей; новшеством автора является история попыток Николки превратить первобытную орду в общество коммунаров. Как и во второй части «Межпланетного путешественника», здесь ощутим мотив духовного, морального и, конечно, физического превосходства молодого поколения над «мягкотелой» интеллигенцией.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.